ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О РОДѢ

ДВОРЯНЪ РАХМАНИНОВЫХЪ.

(Съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О РОДѢ

ДВОРЯНЪ РАХМАНИНОВЫХЪ.

(Съ приложеніемъ герба и родословныхъ таблицъ).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 ноября 1894 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія отдѣльныхъ родовъ, не игравшихъ какой-нибудь замѣтной роли въ государственной или общественной жизни, не можетъ, конечно, имѣть интереса для всей публики; часто не имѣетъ она и научнаго значенія.

Другое дѣло—для представителей извѣстнаго рода. Для нихъ исторія рода имѣетъ большое значеніе, поднимая ихъ общественное самосознаніе, не въ смыслѣ, конечно, развитія родовыхъ и сословныхъ предразсудковъ и взглядовъ, а въ томъ смыслѣ, что представители извѣстнаго рода живѣе чувствуютъ свою историческую связь съ прошлымъ и настоящимъ родины, съ судьбами которой тѣсно связана и ихъ судьба, съ прогрессивнымъ движеніемъ которой по пути европейской цивилизаціи и общественной жизни связанъ ихъ прогрессъ и улучшеніе ихъ жизненныхъ условій. Стоитъ только припомнить судьбу Ивана Герасимовича Рахманинова, чтобы убѣдиться въ этомъ.

«Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ» предназначаются не для публики, а исключительно для оставшихся въ живыхъ представителей рода.

Мысль собрать свѣдѣнія о родѣ принадлежитъ Федору Ивановичу Рахманинову, который и собиралъ кропотливо матеріалъ изъ разныхъ печатныхъ источниковъ и книгъ. Смерть помѣшала ему выполнить свою задачу. Отъ него остались выписки, планъ работы, да проэктъ предисловія, въ которомъ онъ излагаетъ цѣли своего труда—дать не научное изслѣдованіе, а соб-

рать только разрозненныя свѣдѣнія о родѣ. По смерти Ф. И. Рахманинова за осуществленіе его мысли взялся брать его профессоръ университета св. Владиміра Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ, который и поручилъ работу библіотекарю московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ И. Ф. Токмакову. Послѣднiй дополнилъ матеріалъ, собранный Ф. И. Рахманиновымъ. небольшими выписками изъ архивовъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, провѣрилъ раньше собранный матеріалъ и составилъ указанія на источники, изданные въ новѣйшее время и заключающіе въ себѣ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ представителяхъ рода Рахманиновыхъ. На основаніи собранныхъ г. Токмаковымъ матеріаловъ и явилась возможность написать хоть какой-нибудь очеркъ исторіи рода Рахманиновыхъ отъ переселенія ихъ въ Россію до половины XVIII вѣка. Матеріалъ, неполный, разрозненный отразился, понятное дѣло, и на изложеніи. Объ очень многихъ представителяхъ рода не сохранилось никакихъ свѣдѣній: приходилось ограничиваться только именами.

Что касается свѣдѣній о родѣ Рахманиновыхъ съ половины XVIII вѣка, то они составлены на основаніи фамильныхъ документовъ, преданій, воспоминаній отдѣльныхъ представителей рода или же фактовъ, сообщенныхъ послѣдними относительно той или другой вѣтви рода. Матеріалъ этотъ собирался чисто случайно; поэтому, немудрено, что на каждомъ шагу встрѣчается несоразмѣрность въ изложеніи: объ одномъ говорится много, а о другомъ и ничего; есть много пробѣловъ, недомолвокъ и пр.; навѣрно, есть и ошибки, избѣжать которыхъ врядъ ли можно было при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходила работа. Все это, можно. конечно исправить, дополнить, если представители рода Рахманиновыхъ. къ которымъ попадетъ въ руки эта книга, захотятъ содѣйствовать собиранію болѣе подробныхъ свѣдѣній о своемъ родѣ [1]...

---

[1]) Профессоръ Кіевскаго университета Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ, на средства котораго издана книга, проситъ присылать ему разныя замѣчанія по поводу ея, исправленія и, если возможно, документы, относящіеся къ исторіи рода Рахманиновыхъ.

«Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ» состоятъ изъ двухъ главъ и приложеній[1]). Глава первая заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о родѣ Драгошей, а вторая посвящена исключительно роду Рахманиновыхъ. Въ «приложеніяхъ» читатель найдетъ копію родословной стольника Перфилія Рахманинова, главный источникъ для исторіи рода, нѣсколько писемъ, а также родословныя таблицы. Изъ нихъ одна воспроизведена красками подлинника, такъ какъ это—самая старая родословная и для представителей рода можетъ представлять интересъ. Къ книгѣ приложенъ также и гербъ, взятый изъ подтвердительной грамоты на дворянство, выданной Герасиму Іевлевичу Рахманинову Императрицей Елизаветой въ 1751 году.

Н. Василенко.

Кіевъ,
Май 1895.

---

[1]) Просятъ исправить слѣдующія погрѣшности въ текстѣ: на стр. 69 въ строкѣ 11 снизу *вмѣсто* Куно—Александръ и на стр. 72 въ строкѣ 5 сверху *вмѣсто* обработка—обработкою.

Глава первая.

Родъ Драгошей въ Молдавіи.—Переселеніе отрасли его—родоначальниковъ дома Рахманиновыхъ—въ Россію.

Родъ дворянъ Рахманиновыхъ, записанный въ 6-ю часть родословныхъ дворянскихъ книгъ (древнихъ родовъ), ведетъ свое начало отъ молдавскихъ господарей Драгошей, правившихъ Молдавіей съ 1350 по 1552 годъ. На это указываетъ самый древній источникъ, изъ котораго мы можемъ черпать свѣдѣнія для исторіи рода Рахманиновыхъ—родословная стольника Перфилья Федорова Рахманинова, поданная имъ въ Разрядъ въ концѣ XVII вѣка [1]). На это же указываетъ и сохранившееся въ родѣ преданіе о томъ, что до измѣненія герба Рахманиновыхъ въ 1751 году,

---

[1]) Родословная эта является однимъ изъ важнѣйшихъ фамильныхъ документовъ. Подлинникъ ея не розысканъ и, вѣроятно, утраченъ въ Разрядѣ. Судя по лицамъ, упоминаемымъ въ родословной, она составлена въ 80-хъ годахъ XVII столѣтія, когда, съ уничтоженіемъ мѣстничества, правительство приняло на себя веденіе родословныхъ книгъ фамилій дворянскихъ и съ этою цѣлью требовало отъ дворянъ свѣдѣній объ ихъ родахъ. Отъ родовъ, выѣхавшихъ откуда нибудь въ Россію, требовались болѣе положительные и несомнѣнные факты объ ихъ происхожденіи и, по представленіи ихъ, факты эти повѣрялись въ Посольскомъ приказѣ. Если факты оказывались вѣрными, то выходцы пользовались правами рожденія или заслугъ того государства, изъ котораго выѣхали или, наконецъ, занимали, соотвѣтственно съ заслугами новому отечеству, приличное мѣсто въ ряду коренныхъ русскихъ подданныхъ. При такихъ обстоятельствахъ, нельзя было излагать факты лживо и неправильно. При тогдашнихъ понятіяхъ о превосходствѣ одного рода предъ другимъ, нельзя предполагать въ составителѣ родословной Рахманиновыхъ дерзости связать неправильно свое родство съ двумя великими монархами Стефаномъ Молдавскимъ и Иваномъ III. Сношенія Россіи съ Молдавіею продолжались непрерывно, и Молдавія не была для Россіи страною неизвѣстною. Достовѣрность изложенныхъ въ родословной событій, сверхъ того подтверждается тѣмъ, что они совпадаютъ вполнѣ съ фактами, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, вѣрны хронологически и, кромѣ того, еще тѣмъ, что лица, о которыхъ говоритъ родословная, упоминаются и въ Боярскихъ книгахъ.

на немъ изображалась бычачья голова—государственный гербъ Молдавскаго господарства. Въ родословной Перфилья Рахманинова такъ говорится о происхожденiи рода: «Иванъ Степановичъ, Волосскаго владѣтельства Степана Богдановича сынъ, храбраго воеводы, кой же побилъ сто пятьдесятъ турецкихъ людей и татаръ безчисленно множество и короля польскаго и Матьяша, венгерскаго короля, изъ земли выгналъ. А у него Стефана были два сына Богданъ, да онъ, Иванъ, и Богдану велѣлъ отецъ быть въ Волохахъ владѣтелемъ, а ему, Ивану, другой жены сыну своей, быть у брата своего въ подданствѣ; и для того его назвалъ *Вечинъ*, а дочь его Стефанова была великаго князя Ивана Васильевича всея Россiи за сыномъ его за княземъ Иваномъ Ивановичемъ и о томъ про него Стефана и дѣтей его именно писано въ польскихъ лѣтописцахъ и иныхъ государствъ въ хроникахъ; а другая его была Стефанова дочь за Олександромъ, королемъ польскимъ. И какъ преставился великаго князя сынъ его Иванъ Ивановичъ, и сынъ его Стефановъ онъ, Иванъ Вечинъ, прiѣхалъ къ Москвѣ съ двумя сыны къ сестрѣ своей, не обославшись къ великому князю, и за то на него великiй князь возложилъ опалу и послалъ его на Угличъ къ брату своему Андрею Васильевичу съ дѣтьми его Ивановыми съ Василiемъ, прозвища Рахманинъ, да съ Иваномъ, прозвища Волохомъ». Отъ этого-то Василiя, по преданiю, и ведутъ свой родъ Рахманиновы. Преданiе о выѣздѣ этого рода изъ Молдавiи перешло потомъ и въ другiе источники. Такъ напр., въ «родословной книгѣ князей и дворянъ россiйскихъ и выѣзжихъ» говорится, что «Рахманиновы выѣхали изъ Волховскiя земли. Названiе приняли отъ первовыѣхавшаго, который назвался Рахманъ».

Въ виду того, что родъ Рахманиновыхъ тѣсно связанъ съ родомъ господарей молдавскихъ Драгошей, необходимо, для полноты свѣдѣнiй, познакомиться и съ судьбой этого послѣдняго рода, хотя бы до того времени, когда отрасль его, какъ говоритъ исторiя, переселилась въ Россiю и положила начало новому роду, исторiя котораго насъ интересуетъ.

Съ именемъ Драгоша связывается основанiе Молдавскаго господарства. До тѣхъ поръ Молдавiя была только временной, такъ сказать, стоянкой различныхъ народовъ, которые двигались съ востока на западъ. Готы, гунны, анты и болгары, обры и козары, вытѣсняя другъ

друга, временно являются властителями пространствъ, занимаемыхъ теперешней Молдавіей, и уходятъ затѣмъ, оставляя мѣсто новымъ пришельцамъ; ихъ смѣняютъ угры, затѣмъ половцы, наконецъ, монголы. Когда же послѣдніе были побѣждены польскимъ королемъ Казимиромъ въ битвѣ подъ Люблиномъ въ 1344 году и затѣмъ въ 1352 году въ Трансильваніи королемъ Венгерскимъ Людвигомъ, Молдавія очищается для новыхъ пришельцевъ. На этотъ разъ сюда переселяются изъ Трансильваніи молдавскіе румыны, подъ предводительствомъ воеводы Драгоша и основываютъ здѣсь особое Молдавское господарство. Когда это случилось — въ точности неизвѣстно. Хронологія, равно какъ и генеалогія первыхъ Драгошей крайне сбивчива и не даетъ возможности дѣлать какія-либо точныя заключенія. Энгель, Гебгарди и всѣ историки Молдавіи, писавшіе въ прошломъ вѣкѣ, считаютъ 1359 годъ годомъ основанія Молдавскаго господарства; тогда какъ другіе историки, основываясь на грамотѣ Константинопольскаго патріарха Антонія Бальшу и Драгошу отъ 14 августа 1293 года, считаютъ конецъ XIII вѣка—временемъ переселенія молдавскихъ румынъ въ Молдавію. Болѣе вѣроятнымъ кажется соображеніе первыхъ историковъ, такъ какъ грамоту 1293 года нужно считать подложной: патріархъ Антоній IV, который только и могъ дать эту грамоту, вступилъ на престолъ только лишь въ 1388 году.

Исторія Молдавіи и рода Драгошей до XV вѣка вообще очень темна, запутана, и о ней сохранились только отрывочныя свѣдѣнія, большинство которыхъ заслуживаетъ даже мало къ себѣ довѣрія. Одно только можно сказать, что за это время Молдавія не играла самостоятельной роли, не выработала даже правильной организаціи княжества, но постоянно должна была признавать надъ собой власть то Венгріи, то Польши, своихъ двухъ могущественныхъ сосѣдей, между которыми она находилась.

За этотъ же періодъ мы и не находимъ выдающихся людей, которые бы стояли во главѣ Молдавіи. Судя по лѣтописямъ, въ продолженіе XIV вѣка Молдавіей правили девять воеводъ изъ рода Драгоша: Драгошъ I около 1359 г., сынъ его Богданъ Саксонскій до 1365 г., Лацко, сынъ Богдана, до 1373 г., Богданъ II, сынъ Лацка, до 1379 г., Петръ I до 1389 г., Стефанъ I до 1392 г., Романъ I до 1395 г., Стефанъ I во второй разъ до 1399 и, наконецъ, Югъ I по 1401 годъ.

«Воевода Петръ I объявилъ себя на сторонѣ Польши и, подстрекаемый Ядвигой, послалъ полки свои опустошать владѣнія Сигизмунда (венгерскаго). Петръ принесъ клятву вѣрности королю Владиславу, Ядвигѣ и польскому народу 20 августа 1387 года. Къ присягѣ приводилъ какъ его, такъ и молдавскихъ бояръ, митрополитъ кіевскій Кипріанъ. Чрезъ посредство Петра, Владиславъ дѣйствовалъ и на Мирчу, воеводу волохскаго, стараясь привлечь и его къ союзу противъ Сигизмунда. Въ слѣдующемъ году, 1 декабря, на съѣздѣ въ Радомѣ, былъ заключенъ тройственный союзъ противъ Сигизмунда, который, однакожъ, по причинѣ смерти Петра, не былъ приведенъ въ исполненіе. Братья Петра, Романъ и Стефанъ, оспаривая другъ у друга воеводство, образовали двѣ партіи: венгерскую и польскую. Стефанъ, поддерживаемый Ягеллой, былъ объявленъ господаремъ Молдавіи: но неуспѣлъ онъ воцариться, какъ долженъ былъ выступить къ карпатскимъ тѣснинамъ, чрезъ которыя спѣшили вторгнуться въ Молдавію полки Сигизмунда. Походъ этотъ кончился тѣмъ, что Стефанъ, взятый въ плѣнъ, далъ присягу въ вѣрности Сигизмунду и обѣщалъ выслать дружину къ Дунаю, гдѣ готовилась несчастная для дунайскихъ племенъ битва подъ Никополемъ (1396 года). Подъ стѣнами этого города молдавскія дружины явились вмѣстѣ съ валахскими. Но Польша не могла простить Стефану примиреніе его съ Венгріей и возбудила противъ него сначала племянника его, Юга, потомъ Романа I».

Правленіе этихъ господарей было, впрочемъ, непродолжительно. Въ 1401 г., при содѣйствіи Польши, былъ избранъ господаремъ Александръ I, братъ Романа, изъ рода же Драгошей. Лѣтописи называютъ его *Добрымъ*, вѣроятно, конечно, за его заботы о внутреннемъ устройствѣ Молдавіи и за его стремленіе сдѣлать Молдавію государствомъ вполнѣ независимымъ отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей. На первыхъ порахъ, въ 1402 г., Александръ, впрочемъ, долженъ былъ признать главенство Польши и принесъ присягу на вѣрность Ягеллу, но и то съ оговоркой: въ случаѣ войны Польши съ Литвой Александръ получилъ возможность сохранять полный нейтралитетъ, равно какъ и не вмѣшиваться въ дѣла Пруссіи, съ которой Польша приходила въ постоянныя столкновенія. Все свое вниманіе Александръ обратилъ на улучшеніе внутренняго состоянія Молдавскаго господарства. Онъ учредилъ

два новыхъ епископства; заботился о приведенiи въ порядокъ разстроенныхъ финансовъ и достигъ въ этомъ отношенiи того, что даже Ягайло занималъ у него деньги. Кантемиръ въ своемъ сочиненiи о Молдавiи приписываетъ Александру также учрежденiе чиновъ и составленiе для Молдавiи перваго *Законника*, извлеченнаго, главнымъ образомъ, изъ книги τῶν Βασιλικῶν. Александру обязана Молдавiя и своимъ духовнымъ образованiемъ. Онъ, при содѣйствiи митрополита Θеоктиста, родомъ болгарина, выписывалъ изъ Болгарiи книги и заботился о распространенiи ихъ среди Молдавскаго населенiя. Этимъ, конечно, распространялся и славянскiй языкъ, который, немного спустя, сдѣлался даже языкомъ государственнымъ въ Молдавiи, какъ это можно судить по актамъ и дипломамъ, написаннымъ около этого времени. Кромѣ этого Александру приписываютъ введенiе разныхъ судебныхъ учрежденiй, улучшенiе администрацiи, дисциплины и начальствованiя въ войскѣ. Все это, конечно, должно было содѣйствовать возвышенiю Молдавiи. Конецъ царствованiя Александра былъ ознаменованъ борьбой съ Польшей, а въ 1432 году Александръ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Илью и Стефана, изъ которыхъ первый былъ женатъ на Марiи, дочери князя Андрея Ивановича Друцкаго.

Послѣ Александра Добраго до воеводы Стефана IV господари Молдавiи слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Илiашъ I до 1432 года; Стефанъ II до 1435; затѣмъ оба они до 1437; Романъ II до 1447; Петръ II до 1448; Стефанъ III, Чуберъ I и Александръ II до 1449; Богданъ IV до 1450, Петръ III, Ааронъ до 1458. За это время мы опять не встрѣчаемъ выдающихся людей и время ихъ правленiя ознаменовано рядомъ смутъ и униженiй для Молдавскаго народа.

Илья и Стефанъ, (Ильяшко и Смечко, какъ ихъ называютъ молдавскiя лѣтописи) были сыновьями Александра отъ разныхъ женъ. Преемникомъ себѣ Александръ назначилъ Илью, что вполнѣ совпадало и съ обычаемъ престолонаслѣдiя на господарскомъ престолѣ, укоренившемся въ Молдавiи. Но Стефанъ, поддерживаемый Польшей, не захотѣлъ уступить Молдавiи брату и началъ войну. Два года боролись братья, пока наконецъ, въ 1435 году не согласились раздѣлить отцовскихъ владѣнiй. Илья владѣлъ Молдавiей по Прутъ; пространство же между Прутомъ и Днѣстромъ перешло въ руки Стефана. Раздоромъ братьевъ во-

спользовалась Польша, которая и забрала ихъ въ руки и десять лѣтъ поддерживала между ними согласіе. Но около 1443 г. Стефанъ напалъ на Илью и ослѣпилъ его; а въ 1447 году былъ убитъ и самъ сыномъ Ильи Романомъ.

Во время этихъ междоусобицъ Молдавія такъ ослабѣла, что въ Польшѣ заходилъ даже вопросъ о присоединеніи государства; но вопросъ не получилъ положительнаго разрѣшенія въ этомъ смыслѣ только потому, что для Польши выгоднѣе было имѣть Молдавію въ ленныхъ отношеніяхъ и возложить на нее всю тягость защиты отъ нападенія Турокъ. Послѣдніе, дѣйствительно, часто опустошали Молдавію и борьба съ ними была очень трудна, въ особенности, въ виду того, что какъ разъ—то въ это самое время молдавскій престолъ занимали люди, далеко не выдающіеся по своимъ дарованіямъ и энергіи. Дѣло дошло до того, что въ 1456 году побочный сынъ Александра Добраго Петръ-Аронъ обязался платить туркамъ ежегодную дань. Впрочемъ, этотъ поступокъ и содѣйствовалъ паденію воеводы Петра. Сынъ убитаго воеводы Богданъ, называвшійся Стефаномъ разбилъ Петра и принудилъ въ 1458 году бѣжать изъ столицы Сучавы. Долголѣтнее царствованіе этого Стефана IV (1458—1504 г.), прозваннаго Великимъ, и составляетъ блестящую страницу въ молдавской исторіи.

Энергичный и обладавшій громадной силой воли, Стефанъ съумѣлъ исправить всѣ тѣ ошибки, которыя были сдѣланы его ближайшими предшественниками, и возвратить Молдавіи полную ея самостоятельность и независимость отъ ближайшихъ сосѣдей. Конечно, это возможно было только путемъ оружія: сосѣди добровольно не хотѣли дѣлать уступокъ— и немудрено, что все сорока-шестилѣтнее правленіе Стефана Молдавіей заполнено почти безпрерывными войнами.

Сначала нужно было покончить счеты съ бѣжавшимъ въ Польшу воеводой Петромъ, который нашелъ убѣжище у польскаго короля Казимира. Стефанъ потребовалъ его выдачи и, получивъ отказъ, началъ съ Польшей войну. Казимиръ долженъ былъ сдѣлать Стефану значительныя уступки. Послѣ этого Стефанъ обратилъ все свое вниманіе на Валахію и для того, чтобы имѣть успѣхъ объявилъ себя сторонникомъ Турокъ. Но планъ не удался: турецкій султанъ не согласился на соединеніе Молдавіи съ Валахіей. Это, впрочемъ, не уничтожило энергіи

Стефана: въ 1463 году онъ начинаетъ войну съ Трансильваніей, возобновилъ ее и въ 1467 году. Цѣлью этой войны было расширеніе молдавскихъ предѣловъ; но результаты ея не оправдали надеждъ Стефана.

Съ начала 1470-хъ годовъ начинается долгая и упорная борьба Стефана съ Турками, нѣсколько разъ возобновлявшаяся, изъ которой Стефанъ вышелъ, однако, съ честью. Возобновлялась война и съ Венграми, кончившаяся блистательной для Молдавіи побѣдой. Словомъ, повторяемъ, все царствованіе Стефана было заполнено безпрерывными войнами. Война была его стихіей и эта черта подмѣчена народомъ. Въ пѣснѣ, записанной историкомъ Стрыйковскимъ, народъ поетъ про Стефана:

> Stephan, Stephan Wojewoda,
> Bijał Turków, bił Tatarów,
> Bijał Węgrów, Ruś i Polaków.

Румынскій народъ и теперь, кажется, ожидаетъ, что Стефанъ-воевода явится опять. Въ одной пѣснѣ народный голосъ зоветъ Стефана изъ столицы Сучавы выйти на защиту родины и вѣры:

> Штефанъ, Штефанъ войвода,
> Іесе ко арми дынъ Сучава.
> Бате татари ши Русй,
> Турчи, унгари ши Лехй.

Стефанъ умеръ 2 іюля 1504 года и предъ смертью даже не могъ успокоиться. Больнымъ семидесятилѣтнимъ старцемъ предпринялъ онъ въ 1503 — 1504 году походъ противъ Польши съ цѣлью поддержать свою независимость, какъ молдавскаго господаря.

Что касается внутренней дѣятельности Стефана, то все свое вниманіе онъ направлялъ съ одной стороны на правильное устройство финансовой части княжества, на устройство арміи; съ другой—на введеніе въ Молдавіи права Византійскаго, такъ какъ Молдавія была связана съ Византіей религіозными узами. Впрочемъ, эта сторона дѣла занимала меньше его вниманіе, которое почти всецѣло было направлено на отношенія внѣшнія. Даже въ политическомъ завѣщаніи или скорѣй руководствѣ, оставленномъ Стефаномъ своему сыну, говорится почти исключительно о дѣлахъ внѣшнихъ, о томъ, что сынъ не долженъ много надѣ-

яться на своихъ сосѣдей. «Большая часть Венгріи, говоритъ Стефанъ въ этомъ «завѣщаніи», порабощена султаномъ. Крымъ, не знавшій дотолѣ никакой посторонней власти, держитъ сторону Турціи по одному уже единству вѣры. Бессарабія была свидѣтельницей успѣховъ турецкаго оружія, а Валахія еще недавно должна была признать его владычество. Польша, слабая въ лицѣ своихъ королей, была не въ силахъ вынести борьбы съ турками. Германія занята своими домашними раздорами, Сулейманъ же такой врагъ, котораго Молдавія должна болѣе всего страшиться. Всячески должно стараться не раздражать его, а, если возможно, расположить его къ себѣ». Поэтому Стефанъ совѣтуетъ своему сыну признать даже главенство султана съ полнымъ сохраненіемъ церковныхъ и гражданскихъ правъ Молдавіи. На этомъ пунктѣ и построено, главнымъ образомъ, «завѣщаніе Стефана», жизненною цѣлью котораго всегда было выработать извѣстный modus vivendi у Молдавіи по отношенію къ внѣшнимъ сосѣдямъ. Съ этой цѣлью онъ и завязывалъ съ ними дипломатическія отношенія.

Поводомъ къ сношеніямъ съ великимъ княземъ московскимъ послужила опасность, постоянно грозившая Молдавіи со стороны Казимира польскаго и Менгли-Гирея крымскаго, которые готовы были воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы, если не присоединить, то поживиться на счетъ молдавскаго господарства. Для Стефана въ этомъ случаѣ союзъ съ Иваномъ III былъ тѣмъ выгоденъ, что великій князь московскій могъ постоянно сдерживать воинственные замыслы Казимира угрозой войны, а замыслы Менгли-Гирея — разными дружественными представленіями, которыми, и безъ того, приходилось дѣйствовать Москвѣ въ своихъ сношеніяхъ съ Крымомъ. Стефанъ, съ своей стороны, готовъ былъ, въ случаѣ нужды, усердно помогать Россіи. Желая сильнѣе скрѣпить этотъ союзъ, Стефанъ предложилъ выдать дочь свою Елену за старшаго сына Ивана III—Ивана Младого. Посредницей при этихъ переговорахъ была мать великаго князя. Въ 1182 году былъ посланъ въ Молдавію бояринъ Михаилъ Плещеевъ и, въ качествѣ представителя жениха, присутствовалъ при обрученіи. Вскорѣ затѣмъ невѣста прибыла въ Россію съ сопровожденіи трехъ молдавскихъ бояръ Ланка, Сина и Герасима и ихъ женъ, и здѣсь на праздникъ Крещенія 1483 года была обвѣнчана со старшимъ сыномъ великаго князя. Судьба, впрочемъ,

не сулила долгаго счастья этому браку: въ 1490 году Иванъ Младой заболѣлъ какою-то *камчюгою* (ломотою въ ногахъ) и умеръ.

Въ связи съ этимъ бракомъ находится, какъ было уже выше замѣчено, и судьба рода Рахманиновыхъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ родословная стольника Перфилія Рахманинова.

Переѣздъ молдавской принцессы въ Москву, естественно, могъ вызвать у нѣкоторыхъ молдаванъ желаніе поискать себѣ счастья въ Россіи. Но переселеніе иностранцевъ въ московскомъ княжествѣ было обставлено особыми формальностями, которыя вызывались той подозрительностью, съ которой московское правительство всегда относилось къ иноземцамъ. Кто желалъ пріѣхать, тотъ долженъ былъ напередъ испросить позволеніе на это и исхлопотать себѣ опасную грамоту для проѣзда— иначе онъ подвергался или могъ подвергнуться всевозможнымъ непріятнымъ случайностямъ, какъ это, по преданію, и было съ родоначальникомъ Рахманиновыхъ.

Кромѣ Елены, у Стефана IV молдавскаго была еще дочь выданная потомъ замужъ за Александра короля польскаго. Изъ двухъ своихъ сыновей — старшему Богдану Стефанъ завѣщалъ молдавскій престолъ, а младшему Ивану приказалъ слушаться брата и оставаться въ его подданствѣ — и для того его назвалъ *Вечинъ* — говоритъ родословіе Перфилія Рахманинова, хотя сомнительно, чтобы названіе *Вечинъ* стояло въ связи съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ Иванъ находился въ отношеніи къ старшему брату.

Мы не знаемъ причины, которая побудила младшаго брата переселиться въ Россію: можетъ быть, ему не хотѣлось оставаться въ подданствѣ у брата. Не знаемъ также, когда совершилось и переселеніе Ивана Вечина. Родословіе Перфилья Рахманинова говоритъ, что переселился Вечинъ послѣ смерти Ивана Младого, т. е., значитъ, послѣ 1490 года, но раньше 1505 года, когда умерла Елена, такъ какъ Вечинъ переселился «къ сестрѣ своей». Затѣмъ есть у насъ еще указанія въ той же родословной для опредѣленія времени переселенія: «а Волоху Ивану (сыну Ивана Вечина) дана жалованная грамота *при великомъ князь Дмитріь Ивановичь* всея Россіи». Дмитрій, сынъ Елены и Ивана Младого, былъ коронованъ въ 1498 г. и съ этихъ поръ сталъ называться *великимъ княземъ*, потому и на жалованной грамотѣ могъ быть такъ наз-

ванъ. Въ 1502 году Елену и Дмитрія постигла опала, и Василій былъ объявленъ наслѣдникомъ: Дмитрій, такимъ образомъ, перестадъ быть великимъ княземъ; а потому и жалованная грамота могла быть дана только между 1498—1502 году: въ это время, значитъ, Вечины, а слѣдовательно, и Рахманиновы были уже въ Россіи. Имѣются еще свѣдѣнія въ той же «родословной» о грамотѣ съ именемъ «великаго князя Андрея Васильевича», выданной Ивану Вечину. Андрей Васильевичъ, какъ извѣстно, умеръ въ темницѣ въ 1493 году; въ 1491 году онъ былъ арестованъ (въ сентябрѣ). Поэтому, если вѣрить родословной Перфилья Рахманинова, Вечины, а слѣдовательно, и родъ Рахманиновыхъ, выѣхали въ Россію между 7 марта 1490 г. (день кончины Ивана Младого) и 19 сентября 1491 г. (день пріѣзда Андрея Васильевича изъ Углича въ Москву).

Иванъ Вечинъ пріѣхалъ въ Россію, «не обославшись къ Великому Князю», т. е. не испросивъ его на то разрѣшенія и не получивъ проѣздной грамоты. За такое нарушеніе законовъ Иванъ III «возложилъ на него опалу» и сослалъ въ Угличъ къ брату своему Андрею Васильевичу. Здѣсь и поселился Вечинъ съ сыновьями своими: Василіемъ, по прозванію *Рахманинъ* и Иваномъ, прозваннымъ *Волохомъ*. Впослѣдствіи въ Углицкомъ уѣздѣ были пожалованы имъ помѣстья—«въ Свѣтлицѣ село Дементьево съ деревнями и въ иныхъ городѣхъ»; грамоты на нихъ хранились въ родѣ Рахманиновыхъ еще въ XVII вѣкѣ. О нихъ говорится въ родословіи Перфилія Рахманинова: «а на углицкія деревни дана ему Ивану (Вечину) грамота Великаго князя Андрея Васильевича и съ той грамоты в сей росписи списокъ, а въ немъ пишетъ: а которыя были даны села и деревни въ Звенигородкѣ и въ Бѣжецкомъ Верху въ уѣздахъ, и на тѣ села и деревни жалованныя грамоты были у родственника нашего у Дея Иванова сына Рахманинова; а какъ онъ, Дей, умре, а после него остались тѣ жалованныя грамоты и иныя всякія родовыя письма у жены, и послѣ его смерти жена его вышла замужъ за Якова Андреева сына Змеева, и какъ наше челобитье было на него Якова на Патріаршемъ дворѣ, и за тою недружбою онъ, Яковъ, тѣхъ намъ писемъ не отдалъ». Грамоты эти нужно, кажется, считать погибшими: въ настоящее время о нихъ, по крайней мѣрѣ, ничего неизвѣстно.

Одинъ изъ сыновей Ивана Вечина, прозванный Иваномъ Волохомъ, умеръ холостымъ. Другой же Василій оставилъ потомство, и его прозвище *Рахманинъ* перешло потомъ въ фамилію рода. Трудно только сказать, что означало это прозвище и какое спеціальное значеніе имѣло оно по отношенію къ Василію. По созвучію, *Рахманинъ* можно сблизить со словомъ *рахманый* (рохманый, рахманный), которое, по словарю Даля, имѣетъ нѣсколько значеній, смотря по мѣстностямъ: въ Костромской и Вятской губерніяхъ оно означаетъ — веселый, разгульный, говорливый, разбитной: въ Московской и Тверской — хлѣбосольный, щедрый, расточительный; въ Нижегородской и Тамбовской губ.—неразвязный, вялый, скучный, слабоумный. — Такое сближеніе будетъ, впрочемъ, произвольнымъ и можетъ быть сдѣлано только, какъ предположеніе.

Отъ этого Василія Рахманина и начинается собственно родъ Рахманиновыхъ, какъ онъ изложенъ въ родословной стольника Перфилья Рахманинова [1]).

---

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Драгошей заимствованы нами изъ сочиненія *С. П. Палаузова*: «Румынскія господарства Молдавія и Валахія въ политическомъ отношеніи. Спб. 1859 г. (предварительно въ Отеч. Запискахъ). Съ приложеніемъ гербовъ Валахіи и Молдавіи и перечня актовъ и грамотъ, относящихся къ исторіи румынскихъ господарствъ съ XIV—XVIII в.».—О бракѣ Димитрія Ивановича и Елены Молдавской см. у *Карамзина*. Исторія Государства Россійскаго, изд. Смирдина т. VI стр. 177 и слѣд.

Глава вторая.

Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ со времени переселенія ихъ въ Россію до настоящаго времени.

Несмотря на высокое происхожденіе отъ господарей молдавскихъ и на близкое родство и свойство съ русскимъ великокняжескимъ домомъ, которое, казалось бы, должно было приближать родъ Рахманиновыхъ ко двору и предоставить ему играть если не первую, то все же видную роль въ русской государственной жизни—мы замѣчаемъ совсѣмъ противоположное. Родъ Рахманиновыхъ какъ-то затеривается среди служилаго класса и въ центрѣ, въ Москвѣ, не играетъ никакой роли. Не играетъ онъ видной роли и въ провинціи. Отчего все это произошло—не трудно, думается намъ, догадаться. Рахманиновы попали въ Россію въ самое неблагопріятное для нихъ время, когда шла смута при дворѣ великаго князя московскаго. Первые родоначальники Рахманиновыхъ въ Россіи, какъ мы то видѣли въ предыдущей главѣ, попали въ опалу, были удалены на первыхъ уже порахъ послѣ своего переселенія въ отдаленный Угличъ и должны были тамъ оставаться, такъ какъ историческія условія надолго оставались для нихъ тѣми же неблагопріятными. На великокняжескій московскій престолъ вступилъ послѣ Ивана III его сынъ отъ Софіи Палеологъ Василій III, ужь, по своему рожденію, а затѣмъ и по характеру своего восшествія на престолъ, человѣкъ, явно настроенный противъ потомства отъ первой жены Ивана III, въ родствѣ съ которымъ собственно и состояли Рахманиновы. Какъ извѣстно, въ дѣлѣ предоставленія великокняжескаго престола Василію III много значили придворныя интриги, которыя вела мать его Софья Палеологъ противъ потомства первой жены Ивана, къ которому долженъ былъ перейти великокняжескій столъ. У Ивана III былъ старшій сынъ Иванъ

Младой, женатый на молдавской принцессѣ, отъ которой имѣлъ сына Димитрія. Когда Иванъ Младой умеръ и, благодаря Софьи, началась придворная борьба въ пользу Василія, великій князь провозгласилъ своимъ наслѣдникомъ внука своего Димитрія и короновалъ его на царство. Но скоро обстоятельства перемѣнились. Партія Софіи и Василія одержала верхъ въ своемъ вліяніи на великаго князя, Димитрія постигла опала, онъ былъ заключенъ въ тюрьму и умеръ тамъ въ 1509 году, уже въ царствованіе Василія III Ивановича [1]). Въ связи со всѣмъ этимъ и находится, по всей вѣроятности, ссылка Рахманиновыхъ, какъ ближайшихъ родственниковъ опальнаго царевича, въ Угличъ.

Въ княженье Василія нечего было и думать Рахманиновымъ о какой-нибудь политической роли въ государствѣ. Политика великаго князя и желаніе твердо держаться на престолѣ требовала держать родственниковъ опальнаго царевича какъ можно дальше отъ Москвы. Вотъ почему, думается намъ, Рахманиновы и остались въ Угличѣ.

Со смертью Василія III условія для Рахманиновыхъ не улучшились, такъ какъ съ этой поры начинается уже смутная пора въ русской государственной жизни: правленіе Елены Глинской, затѣмъ царствованіе Ивана Грознаго, потомка того же Василія III. А тутъ проходили годы, терялась и забывалась естественная связь съ царскимъ родомъ, и, такимъ образомъ, удаленный отъ центра знатный родъ Рахманиновыхъ обращается въ обыкновенный родъ провинціальнаго служилаго сословія.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, Рахманиновы не могли играть видной роли въ государствѣ, а потому и свѣдѣній объ ихъ родѣ сохранилось чрезвычайно мало и всѣ они до того разбросаны и отрывочны, что представляется положительно невозможнымъ вести какой-нибудь связный разсказъ о родѣ. Даже больше—не о всѣхъ представителяхъ рода можно и сказать что-нибудь: о большинствѣ ихъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ голыхъ именъ въ не разъ упоминавшейся уже нами родословной стольника Перфилья Рахманинова. Трудно, а часто даже положительно невозможно установить также время, въ которое жилъ и дѣйствовалъ тотъ или другой изъ Рахманиновыхъ. Вотъ почему

---

[1]) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, изд. Товар. Общ. Пользы. Кн. II стр. 1650. *Карамзинъ.* Исторія Госуд. Росс. т. VII, изд. Смирдина стр. 7—8.

и разсказъ нашъ въ дальнѣйшемъ будетъ носить частичный и слишкомъ ужь отрывочный характеръ и на немъ, естественно, отразится несоразмѣрность частей. Объ отдѣльныхъ представителяхъ рода Рахманиновыхъ мы старались, по возможности, сообщать всѣ, доступныя намъ, свѣдѣнія.

У Василія Рахманина (см. конецъ первой главы), передавшаго свое названіе цѣлому роду, было три сына Василій, Андрей и Иванъ. Изъ нихъ, по словамъ родословной Перфилья Рахманинова, Иванъ служилъ во Ржевѣ въ 7045 (1537 году). При Иванѣ IV Грозномъ всѣ три Рахманинова были записаны по Ржеву въ боярской дворовой книгѣ, а въ 1551 году (7059), въ качествѣ лучшихъ слугъ, въ тысячной и имъ даны были помѣстья въ Дмитровскомъ уѣздѣ. а на эти помѣстья царская грамота «за вислою красною печатью на аломъ шелку». Такимъ образомъ Рахманиновы попали въ разрядъ тѣхъ, которые были испомѣщены, по приговору царя и бояръ въ 1550 году, когда шелъ вопросъ о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ несеніи ратной службы и когда постановлено было «раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынцахъ, въ перевѣсныхъ деревняхъ и Тетеревичахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70 дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ. такимъ боярамъ и окольничимъ дать помѣстья въ московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей: дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьи дѣтямъ боярскимъ дать по 150 четвертей. третьей статьи по 100 четвертей; сѣна давать имъ по стольку жъ копенъ. на сколько кому дано четвертной пашни, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копенъ; который изъ той тысячи вымретъ, а сынъ его къ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другого. А за которыми боярами и дѣтьми боярскими вотчины въ московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, верстъ за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать» [1]). Вотчины Рахманиновыхъ были, какъ мы видѣли далеко отъ Москвы, въ Углицкомъ уѣздѣ, поэтому ничто имъ не препятствовало быть записанными какъ въ тысячную книгу,

---

[1]) *С. М. Соловьевъ* Исторія Россіи, изд. Товар. Общ. Пользы. Кн. II, стр. 357—358.

получившую такое названіе отъ тысячи дѣтей боярскихъ въ ней записанныхъ, такъ и получить помѣстья подъ Москвой. Родословная Перфилья Рахманинова говоритъ также, что Рахманиновымъ были даны кромѣ того села и деревни въ Ржевскомъ, Зубцовскомъ и Волоколамскомъ уѣздахъ. О времени пожалованія этихъ помѣстій трудно сказать, были ли они пожалованы при испомѣщеніи дѣтей боярскихъ подъ Москвой въ 1551 году или же это случилось нѣсколько позже. Родословная говоритъ, что жалованныя грамоты на эти послѣднія помѣстья пропали у Якова Змѣева, за котораго въ половинѣ XVII вѣка вышла замужъ вдова одного изъ наиболѣе видныхъ Рахманиновыхъ Дія Иванова.

Кромѣ этихъ свѣдѣній въ портфеляхъ Г. Ф. Миллера имѣется еще извѣстіе о томъ, что въ 1563 году (7071) Иванъ Рахманиновъ ходилъ съ государемъ къ Полоцку у копія подъ рындою[1]).

Андрей Васильевъ Рахманиновъ принималъ участіе въ соборѣ 1566 года, созванномъ Иваномъ IV для рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли продолжать тяжелую войну съ Ливоніей, когда успѣхи ея очень сомнительны или же слѣдуетъ заключить миръ, отказавшись даже отъ притязаній на нѣкоторые ливонскіе города? На соборѣ этомъ каждое сословіе, а также и печатникъ Висковатый подали отдѣльныя мнѣнія. Отдѣльно, по статьямъ (т. е. по разрядамъ) говорили дворяне и дѣти боярскіе. «А мы, говорится въ приговорной грамотѣ 2 іюля 1566 года,— дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи (передъ ними говорили «дворяне первая статья»), язъ Өедоръ Григорьевъ сынъ Карамышевъ, язъ, Өедоръ Никитинъ сынъ Дубенской..... язъ, Леонтей Истоминъ, сынъ Беклемишевъ, язъ, Офонасей Өедоровъ сынъ Загрязсково, язъ, *Андрей Васильевъ сынъ Рахманиновъ.....* язъ, Өедоръ Степановъ сынъ Волуевъ и др., по государскому наказу о литовскомъ дѣлѣ говорили есмя и наша мысль: вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, какъ свое государево дѣло сдѣлаетъ, его государева воля, да что будетъ государская мысль; а мы государевы холопи служилые люди, намъ какъ государь велитъ, и мы холопи его на государево дѣло готовы». Въ дальнѣйшемъ они, какъ и другія сословія, высказываются за необходимость продолжать войну и за свою

[1]) Портфели Г. Ф. Миллера, хранящіеся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. № 284 IV, тетр. 1, л. 12.

полную готовность помогать царю чѣмъ угодно. «Государевымъ подвигомъ, говорятъ они, Богъ государю литовской городъ Полтескъ поручилъ и послѣ того и Озерища государю нашему Богъ поручилъ и тѣмъ городомъ безъ уѣздовъ какъ быти? А мы холопи его готовы для его государева дѣла головы свои класти и помереть готовы за государя своего и за его дѣтей, за государей нашихъ за царевичевъ и за ихъ вотчины» [1]). Царь поступилъ, какъ извѣстно, согласно высказаннымъ на соборѣ желаніямъ, и война продолжалась [2]). О Васильѣ Васильевичѣ Рахманиновѣ мы не имѣемъ отдѣльныхъ свѣдѣній. Въ 1545 году (7052) подписался въ качествѣ послуха (свидѣтеля) на записи, выданной княземъ Андреемъ Петровичемъ Поздреватымъ на заемъ у Ивана Васильевича Шереметьева 100 рублей денегъ—какой-то дьякъ Василій Васильевичъ Рахманиновъ [3]). Онъ же пишетъ и закладную кабалу тому же Шереметьеву отъ Поздреватаго [4]). Его спрашиваютъ затѣмъ въ качествѣ дьяка-свидѣтеля при разборѣ дѣла о долгѣ Поздреватаго Шереметьеву [5]). Но врядъ-ли можно видѣть въ этомъ дьякѣ Василья Васильевича Рахманинова, потомка Вечина, испомѣщеннаго потомъ въ подмосковскихъ уѣздахъ. Вѣроятно, дьякъ этотъ былъ однофамилецъ. И теперь существуетъ купеческій родъ Рахманиновыхъ, судя по родословной Перфилья Рахманинова, не стоящій ни въ какой связи съ родомъ дворянскимъ, такъ какъ стольникъ—составитель родословной—прибавляетъ въ концѣ ея, что онъ перечислилъ всѣхъ своихъ родичей: «и роду нашего Рахманиновыхъ, говоритъ онъ, только: а которые иные роды пишутся такимъ же прозваніемъ Рахманиновыхъ, и намъ до нихъ дѣла нѣтъ, и тѣ не нашего роду; а отъ какихъ родовъ они пришли, и почему они пишутся Рахманиновы, про то мы не вѣдаемъ. А иныхъ родовъ отъ нашего рода здѣсь въ московскомъ государствѣ никого нѣтъ».

Трудно, конечно, сказать, на сколько вѣрно такое утвержденье стольника Перфилья Рахманинова и на сколько, въ дѣйствительности, полна составленная имъ родословная и лишена пропусковъ. Въ послѣд-

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. I стр. 551 № 192.

[2]) *С. М. Соловьевъ* Исторія Россіи, кн. II стр. 197 (изд. «Общ. Пользы»).

[3]) *Барсуковъ* Родъ Шереметьевыхъ т. I стр. 107.

[4]) Ibid I, 115.

[5]) Ibid. I, 124.

немъ есть много основаній сомнѣваться, на что намъ не разъ придется указывать ниже. Здѣсь отмѣтимъ такой фактъ. Въ числѣ дѣтей боярскихъ, отчисленныхъ въ 1550 году въ составъ столичнаго дворянства значится Романъ Васильевъ Рахманиновъ въ третьей статьѣ съ Можайска [1]). Въ виду того, что сама родословная упоминаетъ, какъ мы видѣли, объ испомѣщеніи Рахманиновыхъ въ подмосковскихъ уѣздахъ, трудно думать, чтобы Романъ Васильевъ Рахманиновъ, принадлежавшій съ разряду дѣтей боярскихъ, не состоялъ въ родствѣ съ Андреемъ, Василіемъ и Иваномъ Васильевыми. Судя по сходству ихъ отчествъ, сходству разрядовъ служилыхъ людей, къ которымъ они принадлежали, одному и тому же времени и одинаковымъ условіямъ ихъ испомѣщенія, мы склонны думать, что Романъ былъ родной братъ Андрея, Василія и Ивана Рахманиновыхъ, пропущенный составителемъ родословной.

Василій и Андрей Васильевичи Рахманиновы умерли бездѣтными, у Ивана же Васильевича было четыре сына: Алексѣй, Иванъ Большой, Василій и Иванъ Меньшой. Иванъ Васильевичъ Большой женатъ не былъ, а холостымъ былъ убитъ на службѣ. Былъ убитъ тогда же и Василій Васильевичъ, но онъ оставилъ послѣ себя сына Ивана. Вотъ этотъ-то Иванъ, затѣмъ его дяди Алексѣй и Иванъ Ивановичи, въ концѣ, вѣроятно, царствованія Ивана IV Грознаго, были переведены изъ Ржева на службу въ Рязань и числились между служилыми въ большой статьѣ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ имъ были пожалованы помѣстья, записанныя за ними и во время переписи помѣстныхъ земель въ 1575 (7083) году. На эти земли при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ въ 1594 (7102) году была выдана Рахманиновымъ явочная грамота, содержавшая, очевидно, перечисленіе рязанскихъ помѣстій Рахманиновыхъ. Къ сожалѣнію только, грамота эта не сохранилась въ той копіи родословной, которою пользовались мы, хотя къ подлиннику ея, судя по словамъ родословной, явочная грамота была, несомнѣнно, приложена. Мы, такимъ образомъ, лишены возможности опредѣлить хоть приблизительно размѣръ пожалованныхъ Рахманиновымъ помѣстій въ Рязанскомъ уѣздѣ, обращенныхъ при Шуйскомъ въ ихъ вотчины.

---

[1]) Десятня и тысячная книга XVI в., изд. В. Н. Сторожевымъ, стр. 202.

Алексѣй Ивановичъ Рахманиновъ былъ убитъ на службѣ во время одного изъ походовъ, вѣроятно, противъ Татаръ, гдѣ-то въ степи на Богатомъ Зажохѣ. Единственный сынъ его Димитрій былъ также убитъ Татарами въ царствованіе Бориса Годунова, «какъ посланъ былъ ставить царства Борисова города», по выраженію родословной, т. е. при постройкѣ пограничныхъ городовъ. Рязанская земля была пограничнымъ уѣздомъ Московскаго царства и соприкасалась съ татарами. На обязанности служилыхъ и ратныхъ людей, жившихъ въ такихъ пограничныхъ областяхъ, лежало оборонять границы государства отъ набѣговъ многочисленныхъ кочевниковъ, облегавшихъ московское государство, и строить для защиты и расширенія предѣловъ государства остроги и города въ степи. Степь тогда подходила почти къ самой Рязани, и теперешніе наши промышленные города Елецъ, Орелъ, Ливны, затѣмъ Тамбовъ возникли въ былое время, въ XVI вѣкѣ, какъ оборонительные пункты въ степи противъ кочевниковъ. Во вновь построенныхъ городахъ несли сторожевую службу служилые и ратные люди пограничныхъ областей, нѣкоторые селились здѣсь, и этимъ обстоятельствомъ можно объяснить почему ржевскіе, углицкіе и рязанскіе дворяне дѣлались вотчинниками — землевладѣльцами степной окраины московскаго государства.

Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ—меньшой братъ Алексѣя, имѣлъ пять сыновей: Андрея, Дія, Михаила, Алексѣя, Григорія. Періодъ ихъ дѣятельности относится къ смутному времени и затѣмъ къ царствованію Михаила Өедоровича и Алексѣя Михайловича. О времени смерти Ивана Ивановича ничего неизвѣстно въ точности. Въ книгахъ боярскихъ и городскихъ по городу Устюгу, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подъ 1628 и 1629 годами упоминается Иванъ Ивановъ Рахманиновъ, о которомъ на поляхъ подъ 1629 годомъ сдѣлана помѣта: «умре» [1]). Вѣроятно, это и былъ Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ —Младой, такъ какъ другого соименника ему въ это время не встрѣчается. Этотъ Иванъ Ивановичъ со своими сыновьями Андреемъ, Діемъ и Григоріемъ отличились при Василіи Шуйскомъ, «въ королевичахъ приходахъ, говоритъ родословная, въ осадѣ сидѣли», т. е. выдержали осаду. Что это за осада—нельзя опредѣлить

[1]) Книги боярскія и городскія по городу Устюгу, стр. 155 обор., стр. 204.

за неимѣніемъ данныхъ. Трудно только думать, что это была знаменитая осада Смоленска королемъ Польскимъ Сигизмундомъ: рязанцы Рахманиновы врядъ-ли могли попасть въ это время въ Смоленскъ, предоставленный царемъ своимъ собственнымъ силамъ и неполучавшій изъ Москвы никакой помощи кромѣ милостивыхъ грамотъ царя Василія Ивановича. Какъ бы то ни было за выдержанную осаду Рахманиновы были награждены тѣмъ, что помѣстья ихъ были обращены въ вотчины, т. е. въ потомственное владѣніе, съ предоставленіемъ владѣльцамъ ихъ полныхъ правъ пользованія и распоряженія. На эти вотчины была выдана Рахманиновымъ жалованная грамота «за красною вислою печатью на аломъ шелку»; онѣ же были записаны за Рахманиновыми по писцовымъ книгамъ и сдѣлались основой ихъ земельныхъ владѣній въ рязанскомъ уѣздѣ.

Объ Андреѣ Ивановичѣ Рахманиновѣ родословная сохранила еще свѣдѣнія, что онъ служилъ въ Рязани и былъ написанъ въ спискахъ служилыхъ людей первымъ человѣкомъ. Во время похода польскаго королевича Владислава въ Россію въ 1618, когда онъ хотѣлъ насильно овладѣть русскимъ престоломъ, послѣ того, какъ въ Россіи выбрали на царство Михаила Федоровича, — Андрей Ивановичъ Рахманиновъ былъ посланъ въ Вязьму, значитъ, поближе къ польской границѣ, письменнымъ головою, причемъ ему былъ данъ въ 1618 (7126 г.) особый наказъ, какъ ему поступать въ Вязьмѣ. Къ сожалѣнію, и этотъ наказъ выпущенъ въ той копіи родословной Перфилья Рахманинова, которой пользовались мы, хотя и былъ, очевидно, приложенъ къ подлинной родословной: «и отъ того наказу в сей росписи списокъ, а въ немъ пишетъ» говорится въ источникѣ, легшемъ въ основу нашихъ свѣдѣній о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ.

Изъ сыновей Ивана Ивановича Младого, судя по нѣсколько большему количеству сохранившихся свѣдѣній, кажется, болѣе видную роль игралъ Дій, дѣятельность котораго относится, главнымъ образомъ, къ царствованію царя Михаила Федоровича. Родословная, къ сожалѣнію, говоритъ о Діѣ Ивановичѣ слишкомъ ужь кратко. «А Дей Ивановъ сынъ по Рязани былъ написанъ послѣ брата своего (Андрея) въ списку въ первый человѣкъ, и въ лѣто 1641 (7149) году былъ онъ на Михайловѣ (Рязанской губ.) воеводою».

Дій Ивановичъ началъ свою службу въ смутное время и, какъ мы знаемъ, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго выдержалъ осаду отъ непріятелей, за что и былъ награжденъ обращеніемъ помѣстій въ вотчины. О дальнѣйшей службѣ Дія Ивановича мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Въ упоминавшихся нами уже «книгахъ боярскихъ и городскихъ города Устюга» онъ значится подъ 1620 годомъ, когда получалъ окладъ въ 20 рублей, подъ 1621 — въ 21 рубль и затѣмъ подъ 1636, 1641, 1642 и 1648, когда окладъ его значится въ 28 рублей. Какія должности занималъ въ это время Дій Ивановичъ, неизвѣстно. Въ «Дворцовыхъ разрядахъ» [1]) записанъ такой мѣстническій споръ Дія Ивановича Рахманинова. Въ 1622 году царь Михаилъ Федоровичъ послалъ въ большой полкъ, въ Переяславль Рязанскій вмѣсто Ивана Сабурова воеводу Ивана Петровича Шереметьева и Петра Степановича Чевкина, которые назначили отъ себя головами Дія Рахманинова и Ивана Можарова. Но Дій Рахманиновъ и Иванъ Можаровъ заявили, что они не могутъ быть головами отъ Петра Чевкина, естественно, конечно, потому что ихъ родъ если не выше, то равенъ роду Петра Чевкина. Чевкинъ жаловался государю, доказывая въ своей челобитной право свое по родовымъ счетамъ назначать Дія Рахманинова въ головы: «въ 112 году, писалъ онъ, были у Красносельской засѣки воеводы князь Кондратей Ивановичъ Щербатой да Юрья Чевкинъ, да Гаврило Васильевъ сынъ Коробинъ, да въ 121 году посыланы подъ Смоленескъ были бояре князь Иванъ Михайловичъ Воротынской, князь Алексѣй Юрьевичъ Сицкой, да окольничей Ортемей Васильевичъ Измайловъ, да дворяне: Семенъ Гавриловъ сынъ Коробинъ, да Ефимъ Григорьевъ сынъ Телепневъ и Дѣевъ братъ болшои Андрей Рахманиновъ, былъ съ сотнею голова отъ Семена Коробина да отъ Ефима Телепнева. А на Ивана Можарова писалъ, что въ прошломъ въ 100 году отецъ Ивана Можарова былъ въ государевыхъ въ дворцовыхъ селѣхъ прикащикомъ въ селѣ Полуевѣ; да въ 106 году былъ на Михайловѣ Степанъ Чевкинъ да голова стрѣлецкой Михайло Кошелевъ, а Иванъ Можаровъ у Михайла Кошелева былъ въ сотникахъ у стрѣльцовъ». Царь уважилъ челобитную Петра Чевкина: «Дея Рахманинова да Ивана Можарова за Петрово безчестье Чевкина велѣлъ по-

---

[1]) Дворцовые разряды, I, 504.

садить въ тюрму». Отъ 1640 года дошла до насъ интересная челобитная, напечатанная въ «Русской Исторической Библіотекѣ» [1]) и въ «Трудахъ Рязанской археографической коммиссіи» [2]). Въ челобитной этой, писанной 12 октября 1640 года и очень характерной для того времени «Дѣйка Ивановъ сынъ Рахманиновъ» бьетъ челомъ царю Михаилу Федоровичу, жалуясь на то, что служки Аграфениной Покровской пустыни ограбили его людей. «147 (1639) года на послѣдней недѣлѣ великаго мясоѣда въ четвергъ, пишетъ онъ въ этой челобитной, отпустилъ я крестьянъ своихъ сельца Ласкава изъ села Ходынина Тараску Иванова сына Исакова, да Петрушку Иванова сына Фролова для покупки соли, меду, воску и «для лѣсныя сѣчи» и далъ имъ на задатокъ 65 рублей денегъ. Вотъ этихъ-то крестьянъ служки монастыря, подкарауливъ на дорогѣ, «учали бить и грабить», «и убивъ, и ограбя замертво покинули». Отъ полученныхъ побоевъ одинъ изъ крестьянъ Тарасъ Ивановъ умеръ, другой же неизвѣстно гдѣ пропалъ. Кромѣ 65 рублей, данныхъ крестьянамъ на задатокъ, служки пограбили у крестьянъ зипуны, шапки, шубы и рукавицы, а также и денегъ крестьянскихъ рублей на восемь съ полтиною. «А впредь, государь, говорится въ заключеніи челобитной, того монастыря служки и крестьяне похваляются на меня и на людишекъ моихъ и на крестьянишекъ разбоемъ, и подметомъ, и поклепомъ, и пожегою, и убійствомъ, и всякими лихими дѣлы. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всея Русіи, смилуйся, вели, государь, мое челобитья и явку записать. Царь, государь, смилуйся пожалуй»!

Въ 1641 году мы встрѣчаемъ Дія Ивановича на Михайловѣ воеводой. Поэтому случаю въ записной книгѣ Московскаго стола за 149 (1641) годъ мы находимъ такого рода запись, которая свидѣтельствуетъ намъ о времени назначенія Дія Иванова и вступленія его въ воеводскую должность: «ноября въ 27 день велѣно быти на Михайловѣ на княжъ Василіево мѣсто Морткина резанцу Дѣю Иванову сыну Рохманинову. Наказъ и грамота о росписке Дѣю дана за приписью діака Григорья Ларіонова; а князю Василью Морткину велѣно ѣхать къ Москвѣ; а пріѣхалъ Дѣй на Михайловъ генваря въ 15 день нынѣшнего 149 году» [3]).

---

[1]) Рус. Истор. Библ., т. II, стр. 995—996.

[2]) Труды рязан. археогр. ком., т. II, стр. 109.

[3]) Русская Историч. Библіотека X, 224.

Время смерти Дія, а также до какихъ поръ онъ оставался на Михайловѣ воеводою — неизвѣстно. Въ 156 году (1648) году 1 марта Алексинское и другія помѣстья Дія справлены за его вдовою Марьею и сыномъ Михаиломъ Діевичемъ [1]). Значитъ, въ это время Дій уже умеръ. Жена его впослѣдствіи 22 іюля 158 (1650) года вышла замужъ за стольника Якова Андреевича Змѣева и забрала съ собою, по словамъ родословной, жалованныя грамоты на вотчины, пожалованныя Рахманиновымъ. Грамоты эти такъ и пропали у Змѣевыхъ, о чемъ не разъ упоминается въ родословной Перфилья Рахманинова.

О другихъ сыновьяхъ Ивана Ивановича Рахманинова Младого Григоріи и Михаилѣ Ивановичѣ ничего неизвѣстно. Вѣроятно, они не играли какой-нибудь болѣе или менѣе значительной роли, которая бы помѣшала сохраненію свѣдѣній объ ихъ дѣятельности для потомства. Имя Михаила Ивановича встрѣчается, впрочемъ, въ «Боярскихъ и городскихъ книгахъ по городу Устюгу», гдѣ подъ 1636 годомъ и 1648 значится получающимъ «окладъ» по 8 рублей въ годъ рязанецъ Михайло Ивановъ сынъ Рохманиновъ [2]).

Кромѣ сыновей Ивана Ивановича Рахманинова Младого родословіе называетъ еще сидѣвшимъ въ осадѣ какого-то Никиту Ивановича Рахманинова, котораго не находимъ совсѣмъ въ родословной таблицѣ, приложенной къ дѣламъ о родѣ Рахманиновыхъ въ Тамбовскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Въ родословіи Перфилья Рахманинова этотъ Никита Ивановичъ стоитъ какъ-то особнякомъ и не связанъ ни съ какою вѣтвью дома Рахманиновыхъ. «А Никита Ивановъ сынъ Рахманиновъ, говоритъ родословная, при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ всея Россіи на Москвѣ же въ осадѣ сидѣлъ и за то дана ему изъ помѣстья вотчина, и на ту вотчину дана ему вотчинная жалованная грамота за красною вислою печатью на аломъ шелку: а по той жалованной грамотѣ вотчины его въ Медынскомъ и Алексинскомъ уѣздахъ написаны за нимъ въ воловыхъ писцовыхъ книгахъ, и тѣ книги нынѣ въ Помѣстномъ приказѣ. А умеръ онъ, Никита, при Государѣ Царѣ и Великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи въ Московскую

---

[1]) Изъ семейнаго архива Ѳ. И. Аксакова.

[2]) Боярскія и городскія книги по гор. Устюгу, листъ 422 и 917

службу». Относительно Никиты Ивановича не можетъ быть, конечно, вопроса о томъ, что онъ родственникъ и притомъ ближайшій къ главной линіи дома Рахманиновыхъ. За это говоритъ внесеніе его въ родословіе стольника Перфилья Рахманинова: за это говоритъ и переходъ помѣстій, по смерти Никиты Ивановича къ Дію Ивановичу и Өедору Дмитріевичу Рахманиновымъ. Вопросъ заключается только въ томъ, чей сынъ былъ Никита Ивановичъ? Всѣхъ Ивановъ, перечисленныхъ до сихъ поръ въ рукописи, было шесть. Три изъ нихъ Иванъ Вечинъ, Иванъ Волохъ и Иванъ Васильевичъ I не могутъ идти въ разсмотрѣніе, такъ какъ хронологически нельзя связать съ ними Никиту Ивановича. Затѣмъ остаются Иванъ Большой, Иванъ Меньшой и Иванъ Васильевичъ II, внукъ Ивана Васильевича I-го. Иванъ Большой, по свидѣтельству родословной, умеръ бездѣтнымъ; сыновья Ивана Меньшого точно перечислены и трудно думать, чтобы при перечисленіи ихъ составитель родословной пропустилъ одного Никиту, о которомъ счелъ нужнымъ говорить отдѣльно. Остается, такимъ образомъ, одинъ только Иванъ Васильевичъ II и съ нимъ то, кажется намъ, вѣроятнѣе всего нужно связывать Никиту Ивановича, какъ его сына. Никита Ивановичъ умеръ, очевидно, бездѣтнымъ, такъ какъ помѣстья его и вотчины перешли въ другую линію.

Въ книгахъ «Боярскихъ и городскихъ по городу Устюгу» упоминаются еще жильцы Григорій Денисовъ Рахманиновъ, Василій Архиповъ и Өедоръ Микулинъ, получающіе первый по 8 рублей, второй по 6 и третій по 10 рублей оклада. Но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ связать ихъ съ родомъ Рахманиновыхъ, который мы теперь разсматриваемъ.

Въ виду того, что въ первой половинѣ XVII вѣка родъ Рахманиновыхъ значительно развѣтвляется и обзоръ свѣдѣній о немъ въ чисто хронологическомъ порядкѣ этимъ значительно усложняется и запутывается, мы ниже постараемся сгруппировать ихъ по главнѣйшимъ линіямъ.

Начнемъ обзоръ съ линіи ведущей начало отъ сына Ивана Васильевича Рахманинова I—Алексѣя Ивановича. Мы видѣли, что у него былъ сынъ Дмитрій, убитый при постройкѣ пограничныхъ городовъ при Борисѣ Годуновѣ. У Дмитрія Алексѣевича былъ сынъ Федоръ, о которомъ родословная сохранила свѣдѣнія, что онъ въ 1642 (7150) году

былъ воеводою на Епифани, а въ 1649 (7157) въ Осташковѣ (теперь Тверской губ.). Объ этомъ Федорѣ Дмитріевичѣ въ записной книгѣ Московскаго стола подъ 7155 (1646) годомъ читаемъ: «Въ судныхъ приказѣхъ. На Епифани резанецъ Ѳедоръ Дмитріевъ сынъ Рохманиновъ посланъ въ 153 (1644) году въ генварѣ и 155 году въ октябрѣ отпущенъ на Ѳедорово мѣсто Рохманинова резанецъ Микита Микулинъ сынъ Мосаловъ, а велѣно ему Ѳедора Рохманинова перемѣнить декабря въ 6 день 155 году. И 156 году на Микитино мѣсто Мосалова ..... отпущенъ князь Петръ княжь Силинъ сынъ Вяземской [1])». Эта запись исправляетъ годъ назначенія Ѳедора Дмитріевича Рахманинова воеводой въ Епифань, указанный родословной. Воеводой въ Епифани онъ былъ, такимъ образомъ, около двухъ лѣтъ съ 1644 по 1646 годъ.

Федоръ Дмитріевичъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Михаила, Перфилья, Исая и Захара. Свѣдѣній о нихъ въ нашемъ распоряженіи имѣется очень мало. Среди приказныхъ дѣлъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [2]) сохранилось дѣло отъ 1672 (7180) года по челобитью рязанца Василія Леонова и подъячаго помѣстнаго приказа Григорія Ремезова на Михаила Рахманинова о завладѣніи послѣднимъ «насильствомъ» ихъ помѣстной и вотчинной земли въ Рязанскомъ уѣздѣ въ Каменскомъ и Окологородномъ стану. Въ числѣ лицъ, подписавшихся на поручной записи и обязавшихся, что Михаилъ Рахманиновъ не съѣдетъ съ Москвы, а явится къ разбирательству дѣла, значатся братья его Исай и Захаръ Федоровичи. Чѣмъ кончилось это дѣло—намъ неизвѣстно. О Захарѣ, его жизни и дѣятельности у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Родословная Перфилья Рахманинова помѣщаетъ его, равно какъ и Михаила Федоровича въ числѣ *стряпчихъ*. Это былъ особый разрядъ придворныхъ людей, состоявшихъ при особѣ государя для всякихъ ему услугъ. Назначались стряпчіе къ самымъ разнообразнымъ службамъ, за исключеніемъ только болѣе крупныхъ назначеній на должности воеводъ и пословъ. Стряпчіе занимали въ придворной лѣстницѣ мѣсто послѣ стольниковъ и служили переходною ступенью къ послѣдней. Несмотря на невысокое ихъ положеніе, стряпчими бывали даже лица очень знатныхъ фамилій [3]).

---

[1]) Русская Истор. Библіотека, X, 308.

[2]) Связка 455, № 7.

[3]) *Сергѣевичъ* Рус. Юридич. Древности т. I стр. 466—467.

Дѣятельность сыновей Федора Дмитріевича Рахманинова относится къ концу XVII вѣка. Изъ «Боярскихъ книгъ» видно, что Захарій Федоровичъ былъ въ послѣдствіи стольникомъ. Съ этимъ званіемъ онъ упоминается подъ 1687 и 1692 годами. Михаилъ же Федоровичъ, вѣроятно, и умеръ въ стряпчихъ. Стольники, какъ извѣстно, составляли почетное придворное званіе; старшіе члены этого чина разсылались по воеводствамъ, младшіе же несли военную службу въ полку государя и по городамъ при воеводахъ [1]).

Въ 1675—1676 году въ Серпуховѣ былъ воеводой братъ Захара и Михаила Исай Федоровичъ Рахманиновъ. Въ нашемъ распоряженіи была переписка его съ Москвой отъ этого времени, гдѣ онъ просилъ о присылкѣ указа для розыска по поводу убійства кареннаго цѣловальника торусскаго кружечнаго двора Давида Борисова и думнаго дворянина Ивана Прончищева его дворовыми людьми [2]). Переписка эта, впрочемъ, чисто оффиціальнаго характера, касается только существа дѣла и мало характеризуетъ какъ личность Исая Федоровича Рахманинова, такъ мало содержитъ и бытовыхъ подробностей для характеристики того времени. Вслѣдствіе этого мы и не считаемъ нужнымъ приводить ее здѣсь.

Скудныя свѣдѣнія имѣемъ мы о составителѣ родословной Перфильѣ Федоровичѣ Рахманиновѣ. Въ «Боярскихъ книгахъ» съ 1668 по 1676 годъ (7176—7184) онъ упоминается съ чиномъ стряпчаго, а съ 1676 года дѣлается стольникомъ и воеводой въ Галичѣ съ пригородами [3]). Въ этой должности онъ упоминается и въ родословной подъ 1679 (7187) годомъ. Никакихъ свѣдѣній объ его дѣятельности у насъ не имѣется.

Въ дальнѣйшемъ, при обзорѣ этой линіи рода Рахманиновыхъ, намъ приходится ограничиваться почти только голымъ перечисленіемъ именъ, такъ какъ никто изъ представителей этой отрасли не выдвинулся чѣмъ-нибудь болѣе или менѣе замѣтнымъ.

У Михаила Федоровича Рахманинова было два сына: Семенъ-Богданъ и Назаръ Михайловичи. Послѣдній упоминается подполковникомъ Пермскаго пѣхотнаго полка въ приложенномъ къ «Протоколамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта» отъ 18 ноября 1726 года «імяномъ спискѣ ге-

---

[1]) *Сергѣевичъ* цитир. соч. I, 481.

[2]) Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ.

[3]) Дополненія къ Актамъ историческимъ, IX. 84.

нералитету и штапъ-офицѣромъ, обрѣтающимся при армейскихъ полкахъ и въ гварнизонахъ, такожъ і отставнымъ« [1]) 5 іюня 1730 года Назаръ Михайловичъ былъ пожалованъ изъ подполковниковъ въ полковники [2]).

У Захара Федоровича, очевидно, не было сыновей: въ родословную таблицу они, по крайней мѣрѣ, не занесены.

Что же касается Исая Федоровича, то онъ оставилъ двухъ сыновей: Тимофея Исаевича и Ивана Исаевича, хотя послѣдній почему-то не внесенъ въ родословную таблицу. Существованіе Ивана Исаевича доказывается вполнѣ земельными дѣлами рода Рахманиновыхъ. 10 апрѣля, напримѣръ, 196 года (1688 г.) вдова Арина, жена Якова Змѣева, изъ прожиточнаго своего помѣстья въ Алексинскомъ уѣздѣ въ Сотинскомъ станѣ въ с. Сотинѣ 5 четвертей съ осьминою уступила Ивану Исаеву сыну Рахманинову. Въ 201 году (1693) 8 августа это уступленное помѣстье было дано *родному брату* Ивана Тимофею Исаевичу Рахманинову. Вѣроятно, эта уступка совершилась уже по смерти Ивана Исаевича, умершаго, какъ можно думать, бездѣтнымъ. Можетъ быть, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ объяснить пропускъ его въ родословной таблицѣ рода Рахманиновыхъ.

У Перфилья Федоровича какъ въ составленной имъ родословной, такъ и въ родословной таблицѣ, указанъ одинъ сынъ. Въ родословной о немъ говорится «сынъ Агафій, прозвища Александръ, въ стольникахъ же»; въ родословной же таблицѣ сынъ этотъ названъ Агафокломъ. Къ этому Агафію-Агафоклу-Александру и слѣдуетъ, думается намъ, пріурочить того Александра Перфильева Рахманинова, который упоминается въ «Боярскихъ книгахъ» стольникомъ въ 1686 (7194) и въ 1692 (7200) годахъ.

Перечислимъ теперь потомство внуковъ Өедора Дмитріевича Рахманинова. У сыновьей Михаила Федоровича Рахманинова въ родословной таблицѣ, которая дѣлается теперь нашимъ единственнымъ руководящимъ источникомъ, потомства не упоминается, хотя, при тѣхъ пропускахъ, которые мы уже замѣчали въ таблицѣ, это не можетъ служить доказательствомъ того, что его совсѣмъ и не было.

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества т. 56 стр. 394.

[2]) *Барановъ* Опись Высочайш. указовъ и повелѣній Сенатскаго Архива т. II. № 3787 стр. 223.

Изъ сыновей Исая Федоровича Иванъ, вѣроятно, умеръ бездѣтнымъ, такъ какъ его помѣстье справлено не за женою, а перешло къ брату; Тимофей же Исаевичъ оставилъ двухъ сыновей—Ивана и Федора Тимофеевичей. Иванъ Тимофеевичъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ, откуда, впрочемъ, вышелъ въ отставку капраломъ. Въ этомъ чинѣ мы встрѣчаемъ его подписаннымъ на одной купчей 1730 года 10 апрѣля. Въ 1736 году онъ упоминается уже съ чиномъ поручика, вѣроятно, конечно, армейскаго. «Въ 1736 году маія въ 27 д. билъ челомъ поручикъ Иванъ Тимофеевичъ сынъ Рахманиновъ и при этомъ челобитьѣ предъявилъ съ купчей копію на недвижимое Алексинское имѣніе и просилъ, чтобы по той купчей то недвижимое имѣніе записать и объ отказѣ послать указъ». Затѣмъ Иванъ Тимофеевичъ перешелъ, очевидно, въ гражданскую службу: 4 марта 1743 года при продажѣ имъ имѣнія въ Алексинскомъ уѣздѣ брату своему Федору мы встрѣчаемъ его уже въ чинѣ Коллежскаго Ассесора. Что касается Федора Тимофеевича, то онъ началъ службу тоже въ гвардіи. Въ записной явочной книгѣ 1723 года подъ 2 марта мы находимъ явку купчей лейбъ-гвардіи преображенскаго полка солдатомъ Өедоромъ Тимофеевичемъ Рахманиновымъ. Насъ не должно удивлять то обстоятельство, что Рахманиновыхъ мы находимъ въ числѣ простыхъ солдатъ. По извѣстнымъ указамъ Петра, каждый дворянинъ долженъ былъ начинать службу въ гвардіи съ низшихъ чиновъ и проходить постепенно всю чиновную градацію, какъ она была установлена извѣстною табелью о рангахъ 1722 г. Впослѣдствіи это Петровское правило обратилось, какъ извѣстно, въ простую формальность: дворяне записывали дѣтей въ полки чуть ли не съ самаго дня рожденія, и они получали чины и проходили службу, не умѣя даже еще говорить. Федоръ же Тимофеевичъ вступилъ на службу при Петрѣ, когда, значитъ, издаваемые имъ указы и строго примѣнялись на практикѣ. Въ 1730 году при явкѣ купчей Федоръ Тимофеевичъ подписывается уже поручикомъ, а въ 1743 году 23 февраля Семенъ Дашковъ продаетъ свое имѣніе сельцо Масаловку Апшеронскаго пѣхотнаго полка маіору Өедору Тимофеевичу Рахманинову. Такимъ образомъ, Өедоръ Тимофеевичъ перешелъ изъ гвардіи въ армію, гдѣ мы и встрѣчаемъ его въ концѣ 1740-хъ годовъ подполковникомъ. Послѣ 1752 года, подъ старость, онъ перешелъ, повидимому, въ гражданскую службу, такъ

какъ умеръ въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника. Смерть его послѣдовала, должно быть, въ срединѣ 1750 годовъ, такъ какъ при допросѣ 13 марта 1762 года, при раздѣлѣ его имѣній, наслѣдники, жена и дѣти, показали, что «въ *прошлыхъ де годехъ* ея Степанидина мужа, а ихъ отца Ѳедора Тимофеева сына Рахманинова волею Божіею не стало».

Дальнѣйшее потомство этихъ Рахманиновыхъ шло въ такомъ порядкѣ. У Ивана Тимофеевича былъ сынъ Федоръ, а у этого послѣдняго Василій Федоровичъ. Федоръ Тимофеевичъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Коллежскаго Ассесора Михайла Федоровича и артиллеріи сержанта Дмитрія, который почему-то не занесенъ въ родословную таблицу. Кромѣ того у Федора Тимофеевича было три дочери—Пелагея, Екатерина и Анна Федоровны. О послѣдней мы знаемъ, что она вышла замужъ за полковника артиллеріи Ивана Алексѣевича Аксакова.

Михаилъ Федоровичъ Рахманиновъ оставилъ довольно большое потомство. Въ родословной таблицѣ упоминаются его сыновья: Дмитрій, Павелъ, Василій, Владимиръ, Петръ, Александръ и Федоръ Михайловичи.

Мы разсмотрѣли потомство Исая Федоровича Рахманинова. Теперь прослѣдимъ въ такомъ же родѣ родословную стольника Перфилья Федоровича, составителя родословной. Къ сожалѣнію только, здѣсь нѣтъ и тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыми мы располагали раньше и которыя добывали изъ земельныхъ дѣлъ Рахманиновыхъ, сохранившихся въ семейномъ архивѣ Аксаковыхъ.

Мы видѣли, что у Перфилья былъ сынъ Агапій-Агафоклъ-Александръ, такъ какъ онъ извѣстенъ подъ этими тремя именами. У Агафокла было три сына—Игнатій, Иванъ и Лука. Родословная таблица не содержитъ указаній на потомство первыхъ двухъ. Что же касается Луки Агафокловича, то у него было три сына—Иванъ, Симеонъ и Андрей Лукичи. О потомствѣ Ивана и Симеона таблица опять ничего не упоминаетъ и, несомнѣнно, таблица составлена одностороние и содержитъ пропуски. Трудно думать, чтобы цѣлый рядъ потомковъ Перфилья Федоровича сошелъ со сцены, не оставивъ наслѣдниковъ. У Андрея Лукича родословная таблица называетъ двухъ сыновей—Радіона и Симеона Андреевичей. Этимъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о потомствѣ составителя родословной Рахманиновыхъ.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, и прослѣдивъ потомство Алексѣя Ивановича Рахманинова, мы должны перейти къ потомству брата его Ивана Ивановича, отца Михаила, Дія, Григорія, Андрея и Алексѣя, о которыхъ была уже рѣчь выше. Но прежде чѣмъ сдѣлать это, мы считаемъ нужнымъ упомянуть объ одномъ изъ Рахманиновыхъ, который хотя и не называется въ родословной Перфилья Рахманинова и не внесенъ въ родословную таблицу, тѣмъ не менѣе по своей службѣ, по своему положенію, долженъ принадлежать къ разсматриваемому роду, такъ какъ другого рода дворянскаго Рахманиновыхъ, который бы стоялъ особнякомъ, независимо отъ разсматриваемаго нами, сколько извѣстно, не имѣется, и Перфилій Рахманиновъ это подчеркиваетъ въ своей родословной.

Лицо, о которомъ мы хотимъ упомянуть здѣсь—это Семенъ Семеновичъ Рахманиновъ, имя котораго довольно часто упоминается въ дворцовыхъ кругахъ начала XVII столѣтія. Кто былъ его отецъ и въ какихъ онъ отношеніяхъ стоялъ къ роду Рахманиновыхъ, мы сказать не можемъ, хотя то обстоятельство, что въ родословной не упоминается Семена, повторяемъ, ничего не говоритъ противъ его родства. Родословіе, составленное Перфиліемъ Рахманиновымъ довольно таки спутано и, какъ мы видѣли на примѣрѣ Никиты Ивановича Рахманинова, не лишено существенныхъ пропусковъ.

Вѣроятно, объ отцѣ Семена Семеновича Рахманинова говоритъ англійскій гость Антонъ Ивановъ, когда жалуется въ 1585 году царю Θеодору Ивановичу на англійскихъ же гостей Ульяна Фомина, Еремѣя Ульянова, да на Романа Романова, что они «корабли мои иные назадъ поворочали, а корабль мой одинъ съ моимъ животомъ держали и съ корабля моего людей сослали; а язъ, государь, на корабль свой людей наймовалъ и кормы и запасы корабельные всякіе покупалъ». Въ этомъ спорномъ дѣлѣ между англійскими гостями, постоянно конкурировавшими другъ съ другомъ и готовыми сдѣлать другъ другу какую угодно пакость, чтобы только подорвать торговлю—Семенъ Рахманиновъ указывается, какъ свидѣтель, который можетъ подтвердить убытки Антона Иванова. Въ челобитной его Семенъ названъ *сыномъ боярскимъ*. Вѣроятно, сынъ этого Семена и было то лицо о которомъ мы не разъ встрѣчаемъ свѣдѣнія въ первой половинѣ XVII вѣка. 13 іюня, напримѣръ 1626 года царь въ пышной обстановкѣ принималъ англійскаго посла Сфифта, а

15 іюня назначенъ дневать и ночевать на государевѣ дворѣ Семенъ Семеновъ Рахманиновъ [1]) 31 іюля того же 1626 года «повелилъ царь для праздниства Происхожденья Честнаго Креста идти въ Симоновъ монастырь». Въ числѣ дворянъ, которые должны были сопровождать его, былъ и Семенъ Семеновичъ Рахманиновъ [2]). Этотъ же Семенъ Семеновичъ былъ и объѣзжимъ головой въ Москвѣ въ 1637 году [3]) «7145 (1637) года апрѣля въ 23 день государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи указалъ быти въ объѣзжихъ головахъ отъ Срѣтенскіе улицы на Покровскую Семенъ Рохманиновъ да подъячей Гаврило Зуевъ» [4]). Въ 1646 году Семенъ Семеновичъ былъ еще живъ, такъ какъ за нимъ значились въ это время по переписнымъ книгамъ помѣстья въ Юрьевскомъ уѣздѣ.

Около этого времени сохранились еще свѣдѣнія о Борисѣ Семеновичѣ Рахманиновѣ, судя по времени, должно быть братѣ Семена Семеновича. Въ 1644 году Борисъ былъ назначенъ провожать крымскихъ гонцовъ и просилъ выдать окладное жалованье. До насъ дошла такого рода его челобитная: «Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Колуженинъ Бориско Семеновъ сынъ Рохманиновъ. По твоему государеву указу посылаютъ меня холопа твоего татаръ провожать крымскихъ гонцовъ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня холопа своего, вели, государь, свое государево денежное жалованье выдать мнѣ холопу своему. Царь, государь, смилуйся»! Навели справки, сколько кто когда получалъ, провожая пословъ и гонцовъ и наконецъ «лѣта 7152 (1644 г.) іюля въ 22 день, по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, дана была память дьяку Петру Лутохину», въ которой царь пожаловалъ калужанина Бориса Рахманинова «велѣлъ ему дать своего государева жалованья для Волуйскіе посылки, что его посылаютъ въ приставехъ съ крымскими гонцы до Волуйки на нынѣшней на 152 годъ половину его окладу 12 рублевъ съ полтиною» [5]).

---

[1]) Рус. Истор. Библ., IX, стр. 495.

[2]) Тамъ-же IX, 508.

[3]) Портфели Г. Ф. Миллера № 285, IV, т. I, л. 12.

[4]) Рус. Ист. Библ. X, 83.

[5]) Приказныя дѣла Моск. Глав. Архива М. И. Д. связка 36 а, № 9.

Переходя затѣмъ къ обзору потомства Ивана Ивановича Рахманинова, мы напередъ должны сказать тоже, что не разъ говорили и выше — о недостаткѣ матеріаловъ. О дѣятельности многихъ изъ Рахманиновыхъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а поэтому, поневолѣ, приходится ограничиваться простымъ перечисленіемъ именъ. Мы не могли даже воспользоваться земельными дѣлами и актами этой отрасли рода Рахмановыхъ, какъ мы то дѣлали для потомства Алексѣя Ивановича, земельные документы котораго сохранились въ архивѣ Аксаковыхъ, съ которыми подъ конецъ XVIII вѣка породнились Рахманиновы.

У Андрея Ивановича Рахманинова, сына Ивана Ивановича Меньшого, было два сына — Семенъ и Леонтій Андреевичи. Первый умеръ холостымъ, второй же оставилъ сына Тимофея, названнаго Горбатымъ, вѣроятно, за свой физическій недостатокъ. По переписнымъ книгамъ 1646 (7151) года за нимъ числилось въ Старорязанскомъ стану въ селѣ Городищѣ 3 крестьянскихъ двора. Человѣкомъ онъ былъ, по всей вѣроятности, не богатымъ. Этимъ и исчерпываются наши свѣдѣнія о потомствѣ Андрея Ивановича Рахманинова.

Григорій Ивановичъ, братъ его, оставилъ трехъ сыновей — Григорія, Ивана и Андрея. По словамъ родословной, составленной Перфильемъ Рахманиновымъ, Григорій Григорьевичъ былъ убитъ холостымъ въ черкасскихъ городахъ въ полтавскую службу, т. е. во время походовъ въ Малороссію, которые не разъ совершались послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи съ 1654 года.

Иванъ Григорьевичъ «раненъ тяжелыми ранами и взятъ въ полонъ съ Бояриномъ съ Василіемъ Борисовичемъ Шереметьевымъ и вѣсти про него нѣтъ». Это было, какъ извѣстно, во время измѣны малороссійскаго гетмана Юрія Хмельницкаго, который, сговорившись съ московскимъ воеводой Василіемъ Борисовичемъ Шереметьевымъ идти на поляковъ (1660 г.), въ критическую минуту измѣнилъ, перешелъ на польскую сторону, а Шереметьевъ вмѣстѣ съ другими ратными людьми попалъ въ плѣнъ въ Крымъ, а затѣмъ въ Турцію и оставался тамъ очень долго, лѣтъ 20 и только при Федорѣ Ивановичѣ въ 1681 году, по договору съ Турціей, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметьевъ, стольникъ князь Андрей Ромодановскій и другіе плѣнные были отпущены «на выкупъ и размѣнъ». Въ числѣ этихъ «другихъ» былъ, безъ сомнѣнія, и Иванъ

Григорьевичъ Рахманиновъ, о которомъ, немудрено, что не доходило свѣдѣній изъ далекаго турецкаго плѣна [1]).

Андрей Григорьевичъ въ 1679 (7187) году былъ въ Епифани воеводою, а въ 1681 (7189) въ Острогожскѣ. По переписнымъ книгамъ 1646 (7154 г.) за нимъ значился, въ общей съ братьями вотчинѣ, въ Окологородномъ стану въ селѣ Городищѣ одинъ крестьянскій дворъ. О потомствѣ Андрея, равно какъ и Ивана Григорьевича намъ ничего неизвѣстно.

У Алексѣя Ивановича, по словамъ родословной, былъ одинъ сынъ Моисей «прозвища Иванъ», хотя въ таблицѣ, очевидно, по ошибкѣ, названъ Василій Алексѣевичъ вмѣсто Моисея. По сказанію родословія Перфилья Рахманинова, «Алексѣевъ сынъ Моисей, прозвища Иванъ, взятъ въ полонъ въ Черкаскихъ городѣхъ, какъ разобранъ полкъ боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметьева въ Крыму и изъ Крыму отвлеченъ въ турецкую землю». Значитъ, Моисей Алексѣевичъ попалъ въ турецкую неволю при тѣхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ, мы видѣли, попалъ и Иванъ Григорьевичъ. Вѣроятно, въ одно время они возвратились и на родину. О потомствѣ Моисея Алексѣевича не упоминаютъ ни родословіе, ни родословная таблица.

Что касается Дія Ивановича, то онъ оставилъ одного только сына Михаила, который умеръ холостымъ отъ ранъ во время Литовской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ. Роковой для Михаила Діевича была битва при рѣкѣ Басѣ. 24 сентября 1661 г., какъ доносилъ Юрій Долгорукій царю Алексѣю Михайловичу, русскія войска расположились въ селѣ Господахъ, верстахъ въ 40 отъ Личилева. Начальствовалъ надъ ними князь Юрій Долгорукій. Польскія же войска, подъ начальствомъ гетмана Павла Сапѣги, Чернецкаго, Михаила Паца и Полубенскаго пришли въ село Углы, лежащее при рѣкѣ Басѣ. Русскіе начали наступать, и Поляки отступили къ селу Губарямъ. Здѣсь произошла битва, длившаяся отъ 6 часовъ дня до ночи другаго дня. Поляки были сбиты съ поля и преслѣдуемы до рѣки Басы, гдѣ оставались польскіе обозы. На другой день послѣдовало второе сраженіе, кончившееся опять пораженіемъ по-

[1]) Соловьевъ т. XI, стр. 114 и слѣд., т. XII и XIII. Акты Археограф. Ком. т. IV, стр. 339—341.

ляковъ. Это были двѣ важныя для русскихъ побѣды и немудрено, что царь Алексѣй Михайловичъ обрадовался имъ необычайно. Для Михаила же Діевича, который принималъ участіе въ этихъ сраженіяхъ, мы сказали, они были роковыя: онъ былъ въ нихъ смертельно раненъ и отъ ранъ умеръ, не оставивъ потомства.

Зато было многочисленное потомство у наслѣдниковъ дяди Михаила Діевича—Михаила Ивановича Рахманинова. Лично у него было четыре сына—Кузьма, Федоръ, Дмитрій и Николай. Родословіе Перфилья Рахманинова Николая Михайловича не знаетъ и считаетъ у Михаила Ивановича трехъ сыновей, что не имѣетъ особаго значенія для дальнѣйшей исторіи рода Рахманиновыхъ, такъ какъ Николай Михайловичъ, должно быть, умеръ бездѣтнымъ. Ничего не говорится и о потомствѣ Федора Михайловича Рахманинова.

Что касается Дмитрія Михайловича Рахманинова, то врядъ ли не къ нему слѣдуетъ пріурочить одно очень некрасивое дѣло. 29 мая 1685 года «великіе государи указали и бояре приговорили: патріарша сына боярскаго Дмитрія Рахманинова за воровство, что онъ у думнаго дворянина у Ивана Степановича Телепнева дворовую его дѣвку Устюшку, принявъ, растлилъ, сослать въ ссылку, потому что въ томъ воровствѣ на него Дмитрія у пытки и роботникъ его Гришка исъ пытки говорилъ подлинно, что тое дѣвку принявъ растлилъ онъ, Дмитрій, а что онъ, Дмитрій, въ распросѣ и на очныхъ ставкахъ исъ пытки въ томъ запирается, а то онъ говорилъ, избывая воровство своего, а работника его, Гришку, свободить на поруки, потому что онъ въ томъ дѣлѣ пытанъ, а дѣвку Устюшку отдать съ роспискою. Великіе Государи пожаловали: Дмитрія Рахманинова въ ссылку ссылать не велѣли, а велѣли его за то воровство послать на службу въ полкъ стольника князь Михаила Шейденова [1])» Дмитрій Михайловичъ Рахманиновъ оставилъ послѣ себя сына Григорія. 28 января 1685 года отъ имени царей Ивана и Петра Алексѣевичей Григорію Дмитріевичу была выдана грамота объ отказѣ за нимъ въ Рязанскомъ уѣздѣ въ Перевицкомъ стану въ с. Ситковѣ «25 чети въ полѣ, а дву по тому жъ, которыя Михайла и Иванъ Василіевы Гагины даютъ въ помѣстье за своей сестрой Пелагѣей [2])». Потом-

[1]) П. Собр. Зак. т. II, № 1124, стр. 672.

[2]) Труды Рязанской Архивной Коммиссіи 1889 №№ 11—12, стр. 220.

ство Григорія Дмитріевича шло въ такомъ направленіи. У него былъ сынъ Анисимъ, который служилъ сначала, очевидно, въ военной службѣ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую. Въ описаніи Сенатскаго Архива, составленномъ Барановымъ подъ 11 мая 1711 года напечатанъ указъ о пожалованіи полковника Анисима Рахманинова въ статскіе совѣтники [1]). Анисимъ Григорьевичъ потомства, кажется, не оставилъ: родословная таблица, по крайней мѣрѣ, его не указываетъ. Второй же сынъ Григорія Дмитріевича Иванъ Григорьевичъ имѣлъ трехъ сыновей—Трофима, Петра и Павла Ивановичей. У Трофима былъ сынъ Александръ; потомство Петра намъ неизвѣстно. Что же касается дальнѣйшаго потомства Павла Ивановича, то одинъ изъ его потомковъ, сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія (писано въ августѣ 1892 г.):

«Дѣдъ мой, говоритъ онъ, *Павелъ Ивановичъ Рахманиновъ*, прослуживши извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Козловкѣ Бобровскаго уѣзда Воронежской губ. Здѣсь провелъ дѣтство и отецъ мой Михаилъ Павловичъ. У дѣда отъ жены его Марьи Ивановны было 10 дѣтей—сыновья: Иванъ, Александръ, Николай, Михаилъ, Константинъ и Іосифъ и дочери: Варвара, Марья, Нимфодора и Евпраксія. Изъ сыновей *Александръ* умеръ въ ранней молодости, *Михаилъ* служилъ въ гражданской службѣ сначала въ Воронежѣ, послѣ въ Москвѣ, а прочіе, кажется, всѣ служили въ военной службѣ, и, по выходѣ въ отставку (въ небольшихъ чинахъ), *Иванъ* жилъ помѣщикомъ въ родовомъ имѣніи, *Николай* и *Іосифъ* служили въ гражданской службѣ въ Воронежской губ., а *Константинъ* въ Курскѣ. Послѣдній былъ женатъ два раза—въ первый разъ на курской дворянкѣ Натальѣ Александровнѣ *Пожидаевой* (дѣтей отъ нея не имѣлъ), во второй разъ на курской же дворянкѣ Александрѣ Николаевнѣ *Офросимовой*, отъ которой у него было три дочери—Софья, Елена и Вѣра. Онъ умеръ въ 1879 или 1880 г. Дочери его: Софья въ замужествѣ за артиллерійскимъ капитаномъ Акимовымъ, Елена—за курскимъ землевладѣльцемъ (своимъ дальнимъ родственникомъ) Офросимовымъ, а Вѣра—за артиллерійскимъ офицеромъ Замятинымъ.

[1]) ***Барановъ.*** **Опис. Сен. Арх., III, стр. 51, № 8428.**

Изъ дочерей моего дѣда *Варвара* была замужемъ за Петровскимъ, служившимъ исправникомъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ Воронежской губ. (Острогожскѣ?). Она имѣла 6 или 7 человѣкъ дѣтей. Вторая, *Марья*, была въ замужествѣ за Сергѣемъ Васильевичемъ Шишкинымъ, сыномъ извѣстнаго коннозаводчика Василія Ивановича Шишкина. Эта чета, продавши конскій заводъ, жила до смерти въ г. Бобровѣ Воронеж. губ. У нихъ было 7 дочерей и 3 сына. Относительно дочерей знаю только, что старшая, Александра, по мужу Линденеръ, жила (а можетъ быть, и до сихъ поръ находится) въ Воронежѣ, гдѣ мужъ ея состоялъ на службѣ. Всѣ три сына Маріи Павловны Шишкиной жили нѣкоторое время въ Москвѣ. Старшій *Дмитрій* учился въ Воронежской гимназіи, а затѣмъ докончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету; по окончаніи курса (примѣрно въ 1864—65 г.) служилъ нѣкоторое время въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, а затѣмъ въ Курскомъ—товарищемъ прокурора, гдѣ вскорѣ умеръ (въ январѣ 1870 г.). Второй сынъ Шишкиныхъ *Владиміръ* перешелъ изъ Воронежской гимназіи въ 6 или 7 классъ Московской 3-й гимназіи, кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета, былъ товарищемъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ, затѣмъ служилъ въ Морскомъ Министерствѣ, въ настоящее время (1892 г.) дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ департамента кредитной канцеляріи при Министерствѣ Финансовъ. Третій братъ ихъ *Алексѣй*, учился до 6 класса въ 5-й Московской Гимназіи, затѣмъ одинъ годъ въ Консерваторіи, въ 1875 или 1876 г. долженъ былъ на основаніи устава общей воинской повинности поступить въ военную службу рядовымъ, служилъ въ Спб. въ Конной Гвардіи, затѣмъ перешелъ уже офицеромъ въ армію, въ настоящее время поручикъ Воронежскаго мѣстнаго баталіона. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Шишкиныхъ можно получить отъ двухъ только-что упомянутыхъ братьевъ Владиміра и Алексѣя.—Объ остальныхъ двухъ дочерахъ дѣда моего Павла Рахманинова мнѣ извѣстно слѣдующее: *Нимфодора* въ молодыхъ лѣтахъ погибла отъ рукъ дворовыхъ людей[1]); *Евпраксія*, воспитывавшаяся въ

[1]) Она была приглашена своимъ братомъ Иваномъ (холостякомъ) хозяйничать въ его имѣніи. Однажды, въ его отсутствіе, дворовые люди, чѣмъ-то недовольные ею, убили ее и бросили тѣло въ колодезь. Разсказываютъ, что въ заговорѣ противъ ея жизни участвовала старуха-нянька, которая почувствовала потомъ такое угрызеніе совѣсти, что во время производившагося слѣдствія уморила себя голодомъ.

пансіонѣ въ Харьковѣ, умерла тоже дѣвушкой, не достигши двадцатилѣтняго возраста[1]).

Перехожу къ біографіи моего отца *Михаила Павловича.* Изъ аттестата, выданнаго въ 1851 г. изъ 6-го Департамента Правит. Сената видно, что онъ родился въ 1812 г., въ службу вступилъ 5 мая 1827 г. канцеляристомъ въ Воронежское Губернское Правленіе съ прикомандированіемъ къ канцеляріи гражданскаго губернатора столоначальникомъ. Въ декабрѣ 1833 г. отъ этой должности уволенъ, 20 мая 1835 г. опредѣленъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Канцелярію 2-го отдѣленія 6-го Департамента Правит. Сената. 15 февраля 1840 г. опредѣленъ старшимъ помощникомъ секретаря. 1 іюня 1849 г. получилъ званіе старшаго секретаря, вмѣстѣ съ чѣмъ произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры. 30 сент. 1851 г. вышелъ въ отставку. «Во время служенія своего, какъ говорится въ аттестатѣ, поведенія былъ очень хорошаго и исполнялъ возложенныя на него обязанности съ постояннымъ усердіемъ и замѣчательнымъ успѣхомъ. Къ продолженію службы и къ повышенію чинами аттестованъ всегда способнымъ и достойнымъ». (Аттестатъ отъ 30 октября 1851 г., подписанный оберъ-прокуроромъ М. Рюминымъ). Послѣ этого отецъ мой болѣе уже не поступалъ на службу, а занимался адвокатурой, состоя повѣреннымъ по дѣламъ различныхъ частныхъ лицъ (между прочимъ извѣстной А. Н. Стрекаловой и др.). Онъ женился (приблизительно въ 1846—47 г.) на двоюродной сестрѣ своего сослуживца въ Сенатѣ (и кажется даже начальника) Ивана Яковлевича Соколова—Аннѣ Илларіоновнѣ Васильевой, родившейся въ Симбирской губ. и, по смерти родителей, переселившейся въ домъ своего родственника въ Москву. Въ приданое за нею онъ взялъ домъ на Плющихѣ, на углу Благовѣщенскаго пер., проданный моею сестрою (къ которой онъ перешелъ по духовному завѣщанію матери нашей) въ 1877 году г-ну Кондратьеву, а нынѣ пере-

[1]) У меня имѣется старая книжка въ шелковомъ пунцовомъ переплетѣ, представляющая первый и, вѣроятно, единственный литературный трудъ этой моей тетки. На первой страницѣ книжки значится: «Эдипъ въ Цитеронѣ. Переводъ съ французскаго Д. Евпраксіи Рахманиновой, воспитанницы Благороднаго Харьковскаго Пансіона Статской Совѣтницы К. Де-ла-винь. Харьковъ. Въ Университетской Типографіи 1821 года». На второй страницѣ: «Нѣжнымъ родителямъ благодарная дочь Евпраксія Рахманинова». Далѣе на 14-ти стр. слѣдуетъ текстъ съ одной стороны французскій, съ другой русскій.

шедшій уже въ третьи руки (г. Игнатьеву). Мать моя умерла въ 1868 г. отъ чахотки, отецъ въ 1870 г. отъ воспаленія мозга.

У моихъ родителей было 9 человѣкъ дѣтей: Павелъ, Анна, Татьяна, Михаилъ, Марья, Павелъ, Иванъ, Александра и Дмитрій. Изъ нихъ Павелъ, Татьяна, Михаилъ, Марья и Александра умерли въ раннемъ дѣтствѣ. *Анна*, родившаяся въ 1849 году и живущая нынѣ въ Москвѣ, была замужемъ за полковымъ врачомъ Адольфомъ Юльевичемъ Гюбнеромъ; овдовѣла лѣтъ 5 тому назадъ. *Павелъ* кончилъ курсъ въ 3-й Московской гимназіи съ золотой медалью, умеръ 21 года отъ тифа, находясь на 4-мъ курсѣ математическаго факультета Московскаго Университета. *Иванъ* (пишущій эти строки) родился въ 1854 г., учился въ 3-й Московской гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1871 г. съ серебряной медалью, поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета, гдѣ въ 1876 г. кончилъ курсъ съ золотой медалью, былъ оставленъ на два года при Университетѣ, участвовалъ въ Турецкой войнѣ въ качествѣ батальоннаго врача, нынѣ состоитъ (съ 1881 г.) ординаторомъ Дѣтской (Софійской) больницы и прозекторомъ Маріинской больницы; съ1881 г. докторъ медицины; съ 1877 г. сотрудникъ журнала «Медицинское Обозрѣніе», членъ Общества Любителей Естествознанія и Москов. Гигіеническаго Общества. Съ 1877 г. женатъ на дворянкѣ Юліи Михайловнѣ050 Пановой, воспитывавшейся въ Ермоловско-Маріинскомъ Институтѣ; имѣетъ 5 дѣтей—Юлію, Ивана, Варвару, Анатолія и Зинаиду, изъ которыхъ старшіе двое воспитываются въ казенныхъ гимназіяхъ. Младшій братъ мой *Дмитрій* родился въ 1859 году, учился въ Моск. 5-й гимназіи, гдѣ не кончилъ курса и поступилъ вольноопредѣляющимся въ Ростовскій Гренадерскій полкъ, оттуда въ Московское Юнкерское Училище; служилъ въ 18 стрѣлковомъ батальонѣ, въ настоящее время въ 17-мъ резервномъ подпоручикомъ (въ г. Вильнѣ)».

Сынъ Михаила Ивановича Кузьма Михайловичъ (см. стр. 34) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое, благодаря своей численности, представляющей, такимъ образомъ, вѣрный залогъ продолженію рода, и можетъ считаться главною линіею рода Рахманиновыхъ. Къ сожалѣнію только, приходится и здѣсь пѣть старую пѣсню, что не сохранилось извѣстій о большинствѣ представителей этой линіи.

Родословіе называетъ у Кузьмы Михайловича пять сыновей: Ѳедора, Василія, Ивана Горбатаго, Іевла (Іова) и Никиту. Таблица при-

бавляетъ еще Сергѣя. Иванъ Горбатый, по словамъ родословія, умеръ холостымъ; не называется потомство и у Никиты, Василія, Сергѣя, можетъ быть, потому что его и не было. Послѣднее предположеніе можно высказать даже съ вѣроятностью, такъ какъ родословная таблица объ этой линіи рода составлена подробно, и трудно думать, чтобы составитель ея упустилъ изъ виду потомство Василія и Сергѣя Козьмичей.

Линія, ведущая свое начало отъ Федора Кузьмича, повидимому, скоро прекратилась. Родословіе Перфилья Рахманинова называетъ у него двухъ сыновей—Спиридона и Василія Федоровичей, но уже потомства этихъ мы не знаемъ: очевидно, линія эта пресѣклась съ ихъ смертью. Остался, такимъ образомъ, продолжать потомство стольникъ Іевлъ (Іовъ) Козьмичъ, и отъ него собственно идетъ та главная линія рода Рахманиновыхъ, о которой мы говорили выше. Стольникъ Іевлій Кузьмичъ, повидимому, первый изъ Рахманиновыхъ переселился изъ Рязанской губерніи въ Тамбовскую, купивъ у Алимпія Ѳедосѣевича Языкова земли 55 четвертей съ крѣпостными людьми, лѣсами, сѣнокосами и угодьями въ Алексинскомъ стану Тамбовскаго намѣстничества въ селеніи Казинкѣ въ 1727 году. Въ 1742 году скончался Іевлій Кузьмичъ, и раздѣлились между собою братья Сергѣй, Герасимъ, Ѳеодоръ Іевличи и ихъ племянникъ Александръ Петровичъ, сынъ Петра Іевлича, умершаго еще при жизни своего отца. Михаилъ и Павелъ Іевличи умерли, вѣроятно, въ малолѣтствѣ, такъ какъ въ раздѣльныхъ актахъ они не упоминаются. По смерти въ 1748 году маіора Сергѣя Іевлича, переименованнаго въ коллежскіе ассесоры и не оставившаго потомства, его имѣніе поступило въ раздѣлъ между братьями Ѳеодоромъ и Герасимомъ Іевличами и ихъ племянникомъ Александромъ. Изъ записи, данной Герасимомъ Іевличемъ своему брату Ѳеодору въ 1766 году и изъ другихъ документовъ видно, что Іевлій Кузьмичъ имѣлъ имѣніе въ Переяславскомъ уѣздѣ Рязанскаго намѣстничества въ Окологородскомъ стану въ деревнѣ Романцовѣ, да въ деревнѣ Насуровѣ, въ Раненбурскомъ уѣздѣ въ селѣ Снѣжеткѣ, въ Козловскомъ уѣздѣ въ Алексинскомъ стану Тамбовскаго намѣстничества въ селеніи Казинкѣ и въ смежныхъ селахъ Яркѣ и Гаритовѣ и въ другихъ селахъ и деревняхъ, что «сыщется по дачамъ въ Государственной въ Отчинной Коллегіи». Кромѣ того Іевлъ Кузьмичъ имѣлъ въ Ярославской губерніи въ Мологскомъ и Пошехон-

скомъ уѣздахъ имѣнія, перешедшія отъ предковъ. Іевъ Кузьмичъ имѣлъ, какъ мы видѣли, многихъ сыновей: Сергѣя, Павла, Михаила, Петра, Федора и Герасима, изъ которыхъ только два послѣдніе выдаются въ исторіи рода, такъ какъ принимали участіе въ возведеніи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, за что имъ была дана подтвердительная жалованная грамота на дворянство и произведено измѣненіе въ ихъ фамильномъ гербѣ.

Въ виду того, что событіе восшествія императрицы Елизаветы Петровны на престолъ составляетъ своего рода эпоху въ исторіи рода Рахманиновыхъ, мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь, сообщая историческія свѣдѣнія о родѣ, сказать нѣсколько словъ и о самомъ событіи. Оно, въ сущности, подготовлялось давно и исподволь, и гренадерскіе полки, которые совершили переворотъ 24 Ноября 1741 года, были только простыми исполнителями ранѣе задуманнаго.

Елизавета Петровна была младшею дочерью Петра Великаго и Екатерины Скавронской, рожденною еще до брака съ нею, до того, какъ Скавронская сдѣлалась императрицей подъ именемъ Екатерины Алексѣевны. Отчасти это обстоятельство, отчасти молодость и веселая, нѣсколько разгульная жизнь, которую вела цесаревна послѣ смерти своего отца, была причиной того, что, при всѣхъ переворотахъ, которые производились въ высшемъ управленіи въ первую половину XVIII вѣка, Елизавета никогда не выдвигалась какъ серьезный кандидатъ на русскій престолъ. Наступало затѣмъ новое царствованіе, и Елизавета продолжала жить частнымъ человѣкомъ, веселиться, можетъ быть, никогда и не задумываясь о томъ, что ей придется когда-нибудь сидѣть на престолѣ. Но правительственные люди и такіе дипломатическіе умы, какимъ являлся, напримѣръ, извѣстный Остерманъ, хорошо видѣли то, чего не видѣла сама Елизавета. Для нихъ она всегда являлась опаснымъ претендентомъ, особенно въ ту суровую годину Бироновщины, когда въ главѣ управленія стояли иностранцы, слишкомъ пренебрежительно относившіеся къ національному русскому, и когда на Елизавету, вслѣдствіе этого, легко могли опереться національные русскіе элементы. Такой взглядъ высшихъ правительственныхъ лицъ отражался, естественно, и на положеніи цесаревны: ее окружали шпіонами, слѣдили за всѣмъ, что она говорила, что дѣлала, кто у нея бывалъ. Когда она являлась при дворѣ, ее встрѣчалъ

сдержанно-холодный пріемъ, дававшій чувствовать, что при дворѣ она является бѣльмомъ на глазу. Такъ было при Аннѣ Ивановнѣ. Затѣмъ наступило кратковременное царствованіе Ивана Антоновича Брауншвейгскаго. Пока регентомъ былъ Биронъ, Елизаветѣ жилось сносно. Богъ вѣсть, изъ-за какихъ побужденій, Биронъ сталъ относиться къ Елизаветѣ очень почтительно, и она вздохнула нѣсколько свободнѣе. Но это продолжалось недолго: Биронъ былъ свергнутъ, а во главѣ регенства сталъ Минихъ. Онъ не сблизился съ Елизаветой, а напротивъ, сталъ примѣнять къ ней прежнюю политику, смотря на цесаревну какъ на опаснаго претендента на престолъ. Опять Елизавета Петровна была окружена шпіонами, опять вывѣдывали обо всемъ, что она дѣлала, что говорила, куда ѣздила, кто у ней бывалъ. Съ ней обращались очень высокомѣрно.

Такимъ положеніемъ Елизаветы задумала воспользоваться Франція, чтобы поворотить русскую политику въ свою пользу, и уполномочила своего посланника де-ла Шетарди дѣйствовать въ смыслѣ возведенія Елизаветы Петровны на престолъ. Франція хорошо знала, что въ этомъ дѣлѣ она найдетъ сильнаго помощника въ самомъ русскомъ народѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ русской гвардіи, которая смотрѣла на возведеніе Елизаветы Петровны, какъ на русское національное дѣло, которое сразу должно покончить съ иноземщиной и со всѣми тѣми оскорбленіями, которымъ подвергалось русское національное чувство отъ иноземцевъ. Уже въ то время, когда гвардейскіе полки шли арестовать Бирона, они думали, что идутъ возводить на престолъ Елизавету Петровну.....

Переворотъ подготовлялся де-ла-Шетарди, который нашелъ себѣ помощника въ лицѣ лейбъ-медика Лестока, вызваннаго въ числѣ другихъ иностранцевъ при Петрѣ Великомъ, затѣмъ сосланнаго въ Казань по жалобѣ на неосторожное поведеніе его съ дочерью одного придворнаго служителя и, по возвращеніи изъ ссылки, постоянно вращающагося при дворѣ Екатерины I, а именно при дворѣ Елизаветы Петровны. Де-ла-Шетарди и Лестокъ были главными дѣятелями по подготовленію переворота. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ фазисахъ этого подготовленія, такъ какъ это отвлекло бы насъ очень далеко, скажемъ только, что подготовленія эти, какъ они ни были таинственны, не могли, конечно, не вызывать толковъ въ обществѣ; самые темные слухи о нихъ не могли не проникать къ правительству, которое, съ своей стороны,

употребляло противъ Елизаветы репрессивныя мѣры, усиливало за ней надзоръ и пр. Наканунѣ переворота, наконецъ, 23 ноября, на обыкновенномъ пріемѣ (куртагѣ) правительница Анна Леопольдовна имѣла съ Елизаветой разговоръ на счетъ маркиза Шетарди, сказала, что она будетъ хлопотать у французскаго правительства объ его отозваніи, и внушала Елизаветѣ, что она не должна принимать такого человѣка.

Медлить было нельзя: отношеніе правительства было ясно видно, а тутъ 24 ноября въ первомъ часу по полудни былъ отданъ внезапный приказъ гвардейскимъ полкамъ немедленно же выступать въ Финляндію противъ Шведовъ, съ которыми тогда велась война. Во дворцѣ Елизаветы приказъ этотъ поняли такъ, что правительство хочетъ нарочно удалить гвардію, зная приверженность ея къ Елизаветѣ, и люди близкіе — Воронцовъ, Разумовскій, Шуваловъ, Лестокъ стали настаивать на необходимости произвести, съ помощью гвардіи, немедленный переворотъ. Больше всѣхъ настаивалъ Лестокъ, которому, конечно, грозила и большая опасность. Впослѣдствіи, будучи уже въ изгнаніи, разсказывалъ Лестокъ одному французскому путешественнику, будто въ самую критическую минуту, когда Елизавета никакъ не могла рѣшиться на переворотъ, онъ нарисовалъ на одной изъ игральныхъ картъ Елизавету въ монастырѣ, гдѣ ей отрѣзываютъ волосы и на другой ее-же восходящую на престолъ при крикахъ народа—и предложилъ на выборъ. Елизавета выбрала послѣднее [1]).

Дальше самый переворотъ мы разсказываемъ словами С. М. Соловьева, который живо и рельефно описалъ его, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, въ XXI т. своей «Исторіи Россіи».

Какъ только Елизавета рѣшилась, «послали за гренадерами; тѣ явились между 11 и 12 часами ночи и сами первые объявили Елизаветѣ, что должны выступить въ походъ, и потому не будутъ въ состояніи служить ей, и она совершенно остается въ рукахъ своихъ непріятелей: такъ нечего терять ни минуты. На вопросъ Елизаветы, может ли она на нихъ положиться, гренадеры отвѣчали клятвенными увѣреніями въ преданности. Елизавета заплакала, велѣла имъ выйти изъ комнаты, а сама начала молиться на колѣнахъ предъ образомъ Спасителя: есть извѣстіе,

[1]) *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XXI, стр. 118—149.

что въ эту-то страшную минуту она дала обѣщаніе не подписывать никому смертныхъ приговоровъ. Помолившись, она взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ къ присягѣ, сказавши: «когда Богъ явитъ милость свою намъ и всей Россіи, то не забуду вѣрности Вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами пріѣду». Былъ уже второй часъ пополуночи 25 ноября, когда Елизавета, надѣвъ кирасу на свое обыкновенное платье, сѣла въ сани и отправилась въ казармы Преображенскаго полка въ сопровожденіи Воронцова, Лестока и Шварца, своего стараго учителя музыки. Пріѣхавши въ гренадерскую роту, извѣщенную уже заранѣе о ея прибытіи, она нашла ее въ сборѣ и сказала: «Ребята! вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!» — Солдаты и офицеры закричали въ отвѣтъ: «Матушка! мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ». Озадаченная такимъ дикимъ выраженіемъ усердія, Елизавета сказала: «Если вы будете такъ дѣлать, то я съ вами не поѣду». Умѣривъ этими словами излишнее усердіе, Елизавета велѣла разломать барабаны, чтобъ нельзя было произвести тревоги, потомъ взяла крестъ, стала на колѣни, а за нею и всѣ присутствующіе и сказала: «клянусь умереть за васъ: клянетесь ли умереть за меня»? — «Клянемся», прогремѣла толпа. — «Такъ пойдемте же, сказала Елизавета, и будемъ только думать о томъ, чтобъ сдѣлать наше отечество счастливымъ, во что бы то ни стало».

Елизавета отправилась изъ казармы въ зимній дворецъ; она ѣхала въ саняхъ, окруженная гренадерами. Дѣйствія Миниха при арестѣ Бирона служили примѣромъ: мало было арестовать брауншвейгскую фамилію: нужно было прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно арестовать людей къ ней приверженныхъ, могшихъ быть опасными для возникающей власти. Начали съ Миниха: съ дороги отправленъ былъ отрядъ арестовать его въ его домѣ, гдѣ караульный унтеръ-офицеръ былъ уже предупрежденъ. Проходя Невскимъ проспектомъ, арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Достигши конца проспекта, послали 20 гренадеръ объявить домовый арестъ оберъ-гофмаршалу Левенвольду и его кліенту, морскому генералъ-коммиссару Лопухину; тогда какъ 30 другихъ гренадеръ отправлены были арестовать Остермана. Здѣсь, на концѣ Невскаго проспекта, когда уже стали приближаться къ зимнему дворцу, гренадеры посовѣтовали Елизаветѣ для избѣжанія шума, выйти изъ са-

ней и идти пѣшкомъ; но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ они стали говорить ей: «Матушка! такъ не скоро дойдемъ, надобно торопиться». Елизавета ускорила шаги, но, безъ привычки ходить скоро, никакъ не могла поспѣть за гренадерами. Тогда они взяли ее на руки и донесли до дворца.

Здѣсь Елизавета отправилась прямо въ караульню, гдѣ солдаты, съ просонку, не будучи предупреждены, не знали сначала, что это такое дѣлается. «Не бойтесь, друзья мои, начала имъ говорить цесаревна: хотите ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей.»— «Матушка, отвѣчали солдаты: давно мы этого дожидались, и что велишь, все сдѣлаемъ». Но четыре офицера, по недоумѣнію или нежеланію, не высказались одинаково съ солдатами: тогда Елизавета велѣла арестовать ихъ, при чемъ должны были схватить ружье у одного солдата, который направилъ было штыкъ на офицера. Покончивши въ караульнѣ, Елизавета отправилась во дворецъ, гдѣ не встрѣтила никакого сопротивленія отъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, котораго сейчасъ же и арестовала. Войдя въ комнату правительницы, которая спала вмѣстѣ съ фрейлиною Менгденъ, Елизавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!» Правительница, проснувшись, сказала ей: «Какъ, это вы сударыня!» Увидавши за Елизаветою гренадеръ, Анна Леопольдовна догадалась, въ чемъ дѣло, и стала умолять цесаревну не дѣлать зла ни ея дѣтямъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, съ которою бы ей не хотѣлось разлучаться. Елизавета обѣщала ей все это, посадила ее въ свои сани и отвезла въ свой дворецъ: за ними въ двухъ другихъ саняхъ отвезли туда же маленькаго Іоанна Антоновича съ новорожденною сестрою его Екатериною. Разсказывали, что Елизавета, взявши свергнутаго ею императора на руки, цѣловала и говорила: «Бѣдное дитя! ты вовсе не виновно; твои родители виноваты». Дворецъ цесаревны наполнился гостями: привезли принца Антона вмѣстѣ съ его пріятельницею фрейлиною Менгденъ: привезли еще двоихъ друзей—Миниха и Остермана, которымъ обоимъ досталось отъ солдатъ во время арестованія: Миниху за то, что его сильно не любили солдаты; Остерману за то, что онъ вздумалъ сопротивляться— словами: хотѣлъ испугать солдатъ, что они жестоко пострадаютъ за свой

поступокъ, при чемъ неучтиво отозвался объ Елизаветѣ. Вздумали сопротивляться президентъ Менгденъ съ женою и также были избиты солдатами. Въ домахъ подъ арестомъ остались: незванный женихъ, принцъ Людвигъ брауншвейгскій (за котораго Остерманъ прочилъ Елизавету), графъ Головкинъ съ женою и сестрою, графинею Ягужинскою, графиня Остерманъ съ дѣтьми и братьями Стрѣшневыми, камергеръ Лопухинъ съ семействомъ и генералъ Альбрехтъ. Елизавета велѣла призвать принца гессенъ-гомбургскаго и поручила ему вѣдать военныя силы Петербурга и охранять съ ними порядокъ. Двадцать гренадеръ сѣли на лошадей и поскакали въ разные концы города для сбора остальныхъ гвардейскихъ полковъ: Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились на саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ съ вѣстію о случившемся событіи и съ приглашеніемъ ѣхать немедленно во дворецъ цесаревны. Фельдмаршалъ Ласи явился сейчасъ же съ увѣреніями въ готовности служить крови Петра Великаго: пріѣхалъ и другой фельдмаршалъ князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ. Явились и статскіе чины—канцлеръ князь Черкаскій, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, кабинетъ-секретарь Бревернъ, самый довѣренный человѣкъ Остермана, но не хотѣвшій теперь раздѣлять участи своего милостивца, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ: Черкасскій, Бреверпъ и Бестужевъ заняпись сочиненіемъ манифеста, и къ 8 часамъ утра манифестъ, форма присяги, форма титуловъ все было готово. Елизавета надѣла Андреевскую ленту объявила себя полковникомъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, конной гвардіи, кирасирскаго полка и приняла поздравленіе особъ высшихъ классовъ: потомъ вышла на балконъ, и была встрѣчена громкимъ восклицаніемъ народа: не смотря на жестокую стужу, прошлась и между рядами гвардіи, послѣ чего возвратившись во дворецъ, принимала знатныхъ дамъ. Въ началѣ 3 часа новая императрица съ торжествомъ переѣхала изъ своего стараго дома въ зимній дворецъ и, немного отдохнувъ, отправилась въ церковь къ молебну: тутъ окружили ее преображенскіе гренадеры и стали говорить: «Ты, матушка, видѣла, какъ усердно мы сослужили тебѣ свою службу: за это просимъ одной награды —объяви себя капитаномъ нашей роты, и пусть мы первые присягнемъ тебѣ. Елизавета согласилась» [1].

[1]) *Соловьевъ.* Исторія Россіи т. XXI, стр. 149—153.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни посыпались награды на лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ переворотѣ; а въ послѣдній день 1741 года состоялся именной указъ: «Понеже во время вступленія нашего на всероссійскій родительскій нашъ престолъ полки наши лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская рота Преображенскаго полка, намъ ревностную свою вѣрность такъ показали, что мы оною ихъ службою, помогающу намъ Всемогущему Господу Богу, желаемый отъ всего государства нашего успѣхъ въ воспріятіи престола, безо всякихъ дальностей, и не учиня никакого кровопролитія, получили: и яко же мы въ томъ благодарны есть Господу Богу, Подателю всѣхъ благъ, за неизреченную его милость къ намъ и всему государству нашему, такъ имѣя во всемилостивѣйшемъ нашемъ разсужденіи и вѣрную службу вышеписанныхъ, не можемъ остаться, не показавъ особливой нашей императорской милости къ нимъ». Милость состояла въ томъ, что офицерамъ гвардіи и полковъ ингерманландскаго и астраханскаго была выданная денежная награда, равнявшаяся трети ихъ жалованья; солдатамъ же преображенскаго полка выдали 12 тысячъ, семеновскаго и измайловскаго по 9 тысячъ, коннаго 6000, ингерманландскаго и астраханскаго по 3000 рублей. Гренадерская рота преображенскаго полка получила названіе лейбъ-кампаніи; при чемъ капитаномъ ея была сама императрица, капитанъ-поручикъ равнялся полному армейскому генералу, два поручика - генералъ-лейтенантамъ, два подпоручика генералъ-майорамъ, прапорщикъ — полковнику, сержанты — подполковникамъ, капралы — капитанамъ. Затѣмъ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы были въ потомственные дворяне; въ гербы ихъ была внесена надпись «за ревность и вѣрность», и они получили деревни, при чемъ нѣкоторые съ очень значительнымъ числомъ душъ [1]).

Въ числѣ лицъ, входившихъ въ составъ лейбъ-кампаніи и принимавшихъ участіе въ переворотѣ были Герасимъ и Федоръ Іевлевичи Рахманиновы. Первый изъ нихъ былъ вице-капраломъ, второй, Федоръ, рядовымъ. Послѣдній получилъ, какъ видно изъ указа императрицы отъ 31 декабря 1741 года, 29 душъ крестьянъ, «а земли и всякіе угодьи, ко онымъ волостямъ принадлежащіе, раздѣлить по пропорціи» [2]). Кромѣ

---

[1]) П. С. З. т. XI, № 8667, *Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XXI, стр. 162—163.

[2]) П. С. З, т. XI, № 8667.

того императрица «всемилостивѣйше соизволила..... въ признаніе и воздаяніе вѣрныхъ, полезныхъ и знатныхъ заслугъ Герасима и Федора Іевлевичей Рахманиновыхъ со всѣми отъ нихъ рожденными и впредь рождаемыми законными дѣтьми и потомствомъ нисходящей линіи, въ вѣчныя времена въ чести и достоинствѣ Россійской имперіи дворянства подтвердить и на оное дворянское достоинство въ 1751 году ноября 25 дня пожаловать дипломами». Грамота, данная Герасиму Іевлевичу въ это время, писана на пергаментѣ, такого содержанія: «**Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Елизаветъ первая, императрица и самодержица всероссійская, московская, кіевская, владимірская, новгородская, царица казанская, царица астраханская, царица сибирская, государыня псковская и великая княгиня смоленская, княгиня эстляндская, лифляндская, кареньская, тверская, югорская, пермская, вятская, болгарская и иныхъ; государыня и великая княгиня Новогорода низовскія земли, черниговская, рязанская, ростовская, ярославская, бѣлоозерская, удорская, обдорская, кондійская и всея сѣверныя страны повелительница и государыня иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли, черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ наслѣдная государыня и обладательница**, объявляемъ всѣмъ обще и каждому особливо чрезъ сію нашу жалованную грамоту, что, хотя мы по самодержавной отъ всемогущаго Бога намъ данной императорской власти и по природной нашей милости и щедротѣ всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе всемилостивѣйше всегда защищать и поспѣшествовать желаемъ: однако жъ наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ честію, достоинствомъ, такожъ и особливою нашею милостію, по ихъ состоянію, награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать и во оныхъ подтверждать, которые, по всеподданнѣйшей своей къ службѣ нашей ревности намъ и государству нашему особливыя предъ прочими услуги и вѣрность показываютъ. И понеже мы всемилостивѣйше усмотрѣли и намъ всеподданнѣйше донесено, коимъ образомъ нашъ вѣрный подданный нашего императорскаго величества арміи капитанъ-порутчикъ и лейбкомпаніи нашей вице-капралъ Герасимъ

Іевлевъ сынъ Рахманиновъ, которой произшелъ изъ древней благородной фамиліи нашей всероссійской имперіи, съ 1737 года служилъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку въ гранодерской ротѣ гранодеромъ, а въ 1740 году произведенъ въ томъ же полку въ капралы, гдѣ онъ при своихъ честныхъ и добрыхъ поступкахъ всегдашнее радѣніе и ревность къ службѣ нашей оказывалъ, при вступленіи же нашемъ на всероссійскій родительскій нашъ престолъ купно съ прочими во оной гранодерской ротѣ тогда находившимися тогда особливую вѣрность и усердіе намъ показалъ, за которую какъ намъ, такъ и всему государству нашему показанную знатную службу мы оной гранодерской ротѣ седмаго на десять дня декабря прошлаго 1741 года и имя нашей лейбъ-компаніи всемилостивѣйше опредѣлить и всѣхъ оной лейбъ-компаніи унтеръ-офицеровъ, капраловъ и рядовыхъ, кромѣ заротныхъ чиновъ, дворянами пожаловать соизволили, кои до того времени онаго не имѣли, съ такимъ указомъ, чтобъ отъ нихъ родившіеся отъ того числа дѣти дворянство по наслѣдству имѣли и имъ бы для незабвенной памяти будущимъ родамъ о дарованномъ намъ отъ всемогущаго Бога успѣхѣ въ восприятіи нами всероссійскаго родительскаго нашего престола гербы и дипломы къ подписанію нашему приготовить; а помянутый Герасимъ Рохманиновъ за означенныя его намъ къ особливому нашему удовольствію оказанныя ревностныя службы по учрежденіи оной лейбкомпаніи декабря тритцать перваго дня 1741 года въ капитаны-порутчики и лейбъ-компаніи нашей вице-капралы имяннымъ нашимъ указомъ всемилостивѣйше пожалованъ, к томужъ и честь нашей имперіи дворянство на себѣ отъ прародителей своихъ уже имѣетъ, которые служили въ имперіи нашей стольниками, стряпчими и другими дворянскими чинами и за свои службы и мужественныя противъ неприятелей подвиги въ разныхъ уѣздахъ имперіи нашей жалованы вотчинами и на оныя жалованными грамотами всемилостивѣйше снабдѣны были, токмо онымъ Рохманиновымъ на то ихъ дворянство диплома по нынѣ еще не дано было: того ради мы, въ признаніе и воздаяніе вышеозначенныхъ его Рохманинова вѣрныхъ и знатныхъ заслугъ, такожъ и по нашей императорской склонности и щедротѣ, которую мы для награжденія добродѣтелей ко всѣмъ нашимъ подданнымъ имѣемъ, и по дарованной намъ отъ всемогущаго Бога самодержавной власти всемилостивѣйше соизволили помянутаго капитана-порутчика и лейбкомпаніи

нашей вицекапрала Герасима Рохманинова со всѣми отъ него рожденными и впредь раждаемыми законными дѣтьми и ихъ наслѣдниками и потомствомъ мужескаго и женскаго пола нисходящей линѣи въ вѣчныя времена въ чести и достоинствѣ нашей имперіи дворянства, равно обрѣтающемуся въ нашей всероссійской наслѣдной имперіи, царствахъ, княжествахъ и земляхъ прочему дворянству подтвердить и пожаловать, якоже мы симъ и силою сего его Рохманинова и рожденныхъ отъ него и впредь раждаемыхъ законныхъ дѣтей и ихъ наслѣдниковъ и потомство мужескаго и женскаго пола нисходящей линѣи въ чести и достоинствѣ дворянскомъ нашей всероссійской имперіи подтверждаемъ и жалуемъ, и въ число прочаго всероссійской имперіи дворянства такимъ образомъ включаемъ, чтобъ ему, Рохманинову, и рожденнымъ отъ него и впредь раждаемымъ законнымъ дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ и потомству обоего пола нисходящей линѣи въ вѣчныя времена всѣми тѣми вольностьми, честію и преимуществомъ пользоваться, которыми и другіе нашей всероссійской имперіи дворяне по нашимъ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются. Для вящшаго же свидѣтельства и въ признакъ сей нашей императорской милости и подтвержденія въ дворянскомъ достоинствѣ пожаловали мы помянутому капитану-поручику и нашей лейбкомпаніи вицекапралу Герасиму Рохманинову и рожденнымъ отъ него и впредь раждаемымъ законнымъ дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ и потомству обоего пола нисходящей линѣи нижеслѣдующей дворянской гербъ впредь въ вѣчныя времена имѣть и употреблять, а іменно: на двѣ части вдоль раздѣленной щитъ, у котораго правая часть показываетъ въ черномъ полѣ золотое стропило съ наложенными на него тремя горящими гранатами натуральнаго цвѣту между тремя серебряными звѣздами, яко общей знакъ особливой намъ и всей имперіи нашей при благополучномъ нашемъ, съ помощію всевышнаго, на родительскій нашъ наслѣдный престолъ вступленіи вѣрно оказанной знатной службы и военной храбрости нашей лейбкомпаніи, а лѣвая содержитъ въ зеленомъ полѣ два золотыя на подобіе Андреева креста внизъ обращенныя красною тесмою перевязанныя рыцерскія копья, между которыми въ вершинѣ серебряная звѣзда о шести лучахъ, а въ подошвѣ щита восходящей полумѣсяцъ тогожъ металла. Надъ щитомъ открытой къ правой сторонѣ обращенной стальной дворянской шлемъ о трехъ обручахъ, которой

украшаетъ наложенная на него обыкновенная лейбкомпаніи гренадерская шапка съ красными и бѣлыми струсовыми перьями и съ двумя по обѣимъ сторонамъ распростертыми орловыми крылами чернаго цвѣту, на которыхъ повторены три серебряныя звѣзды. По сторонамъ щита опущенъ шлемовной наметъ зеленаго и чернаго цвѣтовъ, съ правой стороны подложенной серебромъ, а съ лѣвой золотомъ съ приложенною внизу щита надписью: «за вѣрность и ревность», такъ какъ оной дворянской гербъ въ сей нашей жалованной грамотѣ и самыми красками изображенъ. (Затѣмъ въ грамотѣ слѣдуетъ изображеніе самаго герба, соотвѣтственно вышеприведенному описанію) [1]).

Чего ради жалуемъ и позволяемъ, продолжаетъ грамота, помянутому капитану поручику и нашей лейбкомпаніи вицекапралу Герасиму Рохманинову и рожденнымъ отъ него и впредь раждаемымъ законнымъ дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ и потомству обоего пола нисходящей линѣи, какъ нынѣ, такъ и впредь въ вѣчныя времена сей дворянской и шляхетной гербъ во всѣхъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ, въ письмахъ, въ печатяхъ, на домахъ и домовыхъ вещахъ и вездѣ, гдѣ честь его и другія случающіяся обстоятельства того потребуютъ, употреблять по своему изволенію и разсужденію, такъ какъ и другіе нашей имперіи дворяне оную вольность и преимущество имѣютъ и того ради всѣхъ чужестранныхъ потентатовъ, принцовъ и высокихъ областей, такожъ Графовъ, Бароновъ, Дворянъ и прочихъ чиновъ, какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо чрезъ сіе дружебно просимъ и отъ всякаго по достоинству чина и состоянія благоволительно и милостиво желаемъ помянутому Рохманинову сіе отъ насъ ему и рожденнымъ отъ него и впредь раждаемымъ законнымъ дѣтямъ и ихъ нисходящимъ наслѣдникамъ и потомству обоего пола всемилостивѣйше подтвержденное и пожалованное преимущество въ ихъ государствахъ и областяхъ благосклонно позволить; а нашимъ подданнымъ, какова бъ чина, достоинства и состоянія оные ни были, симъ всемилостивѣйше и накрѣпко повелѣваемъ, онаго Герасима Рохманинова и рожденныхъ отъ него и впредь раждаемыхъ законныхъ дѣтей и ихъ наслѣдниковъ мужескаго и женскаго пола нисходящей линѣи въ вѣчныя времена за нашихъ россійской имперіи

---

[1]) Гербъ этотъ приложенъ къ нашему изданію.

дворянъ признавать и почитать, и имъ въ томъ, также и въ употребленіи вышеозначеннаго дворянскаго герба и во всѣхъ прочихъ нашему всероссійской имперіи дворянству отъ насъ всемилостивѣйше позволенныхъ правахъ, преимуществахъ и пользахъ предосужденія, обидъ и препятствія отнюдъ и ни подъ какимъ видомъ не чинить. Для вящшаго увѣренія мы сію нашу жалованную грамоту нашею собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дано въ нашей резиденціи въ Санктпетербургѣ лѣта отъ Рождества Христова тысяща седмь сотъ пятьдесятъ перваго ноября двадцать пятаго дня. Государствованія нашего десятаго года. Елизаветъ. Канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ».

Приведенная нами грамота, равно какъ и подобная ей, данная Өедору Іевлевичу, подлинникъ которой хранится у заслуженнаго профессора университета св. Владимира Ивана Ивановича Рахманинова, прямаго потомка Өедора Іевлевича — содержитъ, какъ мы видѣли, подтвержденіе дворянства и затѣмъ описаніе дворянскаго герба, какъ онъ измѣненъ для потомства Герасима и Өедора Іевлевича, благодаря участію ихъ въ возведеніи Елизаветы Петровны на престолъ.

Подъ конецъ жизни Герасимъ Іевлевичъ жилъ въ деревнѣ богатымъ помѣщикомъ и, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, былъ человѣкъ, нелишенный извѣстной доли самодурства. Ниже мы приводимъ письмо нѣкоего Кормилицына, въ которомъ онъ въ нѣсколько саркастическомъ тонѣ благодаритъ за присылку писемъ и бѣглаго крестьянина, проситъ отсрочки долга и сообщаетъ, что нынѣ «видя вашу (т. е Герасима Іевлевича) такую суровость и не милосердіе, служить сабаками не въ состояніи». Герасимъ Іевлевичъ требовалъ, вѣроятно, присылки отъ Кормилицына собакъ. Мы приводимъ это письмо цѣликомъ, желая съ одной стороны сохранить его, какъ фамильную бумагу, а съ другой — потому что оно все-таки прибавляетъ нѣсколько чертъ, характерныхъ для Герасима Іевлевича. Письмо писано 2 Августа 1752 года. Вотъ оно:

Государь мой Герасимъ Иевлевичь!

Съ любезною вашею сожительницею государынею моею Анной Ивановною и з драгими дѣтками вашими желаю всякаго благополучія.

Два письма, первое, отпущенное отъ васъ чрезъ Петра Карнѣева прошедшего Іюля отъ 22, которое мною получено 27 числа, второе

тогожъ мѣсяца отъ 29 чрезъ крестьянина нашего Зеновья Селиванова, мною получено сего Августа 1 дня, за которые приношу мое благодареніе, такожъ и за присылку бѣглого крестьянского сына Петра Владимерова покорно благодарствую, а что-же онъ тамъ плутовски не объявилъ, гдѣ онъ в бѣгахъ жительство имѣлъ, ибо не что иное, токмо то подъ закрытіемъ учинено, чему и вѣрить не подлежитъ, а здѣсь точно объявилъ, гдѣ жительство имѣлъ, которой паки обратно посланъ в Переславль, какъ, государь, не досадно таковые плуты уповаю, и у васъ есть, не токмо у меня бѣднова человѣка много, отъ которыхъ раззоряюсь: «о предложенныхъ же вашихъ трудахъ объ отказѣ седмой части я чрезъ писма ваши извѣстенъ и по приказу вашему для провожанія того подъячего, которой для отказу былъ до Москвы, и в Вологду подводу прошедшего Іюля 28 дня отправилъ денегъ два рубля на дорогу далъ и в Вологдѣ нарочной отъ меня человѣкъ при отказѣ быть имѣетъ; при томъ же такъ строго изволите, чего было я никогда отъ васъ не думалъ, задержанныхъ вами денегъ в скорыхъ числахъ присылкою требуете, которыя я вамъ со временемъ конечно заплатить не отрекуся зблагодареніемъ, а нынѣ истинно имѣю в денгахъ недостатокъ, понеже по несчастію моему Богъ меня посѣтилъ — у крестьянъ моихъ болѣя пятидесятъ лошадей повалилось, такожъ и мнѣ пришло выѣхать непачемъ, отъ чего я крайне разорился, хотя бы и чюжой, видя такое несчастіе, не токмо бъ в семнатцети рубляхъ хотя бъ и болше повѣрить могъ: такожъ и писма вашего суровость усмотрѣна, что я за доставшимся на часть мою мужикомъ посылалъ; такъ коли уже онъ по указу отданъ мнѣ, такъ стало быть мой, и мнѣ надобно ево знать, каковъ онъ: такъ потому признаваетца, что на часть мою отказаны негодныя, а вы по волѣ своей выбирали ково хотѣли, ибо для того отказу и Петра Карнѣева з собою брали, а меня о томъ не удостоили увѣдомленіемъ; яжъ слышалъ, что в томъ числѣ дѣвка такая отказана, которая болѣя двусотъ рублевъ коштуетъ; я и тому не спорю, что вы при отказѣ и роздѣлъ учинили и ково хотѣли, тово брали и меня дружески не увѣдомили, кто мнѣ достался и с отказныхъ книгъ копіи не прислали, развѣ Петръ Карнѣевъ лутче, что всѣ имѣетъ: такожъ писать изволите, дабы я вамъ гончими сабаками услужилъ; правда, я и предъ симъ оншбса, прошедшаго жъ Іюля 8 дня чрезъ человѣка вашего Степана Васильева

обстоятельно обо всемъ к вамъ писалъ и услугу мою по волѣ вашей показалъ, а нынѣ, видя вашу такую суровость и немилосердіе, служить сабаками не в состояніи; вы сами изволите знать, что я для надобности моей сабакъ держу и самъ покупаю за деньги и такимъ пріятелямъ служу, отъ которыхъ самъ одолженіе и воздаянія имѣю, в томъ прошу на меня не возымѣть своего гнѣва, а когда жъ мнѣ на нашу часть мужикомъ владѣть запрещаете, такъ я потому и не вступаюсь, что хотите, то творите, и тако при окончаніи сего с наиглубочайшимъ моимъ почтеніемъ завсегда остаюсь Государя моего всепокорный вашъ слуга

Николай Кормилицынъ.

На основаніи фамильныхъ преданій, вотъ что сообщаетъ объ Герасимѣ Іевлевичѣ одинъ изъ его потомковъ. «Какъ служившій въ гренадерской ротѣ (лейбъ-компаніи) Герасимъ Іевлевичъ былъ лично извѣстен императрицѣ, къ которой и обращался съ своими просьбами. Разсказываютъ, что Герасимъ, числившійся въ этой ротѣ сержантомъ, лично просилъ императрицу отпустить его на побывку въ Тамбовскую округу для осмотра своихъ людишекъ и помѣстья. Состоявшая при императрицѣ въ числѣ ея любимицъ карлица Устинья Никитишна Горѣлкина, услыхавши, что Герасимъ просится въ Тамбовскую округу въ отпускъ, и имѣвши тамъ пожалованное ей имѣніе, конфискованное въ казну отъ нѣкоего Зиновія Барыбина, — поручила Герасиму Іевлевичу осмотрѣть это имѣніе. Возвратившись на службу, онъ далъ любимицѣ неблагопріятный отзывъ объ имѣніи, подаренномъ ей императрицею, о распущенности людей и трудности управлять имъ. Устрашенная этими разсказами, карлица Горѣлкина, не смотря на то, что предполагала устроить свою резиденцію въ с. Знаменскомъ, въ которомъ построила даже церковь (въ 1754 г.), стала просить Герасима Іевлевича купить у нея это имѣніе, такъ какъ небольшое имѣніе его находилось по сосѣдству. Герасимъ Іевлевичъ сперва отказался по неимѣнію денегъ, а впослѣдствіи, съ помощію Государыни, купилъ въ 1761 году у Горѣлкиной это имѣніе по дешевой цѣнѣ, и такая выгодная покупка послужила основаніемъ богатства Герасима Іевлевича Рахманинова. Купленное имѣніе было расположено въ Алексинскомъ стану (Козловскаго уѣзда), состояло изъ селенія Знаменскаго, изъ деревни Марьиной Хмѣлевской волости и изъ деревни Песчаное Озеро и заключало въ себѣ около двадцати тысячъ де-

сятинъ земли; имѣніе было продано, какъ сказано въ купчей: «съ дворовыми людьми и крестьяны мужескимъ и женскимъ поломъ и *со всѣми ихъ пожитками*». Изъ дѣлъ производившихся послѣ смерти Герасима Іевлевича видно, что онъ имѣлъ земли еще въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ Козловскаго и Липецкаго уѣздовъ, также имѣнія въ Рязанской, Московской и Ярославской губерніяхъ. Онъ былъ очень богатъ, такъ что въ народѣ сложилось убѣжденіе, что «отъ Козлова до Азова все его». По выходѣ въ отставку подполковникомъ, Герасимъ Іевлевичъ поселился въ Знаменкѣ, а братъ его Ѳеодоръ Іевлевичъ, вышедши въ отставку премьеръ-маіоромъ, поселился въ родовомъ своемъ имѣніи Казинкѣ. Герасимъ Іевлевичъ женился на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Кропоткиной, отъ которой имѣлъ сыновей: Ивана, Михаила и Степана и дочерей: Надежду и Анну.

Жена Герасима Іевлевича, согласно рукописи одного изъ его потомковъ, была женщина здоровья слабаго, нрава тихаго, безотвѣтнаго; мужъ ее недолюбливалъ. Еще при жизни своей жены Герасимъ Іевлевичъ сблизился съ простою дѣвушкою-сиротою, жившею среди однодворцевъ с. Волчка, Маріею Даниловной Жихаревой, по уличному прозвищу, Шмаковою, дочерью Данила Мартыновича Жихарева, служившаго капитаномъ въ армейскихъ полевыхъ полкахъ. Марья Даниловна служила ключницей у Герасима Іевлевича. Послѣ смерти жены Герасима Іевлевича ключница сдѣлалась полною хозяйкою въ его домѣ. Очевидно, въ барскій разсчетъ не входила мысль о новомъ супружествѣ. Вдругъ какъ то рано утромъ, когда баринъ еще спалъ, явился къ нему въ домъ еще бодрый старикъ, высокаго роста, осанистой наружности; грозно посмотрѣлъ гость на челядинцевъ и велѣлъ позвать къ себѣ ихъ барина. Непривычные повиноваться чужому голосу, челядинцы струсили и бросились въ комнаты, но барина будить не рѣшились, такъ какъ безпокоить барина не въ урочный часъ не осмѣливались даже чиновные люди, пріѣзжавшіе по какимъ-либо дѣламъ. Пріѣзжій господинъ долго ожидать барина не сталъ: онъ сталъ кричать на весь домъ и, стуча палкою объ полъ, съ угрозою требовалъ барина. Дѣлать было нечего, пришлось разбудить барина и доложить ему, въ чемъ дѣло. Пріѣхавшій старикъ былъ генералъ Степанъ Даниловичъ Жихаревъ, родной братъ Маріи Даниловны, бывшій, въ чинѣ преміеръ-маіора, приставомъ при заключен-

номъ въ Шлиссельбургѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, произведенный въ 1780 году въ генералъ-маіоры и бывшій потомъ Вятскимъ губернаторомъ. Герасимъ Іевлевичъ долженъ былъ выйти къ грозному генералу; произошелъ крупный разговоръ; угрозы пожаловаться императрицѣ побѣдили, и Герасимъ Іевлевичъ женился на Маріи Даниловнѣ. Мужъ, впрочемъ, очень любилъ ее. Въ дѣтствѣ Марья Даниловна не получила никакого образованія: но она была очень умна, и, сколько возможно было, сама стремилась пополнить недостатокъ своего образованія. Оставшись вдовою, она умѣла пріобрѣсти расположеніе многихъ лицъ, въ томъ числѣ Тамбовскаго архіерея Өеофилакта, который далъ ей безграничную власть надъ церковно-служителями села Знаменки. По разсказамъ священника, умершаго въ 40-хъ годахъ и помнившаго еще Марью Даниловну, когда во время службы они услышатъ, бывало, что Марья Даниловна стучитъ палкою объ полъ [1]), то это означало, что она увидѣла какой-либо безпорядокъ, и у священника, и у дьячка, и душа у послѣднихъ уходила въ пятки. Однажды ей доложили, что дьячокъ дурно живетъ съ своею женою, что они даже горшокъ молока раздѣляютъ какъ-то дощечкой: Марія Даниловна позвала дьячка къ себѣ и такъ била его своею палкою, что переломила ее пополамъ. Эта палка до сихъ поръ сохраняется у одного изъ потомковъ Маріи Даниловны, зашитою въ замшѣ. Когда она узнала о смерти своего сына Александра, котораго любила безгранично, она въ тотъ же день слегла въ постель, сказавши, что не хочетъ видѣть свѣта Божьяго, велѣла закрыть ставни и умерла безъ всякой болѣзни, только отъ горя. Марья Даниловна была характера твердаго, но необузданнаго. Она вела судебныя дѣла по имѣнію съ своими пасынками, дѣтьми первой жены Герасима Іевлевича, и почти всегда умѣла эти дѣла выигрывать. Отъ Маріи Даниловны Герасимъ Іевлевичъ имѣлъ сыновей Василія и Александра и дочерей Вѣру, Марію, Любовь и Анну.

Изъ сыновей Герасима Іевлевича отъ перваго брака самымъ выдающимся является Иванъ Герасимовичъ, который былъ хорошо образованъ и на которомъ благотворно отразилось вліяніе времени и энциклопедистовъ,— вліяніе, распространенію котораго такъ содѣйствовала сама императрица

---

[1]) Она всегда ходила съ палкою, на которой былъ золотой набалдашникъ.

Екатерина II и которое проявилось въ оживленіи наукъ и литературы, въ появленіи цѣлаго ряда писателей, изданій, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Въ числѣ многихъ лицъ, на которыхъ время оказало свое вліяніе, былъ, какъ мы сказали, и Иванъ Герасимовичъ. Онъ извѣстенъ какъ основатель типографіи въ с. Казинкѣ Тамбовской губерніи и какъ переводчикъ и издатель цѣлаго ряда книгъ. Служилъ онъ въ конной гвардіи и съ дѣтства уже имѣлъ склонность къ литературѣ, изучалъ энциклопедистовъ, причемъ любимцемъ его сдѣлался Вольтеръ. Литературная извѣстность И. Г. Рахманинова, какъ переводчика и самостоятельнаго писателя, начинается съ 1790 года, когда въ Петербургѣ существовала его типографія и императрицѣ была поднесена книга его изданія (черезъ графа П. А. Зубова) «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ» [1]. Литераторъ-императрица знала, такимъ образомъ, про И. Г. Рахманинова. Въ запискахъ чиновника Степана Петровича Жихарева подъ 1807-мъ годомъ находимъ слѣдующіе отзывы И. А. Крылова и Г. Р. Державина объ Иванѣ Герасимовичѣ Рахманиновѣ: «Въ дѣтствѣ моемъ, говоритъ Жихаревъ, я слыхалъ отъ родныхъ, что дядя мой И. Г. Рахманиновъ, котораго я зналъ уже старикомъ и помѣщикомъ деревенскимъ, въ полномъ значеніи слова, занимался нѣкогда литературою и былъ въ связи съ Крыловымъ и Клушинымъ. Мнѣ захотѣлось повѣрить это семейное сказаніе, и я подсѣвъ къ Крылову, спросилъ его, въ какой мѣрѣ оно справедливо. «А такъ справедливо, какъ нельзя болѣе», отвѣчалъ мнѣ Крыловъ. «И вотъ, спросите Гавріила Романовича, который лучше другихъ знаетъ все, что касается до Рахманинова. Онъ былъ очень начитанъ, самъ много переводилъ и могъ назваться по своему времени очень хорошимъ литераторомъ. Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями; онъ даже содѣйствовалъ намъ къ заведенію типографіи и далъ намъ слово участвовать въ изданіи нашего журнала: «С.-Петербургскій Меркурій»; но по обстоятельствамъ своимъ, долженъ былъ вскорѣ уѣхать въ Тамбовскую деревню. Мы очень любили его, хотя, правду сказать, онъ и не имѣлъ большой привлекательности въ обращеніи: былъ угрюмъ, упрямъ и настойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ. Вольтеръ и современные ему философы были его божествами. Петръ Лукичъ Вельяминовъ, другъ

[1]) Трудъ Г. Ф. Миллера.

Гавріила Романовича, былъ также его другомъ и, кажется, его свойственникомъ». Вслушавшись въ фамилію Рахманинова, Гавріилъ Романовичъ вдругъ спросилъ насъ: «А о чемъ толкуете»? Я отвѣчалъ, что говорилъ о дядѣ И. Г. Рахманиновѣ и что я хотѣлъ узнать отъ Ивана Андреевича о литературныхъ трудахъ его. «Да», сказалъ Гавріилъ Романовичъ—онъ переводилъ много, между прочимъ, философскія сочиненія Вольтера, политическое его завѣщаніе и другія его сочиненія въ 3-хъ частяхъ; «Извѣстіе о болѣзни, исповѣди и смерти его» Дюбуа: «Спальный Колпакъ» Мерсье: издалъ Миллерово «Извѣстіе о Россійскихъ дворянахъ» и, наконецъ, издавалъ еженедѣльникъ подъ заглавіемъ: «Утренніе Часы». Человѣкъ былъ умный и трудолюбивый, но большой вольтерьянецъ. Иванъ Андреевичъ и Клушинъ были съ нимъ коротко знакомы».

Иванъ Андреевичъ Крыловъ издавалъ журналъ «Почта духовъ» вмѣстѣ съ И. Г. Рахманиновымъ и сохранилъ къ нему и впослѣдствіи такія дружескія отношенія, что пріѣзжалъ къ нему въ деревню (въ Казинку) изъ Петербурга.

Въ 1791 году, въ чинѣ бригадира, Иванъ Герасимовичъ вышелъ въ отставку и поселился въ селѣ Казинкѣ Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи, куда перевелъ и свою типографію. Въ томъ же 1791 году изъ его типографіи вышла книга. «Полное собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на россійскій языкъ и въ печать изданныхъ сочиненій Господина Вольтера, второе изданіе съ поправленіемъ противъ прежнихъ и съ присовокупленіемъ жизни сего знаменитаго писателя и многихъ вновь переведенныхъ его сочиненій, которыя никогда еще изданы не были». На книгѣ было напечатано, что она вышла «съ указаннаго разрѣшенія» въ г. Козловѣ. Разрѣшеніе въ Козловѣ могъ дать только городничій Сердюковъ, который являлся и единственнымъ цензоромъ книги, но И. Г. Рахманиновъ поссорился съ Сердюковымъ, и послѣдній донесъ, что типографія Рахманинова находится не въ г. Козловѣ, а въ селѣ Казинкѣ, и что книги въ ней печатаются безъ указаннаго дозволенія. Доносъ былъ посланъ, спустя два года послѣ выхода книги, и попалъ какъ разъ во время. Благодаря французской революціи, казни короля Людовика XVI и массѣ французскихъ эмигрантовъ, которые ютились при европейскихъ дворахъ, въ томъ числѣ и при русскомъ, разжигали

придворныя страсти противъ французской революціи и распространяли про нее всевозможные небылицы и ужасы, либеральный характеръ русскаго двора и императрицы Екатерины II измѣнился въ строго-ретроградный. Прежніе друзья, Вольтеръ и энциклопедисты, обратились въ ея враговъ. Въ Россіи начали, поэтому, закрывать типографіи, распространенію которыхъ такъ содѣйствовала императрица, начались преслѣдованія лучшихъ русскихъ людей, въ числѣ которыхъ пострадали Новиковъ и Радищевъ. Въ такую-то пору попалъ и доносъ козловскаго городничаго на И. Г. Рахманинова.

Доносъ сдѣлался извѣстенъ императрицѣ, и генералъ-прокуроръ Самойловъ написалъ тамбовскому губернатору В. С. Звѣреву такое письмо: «Дошло здѣсь до свѣденія ея императорскаго величества», писалъ онъ, «что продаются книги подъ заглавіемъ «Полное собраніе сочиненій Вольтера», а какъ они суть вредны и развращеніемъ наполнены, то Ея Императорское Величество повелѣть соизволила оныхъ здѣсь и въ Москвѣ у книгопродавцевъ конфисковать, коихъ здѣсь уже нѣсколько и отобрано. Изъ оныхъ же книгъ видно, что они печатаны въ Козловѣ въ типографіи Ив. Рахманинова, гдѣ припечатано и то, что печатаны съ указанаго дозволенія; а посему Ея Величество указать соизволила къ Вашему Превосходительству отписать, чтобы вы какъ наискорѣе и безъ малѣйшаго разглашенія приказали помянутую типографію у Рахманинова запечатать и печатаніе запретить, а книги всѣ конфисковать, и ко мнѣ всѣмъ онымъ прислать реэстръ».

Звѣревъ немедленно же по полученіи этого письма командировалъ въ село Казинку капитана Салькова съ тремя рядовыми и членомъ Козловскаго нижняго земскаго суда. Книги конфисковали, типографщиковъ арестовали. Всѣхъ книгъ въ типографіи оказалось 5215 экземпляровъ, среди нихъ три были переведены самимъ Рахманиновымъ: 1) «Аллегорическія, философическія и критическія сочиненія господина Вольтера»; 2) «Ненависть, побѣжденная любовію» и 3) «Политическое завѣщаніе господина Вольтера». Затѣмъ въ числѣ конфискованныхъ были: 4) «Сатирическій духъ господина Вольтера»; 5) «Собраніе разныхъ сочиненій и новостей»; 6) «Тактика г. Вольтера и его же разсужденіе о воинскомъ искусствѣ»; 7) «Колесо счастія»; 8) «Утренніе часы»; 9) «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ»; 10) «Бесѣдующій гражданинъ».

По поводу конфискаціи книгъ Звѣревъ писалъ императрицѣ: «дерзая державной особѣ представить то, что дума его состарѣвшаяся подъ благословеннымъ скипетромъ Вашимъ чувствуетъ: книги бригадиромъ Рахманиновымъ переведенныя и печатанныя, не служатъ къ благому наставленію людей твоихъ. Лучше было бы употребить талантъ свой на доставленіе соотечественникамъ своимъ чего-нибудь полезнаго, нежели критическаго и двоемысленнаго».

И. Г. Рахманиновъ защищался искусстно и дѣло объ его типографіи затянулось до слѣдующаго царствованія. Въ 1797 году типографія вмѣстѣ съ запечатанными тамъ книгами сгорѣла. Оставшіеся экземпляры, бывшіе у разныхъ лицъ, повелѣно было въ 1800 году собрать и «безъ изъятія сжечь» [1]). На основаніи этихъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній должно быть совершенно отвергнуто слѣдующее неточное фамильное преданіе о пожарѣ типографіи, которое такъ гласитъ въ передачѣ одного изъ потомковъ Герасима Іевлевича: «Разсказываютъ, пишетъ онъ, что въ 1789 году, когда случилась французская революція и либеральныя вѣянія Петербурга измѣнились въ противную сторону, пріятели Ивана Герасимовича сообщили ему о такой перемѣнѣ и предупредили его о грозившей опасности, относительно предполагавшейся ревизіи его типографіи, онъ велѣлъ поджечь эту типографію; но поджогъ былъ неудаченъ: вѣтеръ, подобно петербургскому либерализму, разомъ измѣнился и отъ горѣвшей типографіи сгорѣлъ его домъ со всѣмъ имуществомъ» [2]).

О дальнѣйшихъ потомкахъ Рахманиновыхъ тоже лицо говоритъ слѣдующее: «Жену Ивана Герасимовича звали Александрой Степановной; у нихъ было четыре сына: Порфирій, Николай, Павелъ и Константинъ Ивановичи и три дочери: Елена, Надежда и Анна.

[1]) *И. Дубасовъ*. Типографія Рахманинова въ селѣ Казинкѣ Козловскаго уѣзда. Древ. и Нов. Рос. 1878 г. № 3 стр. 279—280. *А. М. Скабичевскій*. Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863). Спб. 1892 г. стр. 40, 63 и 64.

[2]) Имѣніе Ивана Герасимовича Рахманинова, часть села Казинки, перешла впослѣдствіи въ другія руки, и теперешняя его владѣтельница разсказывала, что въ подвалахъ наглухо заложенныхъ, которые она, за негодностью, приказала разобрать, нашли цѣлую массу полуистлѣвшихъ покрытыхъ плѣсенью книгъ, которыя растащили мальчишки на подтопку печей. Жаль, что владѣтельница недогадалась сохранить эти книги или передать ихъ вмѣсто ребятишекъ кому-нибудь изъ рода Рахманиновыхъ. Книги эти одно изъ двухъ: библіотека И. Г. Рахманинова или спрятанныя имъ въ подвалахъ изданія его типографіи.

Порфирій Ивановичъ служилъ въ военной службѣ, дѣлалъ турецкую компанію въ 1812 г., затѣмъ былъ въ отставкѣ поручикомъ, служилъ, кажется, два трехлѣтія по дворянскимъ выборамъ (въ 1830-хъ годахъ) и былъ козловскимъ исправникомъ, женатъ былъ на вдовѣ Мутовкиной (Варварѣ Александровнѣ), урожденной Чихачевой. Дѣтей у нихъ не было. Умеръ въ 1871 году (свыше 80 лѣтъ отъ роду).

Николай Ивановичъ тоже служилъ въ военной службѣ, затѣмъ, когда былъ въ отставкѣ, то служилъ по выборамъ дворянства судьею козловскаго уѣзднаго суда, кажется, лѣтъ 6 (также въ 1830-хъ годахъ). Онъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Тухачевской. У нихъ было три сына: Иванъ, Петръ и Павелъ и нѣсколько дочерей.

Константинъ и Павелъ Ивановичи, кажется, служили въ гражданской службѣ и умерли холостыми.

Изъ дочерей Ивана Герасимовича Елена и Надежда Ивановны умерли дѣвицами, а Анна Ивановна была замужемъ за Иваномъ Николаевичемъ Прибытковымъ.

Вторымъ сыномъ Герасима Іевлевича отъ перваго брака былъ Михаилъ Герасимовичъ. Служилъ онъ въ военной службѣ, въ отставку вышелъ капитаномъ и былъ женатъ на вдовѣ Ульянѣ Николаевнѣ Даевой, урожденной Селиверстовой. У нихъ были сыновья: Николай, убитый въ сраженіи подъ Бауценомъ въ 1813 году; Василій служилъ въ военной службѣ и умеръ бездѣтнымъ, и Егоръ Михайловичъ служилъ въ гвардіи (лейбъ-гренадерахъ), участвовалъ въ кампаніи 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., былъ при взятіи Парижа, по окончаніи войны вышелъ въ отставку и умеръ холостымъ. У Михаила Герасимовича были дочери: Екатерина Михайловна, бывшая въ замужествѣ за маіоромъ Михинымъ и умершая бездѣтною, и Анна Михайловна въ замужествѣ за Егоромъ Денисовичемъ Григорьевымъ, который сперва служилъ въ тираспольскомъ конно-егерскомъ полку, потомъ съ 1820 г. былъ въ отставкѣ, а затѣмъ служилъ 6 лѣтъ по выборамъ дворянства козловскимъ уѣзднымъ судьею. У нихъ были дѣти: сынъ Андрей Егоровичъ служилъ въ ахтырскомъ гусарскомъ полку 18 лѣтъ, а затѣмъ, вышедши въ отставку, служилъ 22 года мировымъ судьею 1 уч. г. Козлова и непремѣннымъ членомъ съѣзда мировыхъ судей.

Ульяна Егоровна была въ замужествѣ за Иваномъ Никаноровичемъ Синицынымъ, у нихъ дѣтей не было. Вдова живетъ въ своемъ имѣніи.

Варвара Егоровна была въ замужествѣ за Васильемъ Васильевичемъ Спицынымъ: у нихъ остался сынъ Павелъ Васильевичъ Спицынъ, почетный мировой судья Козловскаго уѣзда. —Изъ дочерей Герасима Іевлевича отъ перваго брака: Надежда Герасимовна была замужемъ за Юріемъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ, а Анна Герасимовна за Титовымъ.

Изъ дѣтей Герасима Іевлевича отъ втораго брака Василій Герасимовичъ служилъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку и вышелъ въ отставку гвардіи штабъ-ротмистромъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей—Василія и Сергѣя отъ дѣвицы Маріи Ивановны Дышковской, на которой потомъ и женился. По высочайшему указу, данному Правительствующему Сенату 19 Іюня 1821 года Василію и Сергѣю Васильевичамъ Высочайше дозволено было принять фамилію ихъ отца и вступить во всѣ права и преимущества, по роду и наслѣдію законнымъ дѣтямъ принадлежащія [1].

Василій Васильевичъ умеръ холостымъ. Сергѣй Васильевичъ служилъ въ кіевскомъ гусарскомъ полку, затѣмъ мировымъ посредникомъ Козловскаго уѣзда съ 1861 года и почетнымъ мировымъ судьею; былъ извѣстнымъ коннозаводчикомъ. Лошади его завода имѣли большую извѣстность въ Москвѣ и Петербургѣ. Сергѣй Васильевичъ былъ большой знатокъ и любитель лошадей. Страсть свою къ лошадямъ пріобрѣлъ онъ отъ извѣстнаго коннозаводчика Василія Петровича Воейкова, который былъ его опекуномъ, когда Сергѣй Васильевичъ былъ еще малолѣтнимъ. Онъ сломалъ свой старинный, прекрасный домъ и выстроилъ себѣ новый рядомъ съ обширными конюшнями, въ которыхъ провелъ электрическіе звонки. Звонки назначались не для того, чтобы баринъ могъ позвать дежурнаго смотрителя конюшни, а для того, чтобы смотритель могъ вызвать барина, когда случалось что либо съ лошадью, о чемъ нужно было доложить. Сергѣй Васильевичъ былъ женатъ на Варварѣ Павловнѣ Скуратовой. У нихъ сыновья: Владиміръ Сергѣевичъ служилъ въ Петербургѣ по военному и удѣльному вѣдомствамъ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Сергѣй Сергѣевичъ проживаетъ въ своемъ имѣніи при селеніи Таракановкѣ въ Козловскомъ уѣздѣ и Юрій Сергѣевичъ. Кромѣ сыновей у Сергѣя Васильевича была дочь Ольга Сергѣевна отличавшаяся большимъ талантомъ къ живописи и ваянію.

---

[1]) Архивъ Тамбовскаго Депутатскаго Собранія.

Второй и младшій сынъ Герасима Іевлевича отъ втораго брака Александръ Герасимовичъ, любимецъ Маріи Даниловны, служилъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку. Онъ былъ отличный музыкантъ (игралъ на скрипкѣ); 23-хъ лѣтъ женился на Маріи Аркадьевнѣ Бахметьевой, которой вся семья была извѣстна своими музыкальными способностями. Сама Марія Аркадьевна была большая любительница музыки и пѣнія. Послѣ рожденія у него двухъ дѣтей, изъ которыхъ Аркадія крестилъ Императоръ Александръ I, Александръ Герасимовичъ, по желанію матери, вышелъ въ отставку и поселился въ селеніи Знаменскомъ. Въ своихъ запискахъ (1807 г.) С. П. Жихаревъ говоритъ объ Александрѣ Герасимовичѣ: «Вотъ и еще человѣкъ, пропавшій для службы: въ 27-мъ лѣтъ, будучи штабъ-ротмистромъ и красавцемъ въ полномъ смыслѣ слова, вдругъ женился, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ степь на покой». Въ деревнѣ Александръ Герасимовичъ завелъ хоръ пѣвчихъ и оркестръ, въ которомъ онъ и жена его постоянно участвовали. Въ 1812 году Александръ Герасимовичъ былъ выбранъ Тамбовскимъ дворянствомъ для посылки въ армію съ разными пожертвованіями; возвращаясь назадъ, за нѣсколько станцій до Тамбова, онъ встрѣтилъ на дорогѣ бывшаго своего товарища по конной гвардіи князя Голицына, который возвращался изъ плѣна отъ французовъ. Голицынъ былъ плохо одѣтъ, не имѣлъ теплой одежды, хотя былъ сильный холодъ, стояли крѣпкіе морозы. Александръ Герасимовичъ, по дружбѣ и по добротѣ своего сердца, надѣясь притомъ на свое крѣпкое здоровье, снялъ съ себя шубу и надѣлъ ее на князя Голицына. За свой благородный и великодушный поступокъ Александръ Герасимовичъ поплатился жизнію: тотчасъ по пріѣздѣ въ Тамбовъ онъ заболѣлъ горячкою и умеръ на девятый день. Народъ очень любилъ его: отъ самаго Тамбова до селенія Знаменки его гробъ несли на рукахъ (50 или 60 верстъ) и когда принесли, то народъ требовалъ, чтобы открыли крышку гроба, такъ какъ никто не хотѣлъ вѣрить, что такой еще не старый человѣкъ, крѣпкаго здоровья, могъ умереть такъ скоро. Въ скоромъ времени послѣ смерти Александра Герасимовича была прислана княземъ Голицынымъ въ Тамбовскій монастырь тысяча рублей на вѣчное поминовеніе покойнаго Александра Герасимовича, а потомъ еще 500 рублей неизвѣстно отъ кого.

Александръ Герасимовичъ и его жена Марія Аркадьевна какъ бы передали своимъ потомкамъ любовь и способности къ музыкѣ. У Александра Герасимовича былъ сынъ Аркадій и двѣ дочери Марія и Александра. Аркадій Александровичъ служилъ сперва въ конной гвардіи, затѣмъ въ сѣверскомъ конно-егерскомъ полку и, наконецъ, въ изюмскомъ гусарскомъ, изъ котораго, женившись въ Орловской губерніи на Варварѣ Васильевнѣ Павловой, вышелъ въ отставку и через нѣсколько лѣтъ потомъ снова поступилъ въ военную службу въ московскій драгунскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику 1-й драгунской девизіи генералу Врангелю. Аркадій Александровичъ былъ прекрасный виртуозъ на фортепіано и много разъ участвовалъ въ благотворительныхъ концертахъ; музыкальныя знаменитости, пріѣзжавшія въ Тамбовъ для концертовъ, часто приглашали Аркадія Александровича участвовать въ нихъ. Когда онъ бывалъ въ Петербургѣ, то былъ приглашаемъ къ графу Вельегорскому и Львову на музыкальные вечера, въ которыхъ принималъ и участіе. Нѣкоторыя изъ музыкальныхъ его сочиненій были въ свое время напечатаны. Какъ богатый человѣкъ, онъ изъ своихъ музыкальныхъ способностей не дѣлалъ профессіи.

У Аркадія Александровича были дѣти: Александръ Аркадьевичъ—служилъ сперва въ 18-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, затѣмъ около 20-ти лѣтъ былъ мировымъ судьей Козловскаго Судебнаго Округа, женатъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Елагиной и имѣетъ большое семейство. Второй сынъ Аркадія Александровича Василій Аркадьевичъ, служилъ сперва вмѣстѣ съ братомъ въ 18-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, затѣмъ въ гродненскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго, женившись, вышелъ въ отставку. Сынъ Василія Аркадьевича Сергѣй—воспитанникъ московской консерваторіи и ученикъ Чайковскаго, 18-ти лѣтъ, написалъ оперу «Алеко», дававшуюся въ Москвѣ и Кіевѣ.

Изъ дочерей Аркадія Александровича: Анна Аркадьевна замужемъ за Прибытковымъ, Марія Аркадьевна — за Трубниковымъ и Юлія Аркадьевна — за Зилоти; сынъ ея — извѣстный музыкантъ Зилоти.

Изъ дочерей Александра Герасимовича Марія Александровна была замужемъ за Измайловымъ, а по смерти его за Колеминымъ; Александра Александровна была замужемъ за инженернымъ полковникомъ Линдквистъ.

Изъ дочерей Герасима Іевлевича отъ втораго его брака: 1) Марія Герасимовна была замужемъ за своимъ двоюроднымъ братомъ Александромъ Степановичемъ Жихаревымъ: 2) Вѣра Герасимовна за маіоромъ Бологовскимъ; 3) Анна Герасимовна за коллежскимъ ассесоромъ Петромъ Герасимовичемъ Шишковымъ. У нея было два сына: Николай Петровичъ извѣстный въ свое время ученый агрономъ, помѣщикъ Данковскаго уѣзда, и Сергѣй Петровичъ, помѣщикъ Козловскаго уѣзда, славившійся своими мѣткими, но рѣзкими остротами. Сынъ Николая Петровича извѣстный профессоръ химіи Леонидъ Николаевичъ Шишковъ: 4) Любовь Герасимовна была замужемъ за поручикомъ Соколовымъ, бракъ былъ бездѣтнымъ, и состояніе ея, послѣ смерти, перешло къ Шишковымъ.

Премьеръ-маіоръ Өеодоръ Іевлевичъ, какъ и его братъ Герасимъ, служилъ въ Преображенскомъ полку, участвовалъ въ возведеніи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны и получилъ подтвердительную грамоту на дворянство, совершенно одинаковую съ грамотою, полученною его братомъ Герасимомъ, и лейбъ-кампанскій гербъ съ надписью: «За вѣрность и ревность».

Лейбъ-кампанеецъ Өеодоръ Іевличъ, пользуясь, какъ и его братъ Герасимъ, милостями Государыни значительно увеличилъ свое состояніе, пріобрѣтя 200 четвертей въ селеніи Яркѣ, смежномъ съ Казинкою, отъ разныхъ помѣщиковъ, владѣвшихъ небольшими участками. Пріобрѣлъ онъ землю въ Маломъ Самовцѣ и другихъ селеніяхъ Козловскаго уѣзда, а также въ селеніяхъ Лебедянскаго и Добринскаго уѣздовъ, смежныхъ съ Козловскимъ, въ Липецкомъ уѣздѣ село Никольское. Өеодоръ Іевличъ былъ женатъ на Лукеріи Артамоновнѣ Вечесловой и жилъ въ селеніи Казинкѣ по выходѣ въ отставку. Умеръ въ 1790 году.

Потомство Өеодора Іевлича состояло изъ сына Николая и изъ дочери Екатерины, вышедшей замужъ послѣ смерти отца за мѣстнаго помѣщика маіора Ивана Ивановича Федцова и получившей въ приданное часть селенія Снѣжетки въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи (80 четв.).

Николай Өеодоровичъ въ 1778 году, какъ значится въ послужномъ его спискѣ, поступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ фурьеромъ; въ 1786 году переведенъ былъ въ лейбъ-гвардія конный полкъ квар-

термейстромъ, въ 1788 году произведенъ въ лейбъ-гвардіи корнеты и, женившись на Евпраксіи Ивановнѣ Сатиной, вышелъ въ отставку. Евпраксія Ивановна, которую обыкновенно называли Варварою Ивановною, избѣгая монашескаго имени Евпраксіи, принесла съ собою въ приданое имѣнія въ Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерніяхъ, полученныя ею отъ своихъ родителей Ивана Емельяновича и Прасковіи Григорьевны Сатиныхъ, а также отъ родного ея дяди генералъ-маіора Іосифа Емельяновича Сатина.

Мать Варвары Ивановны, Прасковія Григорьевна, была искренно уважаемая всѣми женщина, отличавшаяся своею глубокою религіозностью: во время Великаго поста она питалась только просфорами и кушала ихъ только одинъ разъ въ недѣлю; она завѣщала похоронить себя подъ порогомъ мѣстной Казинской церкви такъ, чтобы всѣ входящіе въ церковь попирали ея прахъ: въ тогдашнее время это считалось высшимъ выраженіемъ религіозности. Дядя Варвары Ивановны Іосифъ Емельяновичъ Сатинъ былъ извѣстный своею храбростью генералъ временъ Екатерины, которая удостаивала его собственноручными письмами [1]) и относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ. За дѣло 7-го іюля 1770 года Императрица лично приказала наградить его орденомъ св. Георгія, о чемъ его увѣдомилъ графъ Захаръ Чернышевъ, дала ему чинъ генералъ-маіора и имѣніе въ Воронежской губерніи.

По разсказамъ стариковъ, Николай Ѳеодоровичъ жилъ богатымъ помѣщикомъ и велъ роскошную жизнь; носилъ дорогіе кафтаны, которые мѣнялъ нѣсколько разъ въ день. Въ 1785 году Императрица Екатерина, какъ извѣстно, издала актъ, опредѣляющій права и привилегіи дворянства. Жалованная грамота Императрицы дворянству была принята у насъ съ восторгомъ, и лучшіе дворяне охотно шли въ выборныя должности по администраціи и суду. Такъ и Николай Ѳеодоровичъ, не смотря на свое довольно значительное состояніе, принималъ на себя разныя должности по выборамъ козловскаго дворянства.

Значеніе выборныхъ должностей въ то время, послѣ обнародованія жалованной грамоты дворянству, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

[1]) Два письма Императрицы къ Сатину, подлинники которыхъ хранятся въ архивѣ гг. Рахманиновыхъ, приводятся въ приложеніяхъ.—І. Е. Сатинъ находился въ перепискѣ съ Тихономъ, епископомъ Воронежскимъ (Задонскимъ). Письмо Тихона къ Сатину см. въ приложеніяхъ.

сравниваемо съ значеніемъ ихъ въ настоящее время. Выбирались лица, по большей части, состоятельныя и обезпеченныя и пользовались при этомъ большою самостоятельностью и независимостью отъ губернской администраціи, а также и большимъ ея довѣріемъ. Дворянскіе выборы давали выбраннымъ почетное значеніе. Къ сожалѣнію, значеніе дворянскихъ выборовъ впослѣдствіи стало падать, энтузіазмъ возбужденный жалованной грамотой потухъ и выборы потеряли то значеніе, которое имѣли прежде. За свою службу по выборамъ Николай Θеодоровичъ, какъ сказано въ послужномъ спискѣ его, «по личному Его Императорскаго Величества повелѣнію награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора», въ 1802 году. Въ 1803 году онъ скончался 36-ти лѣтъ, оставивъ вдову и малолѣтнихъ дѣтей: Егора, родившагося въ 1791 году, Ивана, родившагося въ 1794 году, Григорія, родившагося въ 1797 году, и дочь Прасковью, родившуюся въ 1793 году. Надъ малолѣтними назначены были опекунами мать ихъ и Иванъ Ивановичъ Федцовъ. Воспитаніе дѣтей было поручено французскому эмигранту г. Шамно.

Николай Θеодоровичъ, по выходѣ въ отставку изъ военной службы, значительно увеличилъ свое состояніе, купивъ у своего двоюроднаго брата штабъ-ротмистра Василія Герасимовича Рахманинова и двоюродной сестры Вѣры Герасимовны, дѣтей Герасима Іевлича Рахманинова, части ихъ въ селеніяхъ Казинкѣ и Яркѣ. По смерти мужа, Евпраксія Ивановна купила также части у двоюродныхъ сестеръ своего мужа Анны Герасимовны Шишковой и Любовь Герасимовны Соколовой. Иванъ Герасимовичъ, извѣстный поклонникъ Вольтера, не продалъ своей части при селеніи Казинкѣ, а жилъ тамъ, по выѣздѣ изъ Петербурга, самъ, завелъ свою типографію, умеръ и похороненъ вмѣстѣ со своею женою Александрой Степановной при Казанской церкви. Николай Θеодоровичъ купилъ также земли отъ другихъ владѣльцевъ въ Алексинскомъ стану, Козловскаго уѣзда, въ селеніи Яркѣ, въ селеніи Миляевы Подворки, въ селеніяхъ Усть-Волчкѣ, Матырѣ и др.

Варвара (Евпраксія) Ивановна, оставшись послѣ смерти мужа довольно молодою вдовою, прожила въ Казинкѣ еще около 22 лѣтъ (умерла въ 1825 году). Она вела роскошный образъ жизни въ своемъ громадномъ домѣ (нынѣ уже не существующемъ), стоявшемъ на большой дорогѣ между Козловомъ и Липецкомъ. Къ ней постоянно съѣзжалось

большое количество гостей, домъ ея наполненъ былъ родными, близкими и дальними, разными приживалками и многочисленною дворнею. Она была въ полномъ смыслѣ слова русскою провинціальною барыней, гостепріимною и хлѣбосольною. Изъ ея постоянныхъ и любимыхъ посѣтителей, между прочимъ, былъ извѣстный Василій Петровичъ Воейковъ, прославившійся впослѣдствіи своимъ конскимъ заводомъ. Онъ тогда еще былъ молодымъ человѣкомъ, отличавшимся своею необыкновенною силою, удалью и проказами: напр., онъ въѣзжалъ на бѣломъ конѣ въ огромную залу дома Варвары Ивановны, что очень ей нравилось; проказы Воейкова иногда переходили мѣру и были-бы предосудительны для теперешняго времени, хотя и свойственны тому времени, все прощалось красивому, веселому, удалому молодому человѣку. Постояннымъ посѣтителемъ былъ также князь Волконскій, богатый землевладѣлецъ Козловскаго уѣзда, пріѣзжавшій охотиться въ лѣса Варвары Ивановны, расположенные по рѣкѣ Воронежу. Одинъ изъ его сыновей надѣлалъ много долговъ въ Петербургѣ; другой сынъ, по благородству, заплатилъ долги брата, но самъ впалъ въ бѣдность и потомъ поступилъ въ монастырь на Аѳонѣ; такимъ образомъ, прекратилось существованіе богатаго и знатнаго семейства, а имѣнія перешли въ другія руки. Говорятъ, что сестра сыновей князя Волконскаго пріѣхала въ бывшее имѣніе своего отца, просила ввести ее въ домъ и когда вошла, залилась горькими слезами. Частыми посѣтителями Варвары Ивановны также были братья Петръ Семеновичъ и Дмитрій Семеновичъ, сыновья очень богатаго сосѣдняго помѣщика Семена Саввича Муравьева, имѣвшаго громадный домъ съ прекрасными видами на рѣку Воронежъ, теперь не существующій. Петръ Семеновичъ былъ важный генералъ, служившій при Императрицѣ Екатеринѣ и при Императорѣ Павлѣ. Говорили, что онъ былъ въ числѣ тѣлохранителей Императора, но не задолго до кончины его былъ злонамѣренно оклеветанъ въ его глазахъ, удаленъ отъ двора и долженъ былъ поселиться въ деревнѣ. Дмитрій Семеновичъ, отставной гвардеецъ, былъ нѣсколько смѣшная личность, по крайней мѣрѣ, въ старости: онъ былъ крайне самолюбивъ, гордъ по виду, и, не смотря на то, что былъ не очень красивъ лицемъ, то и дѣло смотрѣлся въ зеркало. Въ платьѣ онъ придерживался покроя временъ французской революціи и носилъ широкій галстухъ, который закрывалъ его подбородокъ.

Страсть Варвары Ивановны къ роскошной жизни особенно проявилась при женитьбѣ старшаго ея сына Егора Николаевича на Маріи Николаевнѣ Федцовой, дочери мѣстнаго помѣщика Николая Александровича, котораго огромный домъ на возвышенномъ берегу рѣки Матыры въ селеніи Мордовка, въ прелестной мѣстности, теперь уже не существуетъ. Вѣнчаніе совершалось въ церкви близь села Мордовки, верстахъ въ 40 или 50-ти отъ Казинки, въ которой жила Варвара Ивановна съ дѣтьми. Послѣ свадьбы молодые должны были ѣхать въ домъ къ Варварѣ Ивановнѣ со всѣми гостями, и на всемъ протяженіи пути горѣли смоляныя бочки для освѣщенія пути и торжества. Въ заключеніе данъ былъ фейерверкъ, отъ котораго загорѣлись службы и едва не погибъ домъ владѣлицы. Для празднованія этой свадьбы Варвара Ивановна пожертвовала цѣлымъ имѣніемъ въ Рязанской губерніи.

Варвара Ивановна, подобно своей матери, была очень богомольна и часто посѣщала Воронежскій, Задонскій и другіе монастыри. При этихъ посѣщеніяхъ ее сопровождали чуть не цѣлые обозы съ прислугою, кухнею и провизіею для себя и для монастырской братіи. Письма свои къ дѣтямъ она всегда начинала призываніемъ на нихъ благословенія Св. Тройцы, Пресвятой Матери Божьей и всѣхъ святыхъ.

Егоръ Николаевичъ номинально служилъ въ статской службѣ и умеръ бездѣтнымъ, не достигнувъ старости. Жена его, а потомъ вдова, отличалась крайнею религіозностью, свой домъ наполнила безчисленнымъ множествомъ образовъ и проводила время въ молитвахъ и посѣщеніяхъ монастырей въ Кіевѣ, Воронежѣ, Задонскѣ и др. Умерла въ преклонныхъ лѣтахъ.

Иванъ Николаевичъ и Григорій Николаевичъ были отвезены въ Петербургъ и помѣщены во 2-ой кадетскій корпусъ. Иванъ Николаевичъ въ 1812-мъ году 18-ти лѣтъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ Кременчугскій полкъ и съ русскою арміей сдѣлалъ походы въ Силезію, Саксонію и Богемію, участвуя въ разныхъ сраженіяхъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію онъ снова долженъ былъ вмѣстѣ съ Кременчугскимъ полкомъ отправиться за границу и доходилъ до Баваріи. Въ 1816 году онъ былъ переведенъ въ Московскій драгунскій полкъ, изъ котораго въ слѣдующемъ году просилъ снова о переводѣ его въ свой старый Кременчугскій полкъ.

Стоя съ полкомъ въ Кременчугѣ, онъ встрѣтился съ дѣвицею Софьею Ивановной Гохфельдтъ, дочерью коллежскаго совѣтника доктора Ивана Ивановича Гохфельдта, находившеюся послѣ смерти сперва матери, потомъ отца, подъ опекою генералъ-маіора Карла Борисовича Гельфрейхта и коллежскаго ассесора Александра Семеновича Пищевича.

И. И. Гохфельдтъ, какъ видно изъ оставшихся послѣ него бумагъ, былъ начальникомъ караитиновъ Таврической губерніи и имѣлъ помѣстье въ Крыму близъ Симферополя. Въ концѣ семидесятыхъ, или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія онъ, будучи не молодымъ, женился на Маріи Григорьевнѣ Бунге. Марія Григорьевна принадлежала къ тому семейству Бунге, которое дало значительное количество профессоровъ для университетовъ. У Маріи Григорьевны были братья: Яковъ, постоянно жившій въ Крыму, Григорій, Андрей, Христіанъ и Христофоръ. Младшій изъ нихъ, Христофоръ Григорьевичъ, былъ профессоромъ сперва Московской Медико-Хирургической Академіи, а потомъ, по закрытіи Академіи, профессоромъ Медицинскаго факультета Московскаго университета; Христіанъ Григорьевичъ имѣлъ сына Николая Христіановича, профессора политической экономіи и статистики Кіевскаго университета (нынѣ Предсѣдатель Комитета Министровъ), и внука Николая Андреевича Бунге, профессора Кіевскаго университета по предмету химіи; Андрей Христіановичъ имѣлъ двухъ сыновей, профессоровъ Дерптскаго университета: Фридриха—юриста и Александра—ботаника; Александръ Андреевичъ имѣлъ сына Густава, нынѣ профессора Базелскаго университета по предмету физіологической Химіи, и Куно, извѣстнаго путешественника и зоолога. Родной внукъ Маріи Григорьевны Гохфельтъ, урожденной Бунге, И. И. Рахманиновъ—профессоръ Кіевскаго университета по предмету прикладной математики. Отъ Маріи Григорьевны И. И. Гохфельдъ имѣлъ сына Самуила и дочь Юлію, вышедшую замужъ за полковника Леонтія Трейденъ, впослѣдствіи генерала. Отъ этого брака произошелъ Владиміръ Трейденъ, котораго потомство все вымерло. По окончательномъ завоеваніи Крыма, тамъ составилось очень образованное общество изъ нѣкоторыхъ членовъ нѣмецкихъ семействъ Стевена, Мюльгаузена, Я. Г. Бунге, Гохфельдта и др.; къ нимъ примыкалъ и знаменитый ученый Палласъ. Гохфельдтъ имѣлъ обширную библіотеку, состоявшую изъ книгъ

медицинскаго содержанія и лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и прозаиковъ конца прошлаго столѣтія. Замѣчательно, что И. И. Гохфельдтъ и его жена, будучи лютеранами, крестили своихъ дѣтей у православнаго священника: Гохфельдъ говорилъ, что его дѣтямъ придется жить въ Россіи, а потому онъ не хочетъ поставить ихъ въ противорѣчіе съ народомъ, среди котораго имъ придется проводить жизнь.

Въ 1801 году, по болѣзни и по старости, И. И. Гохфельдтъ вышелъ въ отставку и получилъ пенсію по представленію Новороссійскаго генералъ-губернатора Михельсона. Въ это время родилась у него дочь Софья, почти въ то же время, какъ у старшей дочери его родился сынъ Владиміръ, такъ что тетка и племянникъ были одних лѣтъ. Жена И. И. Гохфельдта даже стыдилась своей поздней беременности. Въ концѣ своей жизни И. И. Гохфельдтъ продалъ свое имѣніе въ Крыму и переселился въ Кременчугъ. Старшая дочь Гохфельда умерла, умерла и жена, и больной слабый старикъ остался на попеченіи своей младшей дочери Софьи, которая до конца добросовѣстно исполняла свой долгъ. Въ 1817 году, передъ своей смертью, Иванъ Ивановичъ составилъ духовное завѣщаніе въ пользу своей дочери Софіи, обязавъ ее уплатить извѣстную сумму брату ея Самуилу. Старикъ, умирая, сказалъ своей дочери: «будь добродѣтельна, какъ ты теперь, и ты будешь счастлива въ своей жизни». Дочь исполнила завѣтъ своего отца.

Иванъ Николаевичъ Рахманиновъ, какъ сказано выше, встрѣтилъ Софью Ивановну въ Кременчугѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. По взаимной склонности, онъ женился на ней, и у нихъ въ Кременчугѣ родилась дочь Варвара. Вскорѣ послѣ женитьбы, Иванъ Николаевичъ, по обыкновенію, вышелъ въ отставку, и съ женою и дочерью переселился въ Казинку, къ своей матери. Обыкновенно сыновья провинціальныхъ помѣщиковъ поступали въ военную službу, потомъ женились на дочеряхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и, женившись, выходили въ отставку, поселялись въ родовыхъ помѣстьяхъ. Къ удивленію своихъ родныхъ, И. И. женился на нѣмкѣ, хотя и православной. Когда Софья Ивановна пріѣхала въ домъ своей свекрови, то была принята очень добро, привѣтливо, но всѣ окружающіе относились къ ней какъ-то сдержанно, странно, какъ къ чужой; ей съ своей стороны были чужды обычаи провинціальнаго дворянства, и она терялась среди многочисленныхъ тетушекъ и сестрицъ

двоюродныхъ, троюродныхъ и внучатныхъ, среди многолюдныхъ приживалокъ и дворовыхъ, льстивыхъ и раболѣпныхъ передъ господами. Она привезла съ собою большую библіотеку, состоявшую изъ нѣмецкихъ книгъ, сочиненій лучшихъ прозаиковъ и поэтовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, но окружающіе были знакомы только съ языкомъ французскимъ, тогда общеупотребительнымъ. Изъ русскихъ сочинителей для нея былъ любимымъ Карамзинъ, что отчасти характеризуетъ ея воспитаніе и направленіе. Лучшія ея воспоминанія относились къ Крыму, гдѣ протекла ея юность; она восхищалась роскошною растительностію Крыма, его садами, прелестными видами и патріархальною простотою нравовъ его обитателей — татаръ, ихъ честностію и добросовѣстностію.

Неловкое положеніе Софьи Ивановны въ семействѣ свекрови продолжалось, однако, не долго. Варвара Ивановна и Иванъ Николаевичъ съ женою приглашены были на обѣдъ къ мѣстному предводителю дворянства Ознобишину; во время обѣда Ознобишинъ обратился къ Софьѣ Ивановнѣ съ просьбою—сказать ему ея дѣвичью фамилію и когда она сказала, что она дочь И. И. Гохфельдта, то Ознобишинъ сейчасъ же прервалъ ее, сказавъ, что И. И. Гохфельдтъ былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ южной арміи. Варвара Ивановна была несказанно рада, что сынъ ея не сдѣлалъ какого-либо легкомысленнаго поступка, женившись на нѣмкѣ, и всѣ окружающіе стали относиться къ Софіи Ивановнѣ съ большимъ уваженіемъ и родственно.

По выходѣ въ отставку, Иванъ Николаевичъ, какъ военный и энергическій человѣкъ, былъ избранъ исправникомъ Козловскаго уѣзда, а потомъ посредникомъ при размежеваніи земель между помѣщиками. Онъ былъ отличный и неутомимый хозяинъ: но, несмотря на большіе доходы, получаемые имъ, всегда нуждался въ деньгахъ, которыя шли у него сквозь руки безъ разсчета: онъ позабывалъ считать ихъ, и люди часто находили его деньги оброненными гдѣ-нибудь на гумнѣ или въ домѣ подъ столомъ. Домъ его всегда былъ полонъ гостей. Онъ былъ истый помѣщикъ тогдашняго времени, со всѣми достоинствами и недостатками, порожденными крѣпостнымъ бытомъ. Великодушный отъ природы, гостепріимный, онъ былъ полнымъ господиномъ въ имѣніи и въ семействѣ. Онъ не выносилъ противорѣчій, а

потому любилъ окружать себя людьми, которые повиновались ему безпрекословно.

Онъ вставалъ съ разсвѣтомъ и верхомъ отправлялся въ поле—осматривать не только свои господскія поля, но и крестьянскія, за обработка которыхъ строго досматривалъ. Горе было тому крестьянину, который вспахалъ свое поле небрежно: онъ былъ наказанъ, какъ еслибы вспахалъ небрежно господское поле. Иванъ Николаевичъ требовалъ, чтобы лошади крестьянъ, сохи, бороны и сбруя были въ исправности. Если у мужика околѣвала лошадь, то ему давалась непремѣнно лошадь изъ барскаго двора; но крестьянинъ подвергался наказанію, если по справкамъ оказывалось, что лошадь пала отъ небрежнаго обращенія съ нею. Такое строгое наблюденіе за хозяйствомъ крестьянъ было прямымъ расчетомъ барина: крестьяне, небрежно обращавшіеся со скотомъ и плохо вспахавшіе свои поля, по необходимости, садились на продовольствіе господина и не могли съ успѣхомъ на него работать. Крестьянинъ, оказавшійся безнадежнымъ въ самостоятельномъ управленіи своимъ хозяйствомъ, брался въ господскій дворъ и становился дворовымъ рабочимъ. Многолюдныя семьи крестьянъ жили довольно богато; были такія семьи, у которыхъ было по 10 и даже болѣе лошадей. Позволеніе на раздѣлъ давалось господиномъ очень трудно и то только тогда, когда умиралъ глава семейства, стремившійся, по русскому обычаю, держать все семейство въ сборѣ и въ строгости, хотя бы его сыновья были уже взрослыми и женатыми. Въ числѣ крестьянъ Ивана Николаевича было, напр., многолюдное крестьянское семейство Митрохиныхъ, которое имѣло большое количество лошадей и которое держалось слѣпою старухою, не допускавшею дѣлежа. Старуха была такою авторитетною, что не стѣснялась говорить въ глаза правду и самому грозному господину. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, богатая когда то семья распалась на много отдѣльныхъ семействъ, которыя обѣднѣли такъ, что считаются почти самыми бѣдными въ селеніи Казинкѣ. Если положеніе крестьянъ было болѣе или менѣе сносно, то положеніе старосты или, какъ тогда говорили, бурмистра было очень тяжело: онъ являлся отвѣтственнымъ передъ помѣщикомъ за неисполненіе крестьянами работъ надлежащимъ образомъ.

Иванъ Николаевичъ долженъ былъ въ 1820 годахъ вести дѣла по размежеванію помѣщиковъ съ однодворцами (государственными крестьянами) по дачамъ села Казинки и смежныхъ селъ для уничтоженія черезполосности. Какъ были запутаны подобныя дѣла вслѣдствіе черезполосности и какъ разнообразны были рѣшенія разныхъ инстанцій, въ которыхъ производились дѣла, видно изъ слѣдующей оффиціальной справки. Рѣшеніемъ Уѣзднаго Суда въ 1826 году присуждено помѣщикамъ 4418 дес., однодворцамъ 3830 дес.: Гражданская палата въ 1828 году присудила помѣщикамъ 3865 дес., однодворцамъ 4366 дес.; Казенная Палата въ 1829 году дала заключеніе, что помѣщикамъ должно принадлежать 4914 дес. Наконецъ, Министръ Финансовъ положилъ оставить во владѣніи однодворцовъ 3756 дес. а остальную землю призналъ принадлежащею помѣщикамъ. Всѣ эти цифры разны, ни одна не сходится съ другою, а между тѣмъ онѣ выведены изъ однихъ и тѣхъ же документовъ. Отсюда можно видѣть, сколько тогда зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія лицъ рѣшающихъ.

Въ концѣ жизни Иванъ Николаевичъ сдѣлался очень религіознымъ, построилъ. съ малою помощью прихожанъ и нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ. которыхъ предки были похоронены при церкви села Казинки, церковь въ селеніи Казинкѣ вмѣсто прежней ветхой и запечатанной по распоряженію духовнаго начальства. Онъ же былъ въ новой. построенной имъ, церкви церковнымъ старостою.

И. Н. имѣлъ много земли въ сравненіи съ малымъ количествомъ крестьянъ. а потому производилъ обработку земли и уборку хлѣбовъ большею частью наймомъ рабочихъ изъ сосѣднихъ однодворческихъ селъ: онъ любилъ при этомъ, чтобы работы шли быстро и не жалѣлъ денегъ на наемъ. Во время уборки хлѣбовъ, дворъ его наполнялся пришлымъ людомъ, въ разныхъ мѣстахъ его усадьбы пылали костры для приготовленія пищи, которая давалась рабочимъ въ изобиліи. Часто это вело къ комическимъ сценамъ: рабочіе разсчитывая на снисхожденіе барина, требовали себѣ яблокъ и ягодъ изъ сада. и завѣдующая домашними припасами ключница должна была съ бранью отбиваться отъ нихъ, а рабочіе угрожали ей, что пойдутъ жаловаться барину.

Такого рода веденіе хозяйства наилучше приготовило Ивана Николаевича къ тому положенію, которое должно было образоваться послѣ

уничтоженія крѣпостного права и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, при его умѣ и находчивости, легко свыкся-бы съ новымъ положеніемъ дѣлъ: но старикъ не могъ переломить себя, онъ не могъ вынести мысли, что ему въ его собственномъ имѣніи могъ кто-нибудь противорѣчить. Онъ собирался выѣхать изъ имѣнія и нанялъ дорогого управляющаго, который могъ-бы вести хозяйство самостоятельно. Но Ивану Николаевичу не было суждено увидѣть уничтоженія крѣпостнаго права: онъ умеръ 18 февраля 1861 года, наканунѣ объявленія манифеста 19 февраля. Послѣ его смерти, жена его Софья Ивановна такъ характеризовала его: «Онъ былъ подобенъ прекрасному саду, заросшему сорными травами». Сорныя травы выросли на почвѣ крѣпостнаго права и провинціальной жизни.

Иванъ Николаевичъ имѣлъ дочь Варвару и трехъ сыновей: Николая, Федора и Ивана. Варвара Ивановна вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Усманскаго уѣзда Н. Н. Терпигорова, отъ котораго имѣла слѣдующихъ дѣтей: Сергѣя (извѣстнаго въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Сергѣя Атавы), Алексѣя (служившаго сперва въ военной службѣ, потомъ по таможенному вѣдомству, нынѣ умершаго); Владиміра (служившаго по удѣльному вѣдомству), дочерей—Варвару, вышедшую за профессора Кіев. Университета М. П. Авенаріуса, Наталью, вышедшую замужъ за профессора Кіев. Универ. Н. В. Бобрецкаго, и Александру.

Въ прежнее время сыновья состоятельныхъ помѣщиковъ получали воспитаніе дома и поступали потомъ юнкерами въ полки, если не попадали въ кадетскіе корпуса: имѣвшіе особые права (записанные въ 6-ю книгу. книгу древнихъ дворянскихъ родовъ) и притомъ богатые помѣщики отдавали своихъ дѣтей въ Царскосельскій лицей, откуда молодые люди выходили въ Министерство Юстиціи или въ Сенатъ и оставались уже въ Петербургѣ. Въ рѣдкихъ очень случаяхъ, по необходимости, отдавали въ гимназіи, такъ какъ только военная служба пользовалась почетомъ, статская же служба въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ не пользовалась никакимъ почетомъ, чтобы не сказать больше; пользовались почетомъ только должности, замѣщаемыя по дворянскимъ выборамъ. Родной дядя Софьи Ивановны профессоръ Москов. Унив. Христофоръ Григорьевичъ Бунге убѣдилъ Ивана Нико-

лаевича отдать его сыновей въ благородный пансіонъ при 1 Московской гимназіи, которая считалась тогда лучшею въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого всѣ три сына отданы были въ эту гимназію и, не смотря на разность лѣтъ, были приняты въ одинъ и тотъ-же второй классъ.

Николай Ивановичъ, не помирясь съ трудностью изученія древнихъ языковъ и имѣя склонность къ военной службѣ, оставилъ гимназію, не окончивъ курса. Обыкновенно поступленіе молодыхъ дворянъ, не попавшихъ въ кадетскіе корпуса, въ полкъ дѣлалось такимъ образомъ. Такъ какъ всѣ почти дворяне служили въ военной службѣ, то находился всегда какой либо сосѣдъ, который не вышелъ еще въ отставку и продолжалъ дѣйствительную службу въ полку. По просьбѣ родителей онъ бралъ молодого человѣка съ собою и опредѣлялъ его юнкеромъ въ свой полкъ. Такъ и Николая Ивановича опредѣлилъ въ 1840-мъ году юнкеромъ въ Бугскій уланскій полкъ В. Н. Еропкинъ, богатый помѣщикъ Рязанской губерніи, часто ѣздившій за покупкой лошадей для полка къ Ивану Николаевичу, имѣвшему большой конскій заводъ. Для производства въ офицеры нужно было сдать экзаменъ въ самомъ полку: экзаменаторами обыкновенно были офицеры, поступившіе въ полкъ подобнымъ же образомъ; предсѣдательствовалъ на экзаменѣ какой-либо полковникъ или генералъ, позабывшій всѣ науки, кромѣ военной дисциплины и команды, а потому нельзя было признавать подобные экзамены очень уже строгими въ научномъ отношеніи. Николай Ивановичъ успѣшно окончилъ свое испытаніе, притомъ онъ отлично ѣздилъ верхомъ, а потому его черезъ годъ съ небольшимъ по поступленіи въ полкъ, произвели въ корнеты. Въ 1846-мъ году произведенный въ поручики, онъ былъ опредѣленъ помощникомъ ремонтера. Въ войну противъ «мятежныхъ венгерцевъ», какъ сказано въ послужномъ спискѣ, Николай Ивановичъ съ Бугскимъ уланскимъ полкомъ отправился черезъ княжество Валахію въ Австрійскую имперію, а именно въ Трансильванію, участвовалъ въ сраженіяхъ противъ арріергарда венгерскихъ войскъ и потомъ въ преслѣдованіи этого арріергарда, сперва подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса, а потомъ подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала графа Каламъ-Галласа. Судя по послужному списку Николая Ивановича, сраженія и стычки были чуть не ежедневныя. Въ 1854 году Н. Ив. участвовалъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ въ компаніи

противъ турокъ въ Молдавіи и Валахіи сперва въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Липранди, а потомъ генералъ-лейтенанта Соймонова.

Вскорѣ послѣ окончанія турецкой войны, Н. И. вышелъ въ отставку штабъ-ротмистромъ съ очень разстроеннымъ здоровьемъ. Пролечившись довольно долгое время, онъ потомъ поселился въ доставшемся послѣ смерти отца имѣніи близь большого и торговаго села Новое Гаритово (Миляевы Подворки), населеннаго однодворцами, изъ которыхъ многіе молокане. Н. И. пріобрѣлъ такое вліяніе среди крестьянъ этого села, что судилъ и рядилъ ихъ, каралъ и наказывалъ по своему усмотрѣнію, хотя не имѣлъ на то никакого юридическаго права. Въ 1887 году онъ умеръ, не оставивъ потомства.

По выходѣ изъ гимназіи Николая Ивановича, братья его Федоръ и Иванъ продолжали въ ней свое ученіе.

Устройство гимназій сороковыхъ годовъ во многомъ отличалось отъ устройства современныхъ гимназій. Всѣхъ классовъ было только семь. Пансіоновъ въ 1-ой Московской гимназіи было два: пансіонъ благородныхъ и пансіонъ разночинцевъ. Въ первомъ изъ этихъ пансіоновъ плата была больше и содержаніе лучше, чѣмъ во второмъ. Въ пансіонѣ благородныхъ для упражденія въ иностранныхъ языкахъ надзирателями (гувернерами) были французы и нѣмцы, дежурившіе черезъ день; въ пансіонѣ разночинцевъ—русскіе. Впрочемъ, нѣмцы и французы, дежурившіе въ пансіонѣ благородныхъ, приносили мало пользы: ученики разговаривали между собою постоянно по русски. Иностранные надзиратели подвергались часто насмѣшкамъ учениковъ и многіе изъ нихъ были дѣйствительно смѣшны. Одинъ французъ М. былъ въ 12-омъ году раненъ казакомъ пикою нѣсколько ниже спины: воспитанники знали объ этомъ и шалуны обращались къ нему съ вопросами: въ какомъ сраженіи онъ былъ раненъ и какимъ образомъ. Другой французскій надзиратель имѣлъ привычку складывать руки на груди и гимназисты выжили его изъ заведенія, крича ему безпрестанно: Наполеонъ, Наполеонъ! Одинъ изъ надзирателей нѣмцевъ служилъ прежде въ какой-то нѣмецкой арміи: шалуны спрашивали его,—не служилъ онъ въ арміи солдатомъ; но онъ всегда сердито отвѣчалъ, что онъ унтеръ-офицеръ. Были, впрочемъ, и очень хорошіе, умные надзиратели, которыхъ воспитанники любили и уважали.

Въ сороковыхъ годахъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ извѣстный графъ Строгановъ, стремившійся поставить гимназіи и университетъ на очень высокій уровень. Учителя гимназій были большею частію хорошо подготовлены и добросовѣстно исполняли свои обязанности, но изрѣдка попадались замѣчательные чудаки. Преподаватель исторіи въ 1-ой гимназіи З., нѣмецкаго происхожденія, превосходилъ всѣхъ своимъ чудачествомъ. Онъ не позволялъ ученикамъ держать книги на столахъ, вѣроятно, для того, чтобы уроки приготовлялись заранѣе; онъ стремительно съ каѳедры бросался къ ученику, который читалъ что-либо подъ столомъ, выхватывалъ книгу и съ торжествомъ клалъ ее на каѳедру; къ концу класса на каѳедрѣ оказывалась цѣлая куча книгъ самаго разнообразнаго содержанія. Онъ совѣтывалъ ученикамъ запоминать трудныя названія сравненіемъ съ какими-нибудь русскими словами: Массагеты, напр., онъ совѣтовалъ запоминать словомъ мясоѣдъ. Онъ имѣлъ всегда съ собою какую-то маленькую книжку, по которой часто спрашивалъ учениковъ о томъ, чего не было въ общепринятомъ тогда руководствѣ Кайданова; когда ученики не могли отвѣтить на заданный вопросъ и кто нибудь изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія, скажетъ, что этого нѣтъ въ Кайдановѣ, то З. начиналъ пѣть: «чего нѣтъ въ Кайдановѣ, того нѣтъ на свѣтѣ». Когда чудачества З. и его требовательность выводили учениковъ изъ терпѣнія, то они начинали гудѣть продолжительно и громко, не раскрывая ртовъ, потому что опасно было раскрывать рты, чтобы такимъ образомъ не выдать себя; З. тогда кричалъ на учениковъ: у, у, ursi, медвѣди. Разумѣется, при такихъ отношеніяхъ учителя и учениковъ, въ классахъ исторіи исчезала всякая дисциплина. Однажды 5-ый классъ гимназіи такъ расшалился, что З. не могъ продолжать урока; онъ обратился къ ученикамъ и просилъ дать ему возможность говорить; одинъ изъ учениковъ Гулькевичъ, закричалъ ему по-польски: не позвáлямъ. Подобный возгласъ перешелъ мѣру долготерпѣнія начальства. На слѣдующій урокъ исторіи пришелъ инспекторъ гимназіи И. М. Н—овъ, сопровождаемый нѣсколькими ликторами съ розгами; онъ объявилъ классу, что пересѣчетъ всѣхъ; первымъ ученикомъ сидѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ, младшій братъ извѣстныхъ Димитрія и Николая Алексѣевичей Милютиныхъ, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета, имѣвшій большія связи въ Москвѣ; минуя его, инспек-

торъ наказалъ втораго и третьяго учениковъ, по всей вѣроятности, по своему благоправію ни въ чемъ неповинныхъ и удалился изъ класса, не наказавъ и Гулькевича, который имѣлъ тоже связи и родственниковъ въ Москвѣ. Бѣдный З. тоже потерпѣлъ: ему предложили удалиться изъ гимназіи.

Пансіонеры всѣхъ классовъ ходили въ курточкахъ съ небольшимъ мыскомъ сзади. Такъ какъ въ высшихъ классахъ гимназіи были часто очень взрослые, лѣтъ 25-ти и даже болѣе, съ вполнѣ развившимися формами, то для нихъ подобный костюмъ былъ не совсѣмъ подходящимъ. Приходящіе (экстерны) ходили въ классъ на уроки въ форменныхъ сюртукахъ. Классы были до обѣда отъ 9 до 12 и отъ 2 до 5 часовъ- Въ низшихъ классахъ приходящіе учились отдѣльно отъ пансіонеровъ, въ высшихъ классахъ тѣ и другіе учились вмѣстѣ.

Не смотря на нѣкоторыя отрицательныя стороны гимназіи, она имѣла очень много хорошихъ сторонъ. Инспекторъ, который собственно управлялъ гимназіею, очень много обращалъ вниманія на индивидуальность характера и способностей учениковъ. Умный и даровитый инспекторъ гимназіи П. Н. Погорѣльскій, извѣстный составитель гимназическаго курса по математикѣ, очень хорошо различалъ кого можно и должно наказать и для кого строгое наказаніе принесетъ только вредъ и нужно дѣйствовать выговоромъ и убѣжденіемъ. Если ученикъ высшихъ классовъ особенно прилежно и успѣшно занимался какимъ-либо предметомъ, то это очень цѣнилось начальствомъ и учителями: такого ученика непремѣнно переводили въ слѣдующій классъ, хотя бы его знанія были слабы по какому-либо другому предмету. Учителя знали, что такой-то математикъ что такой-то классикъ или отлично пишетъ сочиненія. Умные учителя поощряли спеціальныя занятія, сообразовали съ этимъ свои переводныя отмѣтки и своею излишнею строгостію не губили часто самыхъ даровитыхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ впослѣдствіи выходили самые полезные дѣятели на педагогическомъ поприщѣ.

Преподаваніе греческаго языка начиналось съ 4-го класса и изученіе этого языка не было обязательно для всѣхъ. Въ первыхъ трехъ классахъ уже обозначалось, кто изъ воспитанниковъ способнѣе къ изученію языковъ, кто—къ изученію математики. Оказавшіеся способными къ изученію языковъ древнихъ, слабые притомъ большею частію въ ма-

тематикѣ, избирали себѣ отдѣленіе, въ которомъ преподавался греческій языкъ; способные къ математикѣ отказывались отъ греческаго языка и для нихъ устраивались отдѣльные классы по математикѣ, когда у первыхъ шли уроки греческаго языка.

Число учениковъ на томъ и другомъ отдѣленіи было почти равное. Такое дѣленіе вело къ тому, что греческимъ языкомъ занимались ученики съ большою любовью: они восхищались гармоніею языка и логическимъ его строеніемъ, заучивали наизусть много стиховъ изъ Иліады и Одиссеи и безпрестанно декламировали греческіе гекзаметры. Раза два пріѣзжалъ въ Москву графъ Уваровъ и каждый разъ посѣщалъ 1-ую гимназію; въ 7-омъ, послѣднемъ классѣ, онъ садился на каѳедру, вызывалъ лучшихъ учениковъ по древнимъ языкамъ, заставлялъ ихъ переводить и самъ комментировалъ текстъ; учитель, стоявшій подлѣ него, имѣлъ полную свободу возражать Уварову на его комментарій. Избравшіе себѣ математику, какъ главный предметъ, почитали себя математиками, такъ какъ математика преподавалась имъ подробнѣе и въ большемъ объемѣ; въ 7-омъ классѣ ихъ знакомили съ приложеніемъ алгебры къ геометріи и даже съ началами высшей алгебры. Подобное распредѣленіе преподаванія вело къ тому, что по окончаніи курса всѣ почти пансіонеры гимназіи поступали на философскій факультетъ: учившіеся греческому языку поступали на 1-ое отдѣленіе факультета (нынѣ историко-филологическій факультетъ), учившіеся математикѣ въ большемъ объемѣ—на 2-ое отдѣленіе факультета (нынѣ физико-математическій факультетъ); рѣдко кто шелъ на юридическій и на медицинскій факультеты. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 1-ой Московской гимназіи, которая въ 40-хъ годахъ считалась лучшею и получила, кажется, первою право поступленія ея воспитанниковъ въ университеты безъ повѣрочнаго испытанія.

Ученикамъ не задавали сочиненій на латинскомъ и греческомъ языкахъ, но начиная съ 5-го класса ихъ упражняли въ русскихъ сочиненіяхъ, которыя писались по нѣсколько разъ въ годъ. Въ классахъ учитель подвергалъ эти сочиненія строгому разбору, указывая достоинства и недостатки. Къ 7-му классу ученики успѣвали правильно и послѣдовательно выражать свои мысли и въ сочиненіяхъ учениковъ высшихъ классовъ нельзя было отыскать орѳографическихъ ошибокъ, хотя

ученики не знали суффиксовъ, бифуркацій, и другихъ подобныхъ терминовъ. Руководства были небольшого объема, но за то ученики знали ихъ, знали основательно и не выходили изъ гимназіи утомленными или, какъ говорятъ теперь, переутомленными. Исключеніе составляли только обширный катехизисъ митрополита Филарета и его мало понимаемая церковно-библейская исторія.

Чтобы показать какое направленіе сообщала своимъ ученикамъ 1 гимназія, стоитъ сказать, что младшій изъ Рахманиновыхъ, при выходѣ изъ гимназіи, искренно упрекалъ В. А. Милютина, своего товарища, учившагося прекрасно математикѣ, въ томъ, что онъ *измѣнилъ наукѣ*, такъ какъ Милютинъ поступилъ на юридическій факультетъ, а не на 2 отдѣленіе философскаго факультета.

Федоръ Ивановичъ, второй сынъ Ивана Николаевича, и Иванъ Ивановичъ, младшій его сынъ, по окончаніи курса въ гимназіи въ 1843 году, оба поступили въ Московскій Университетъ: первый—на 1 отдѣленіе философскаго факультета, второй—на 2 отдѣленіе того же факультета. Изъ дворянъ Тамбовской Губерніи, по крайней мѣрѣ изъ дворянъ Козловскаго уѣзда, Рахманиновы, повидимому, были первыми кончившими курсъ въ университетѣ: молодые дворяне ограничивались или домашнимъ воспитаніемъ, послѣ котораго поступали въ юнкера какого-либо полка, или воспитывались въ кадетскихъ корпусахъ и рѣдко въ Царскосельскомъ лицеѣ. Когда сыновья Ивана Николаевича увѣдомили его, что кончили курсъ въ Университетѣ со степенью кандидата, то онъ, человѣкъ военный, не зналъ этого термина и обращался ко всѣмъ своимъ многочисленнымъ сосѣдямъ и знакомымъ, что такое значитъ кандидатъ университета и никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта; только козловскій аптекарь Арнольди объяснилъ ему, что это хорошо.

Федоръ Ивановичъ, во время своего студенчества, прекрасно занимался науками и не забывалъ сильно покутить съ своими товарищами. Онъ участвовалъ во многихъ студенческихъ исторіяхъ, не имѣвшихъ тогда, впрочемъ, ничего общаго съ политикою. Графъ Строгановъ придавалъ очень большое значеніе званію учителя гимназіи: онъ высказывалъ желаніе, чтобы учительскія мѣста въ гимназіяхъ, по крайней мѣрѣ, столичныхъ занимались магистрами университета. Федоръ Ивановичъ

былъ рекомендованъ профессорами, какъ отличный студентъ, для занятія учительскаго мѣста; когда Строгановъ обратился къ инспектору студентовъ Платону Степановичу Нахимову, брату извѣстнаго адмирала Нахимова, относительно поведенія Ѳ. И. Рахманинова, то добрѣйшій и благороднѣйшій Платонъ Степановичъ поспѣшилъ отвѣтить, что Рахманиновъ никогда ни въ чемъ не былъ замѣченъ, превосходнѣйшаго поведенія, хотя передъ самыми почти окончательными экзаменами обѣщалъ засадить Рахманинова въ карцеръ, отдать подъ красную шапку (въ солдаты). Студенты разсказывали безчисленное множество анекдотовъ о Платонѣ Степановичѣ, большею частію, выдуманныхъ, но всѣ любили его за его доброту и честность. Болѣе всего возмущали Нахимова длинные волосы у студентовъ, и тогда непремѣнно являлась угроза красною шапкою, разумѣется, никогда не приводившаяся въ исполненіе. Если съ какимъ-либо студентомъ приключалась бѣда, то онъ являлся къ Нахимову, называя его отцомъ и защитникомъ студентовъ, и добродушный Платонъ Степановичъ употреблялъ всѣ усилія выручить студента изъ бѣды.

Отецъ Ѳеодора Ивановича, по тогдашнимъ дворянскимъ понятіямъ, не согласился на опредѣленіе сына учителемъ гимназіи, и Ѳеодоръ Ивановичъ отправился въ Петербургъ, гдѣ уже служилъ его двоюродный братъ Николай Григорьевичъ Рахманиновъ, жившій вмѣстѣ съ статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта Гавріиломъ Степановичемъ Поповымъ, добрѣйшимъ человѣкомъ и извѣстнымъ всему Петербургу, такъ какъ онъ былъ въ прежнее время секретаремъ и близкимъ человѣкомъ у извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына. Ѳеодора Ивановича опредѣлили сперва въ Петербургскую уголовную палату, а въ 1851 году перевели въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Въ 1858 году онъ былъ назначенъ редакторомъ одного изъ отдѣленій Департамента. Графъ Панинъ, бывшій тогда Министромъ Юстиціи, зналъ лично Ѳеодора Ивановича, цѣнилъ его способности и трудолюбіе; когда цензура переведена была въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и цензорамъ назначено было, по тому времени, большое жалованье (3000 руб), то графъ Панинъ рекомендовалъ Ѳеодора Ивановича тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія Ковалевскому, и Ѳеодоръ Ивановичъ въ 1860 году былъ назначенъ цензоромъ въ Петербургѣ.

Это было самое трудное время для цензоровъ, когда издавался Современникъ и печатались статьи Чернышевскаго. Въ 1862 году Ѳ. И. переведенъ былъ въ Москву съ сохраненіемъ жалованья, которое получалъ въ С.-Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ.

Женившись на Вѣрѣ Димитріевнѣ Головнинои и поселившись въ Москвѣ, Ѳеодоръ Ивановичъ такъ свыкся съ Москвою, въ которой получилъ воспитаніе, такъ полюбилъ ее, что отказался отъ перехода снова въ Петербургъ, гдѣ ему предлагали мѣсто въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати; отказывался и отъ другихъ мѣстъ, которыя ему предлагали по Министерству Юстиціи и по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ его бывшіе начальники и товарищи, знавшіе его трудолюбіе и добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей. Бывшій бурный студентъ превратился въ прекраснаго, чадолюбиваго семьянина и религіознаго человѣка; Ѳеодоръ Ивановичъ самъ училъ своихъ дѣтей, не пропускалъ ни обѣдни, ни всенощной, участвовалъ въ московскихъ религіозныхъ обществахъ: въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія и въ обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, и, подъ конецъ жизни, издалъ двѣ брошюры: «Объясненіе Божественной литургіи» и «Библейскую Хронологію». За свою службу онъ имѣлъ ордена: Владиміра 3 степени, Станислава и Анны 1 ст. Умеръ въ 1881 году, оставивъ трехъ сыновей: Николая, Александра и Петра и трехъ дочерей: Ольгу, Софью и Марію, изъ которыхъ послѣдняя замужемъ за О. П. Бартеньевымъ, сыномъ извѣстнаго издателя «Русскаго Архива».

Николай Ѳеодоровичъ, по окончаніи курса въ Московскомъ Университетѣ по Юридическому факультету, поступилъ въ прокурорскій надзоръ при Московскомъ судебномъ округѣ, а потомъ, купивъ себѣ имѣніе въ Липецкомъ уѣздѣ, принялъ на себя должность земскаго начальника въ этомъ уѣздѣ. Женатъ на Натальѣ Васильевнѣ Римской-Корсаковой. Александръ Ѳеодоровичъ, окончивъ курсъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ въ Петербургѣ, служитъ въ Москвѣ штабъ-ротмистромъ въ Сумскомъ драгунскомъ полку. Петръ Ѳеодоровичъ, младшій сынъ Ѳеодора Ивановича, окончивъ курсъ въ Москвѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая съ золотою медалью, состоитъ студентомъ Юридическаго факультета Московскаго Университета.

Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ, младшій изъ сыновей Ивана Николаевича, по окончаніи въ 1847 г. курса по 2 отдѣленію философскаго факультета со степенью кандидата математическихъ наукъ, приглашенъ былъ профессоромъ Н. Д. Брашманомъ продолжать свои научныя занятія и посвятить себя практической механикѣ. Тогда не было, какъ теперь, стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію: надобно было заниматься на свой страхъ и на свой счетъ. Профессоръ Брашманъ совѣтовалъ отцу Ивана Ивановича отправить его прямо за границу; но наступилъ 48 годъ, выѣздъ за границу былъ затрудненъ, почти запрещенъ, и молодой Рахманиновъ принужденъ былъ остаться въ Москвѣ и приготовляться къ магистерскому испытанію по прикладной математикѣ, изучать практическую механику вполнѣ самостоятельно по книгамъ, безъ всякаго посторонняго руководства. Преподаваніе практической механики А. С. Ершовымъ въ Московскомъ университетѣ началось нѣсколько позднѣе, уже по выходѣ Рахманинова изъ университета; а самъ профессоръ Брашманъ не былъ знакомъ съ практическою механикою и ограничивался преподаваніемъ теоретической механики. Такое изученіе практической механики, предмета совершенно новаго для Рахманинова, представляло большія трудности, такъ какъ на русскомъ языкѣ былъ почти только одинъ курсъ практической механики Ястржембскаго, а для чтенія иностранныхъ спеціальныхъ сочиненій не было ни одного техническаго словаря.

Иванъ Николаевичъ, видя усидчивыя научныя занятія своего сына, часто говаривалъ: «и въ кого это онъ пошелъ? Въ нашемъ роду никогда не было профессоровъ; вѣроятно, онъ пошелъ въ родъ Бунге». Иванъ Николаевичъ хорошо былъ знакомъ въ Москвѣ съ профессоромъ Христофоромъ Григорьевичемъ Бунге, роднымъ дядею своей жены. Какъ вообще смотрѣли тогда въ провинціальной глуши на ученыя занятія, можетъ пояснить слѣдующій достовѣрный анекдотъ. Однажды Иванъ Ивановичъ встрѣтилъ сосѣда своего отца Н. П. М—ва, богатаго помѣщика, принадлежавшаго къ хорошей дворянской фамиліи, по тогдашнему времени, хорошо образованнаго; М—въ спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать по окончаніи курса; когда Рахманиновъ отвѣтилъ, что желаетъ продолжать учиться и держать экзаменъ на степень магистра, то М—въ серьезно сказалъ ему буквально слѣдующее: «Ты все пустяки говоришь,

мой милый другъ; ты уже большой и съ тобою можно говорить откровенно: это маленькимъ дѣтямъ говорятъ, чтобы они учились, потому что они шалятъ; надобно поступить въ полкъ, послужить, а потомъ — жениться». Въ этихъ словахъ выразилась вся житейская философія тогдашняго провинціальнаго, помѣстнаго дворянства, еще не подвергшагося оскудѣнію и проживавшаго въ своихъ наслѣдственныхъ деревняхъ [1]).

Не такъ смотрѣло интеллигентное общество, проживавшее въ Москвѣ и близкое къ университету и его дѣятелямъ. Лучшіе и богатые московскіе дворяне тогдашняго времени жили въ тѣсномъ единеніи съ университетомъ; ихъ дѣти воспитывались часто дома, подъ наблюденіемъ профессоровъ, и поступали въ университетъ по экзамену, преимущественно, на юридическій факультетъ, иногда на 2 отдѣленіе философскаго факультета. Нѣкоторые молодые люди изъ аристократическаго московскаго общества, по окончаніи курса въ университетѣ, продолжали заниматься наукою и искали высшихъ ученыхъ степеней, вовсе не имѣя въ виду полученія каѳедры; таковы, напримѣръ, Ѳ. Самаринъ, Новиковъ (впослѣдствіи посланникъ въ Вѣнѣ), К. Аксаковъ. Публичныя

---

[1]) Восточныя и юго-восточныя губерніи не были тогда соединены съ Москвою ни желѣзными дорогами, ни даже шоссе. Когда изъ Рязани былъ проведенъ шоссейный путь въ Москву, то рязанцы говорили, что они впервые увидѣли свѣтъ. Когда кто-либо изъ помѣщиковъ отдаленныхъ губерній отправлялся въ Москву, то это было чуть ли не событіемъ: служили напутственный молебенъ и т. п. Ѣздили въ Москву, по большей части, на своихъ лошадяхъ, или же на такъ называемыхъ долгихъ, останавливаясь на постоялыхъ дворахъ. Одни только крестьяне знали хорошо дорогу; въ Москву почти ежегодно отправлялись они туда длинными обозами съ хлѣбомъ и привозили оттуда золото такъ называемыми лобанчиками, и староста (бурмистръ) высыпалъ ихъ изъ кожаннаго мѣшка на столъ помѣщика. Помѣщики ѣздили въ Москву, преимущественно, только тогда, когда имѣли дѣло въ Сенатѣ, когда отвозили дѣтей въ учебныя заведенія (преимущественно, въ корпусы) или когда надобно было добыть для дѣтей гувернера или гувернантку съ чистѣйшимъ французскимъ произношеніемъ. Гувернеры и гувернантки ставили непремѣннымъ условіемъ — возвратиться въ Москву на счетъ нанимателей. При ихъ наймѣ часто происходили замѣчательные курьезы: одинъ гувернеръ, нанятый за хорошее французское произношеніе, напившись пьянымъ, началъ потѣшать гостей своего патрона фокусами и, отрезвившись, долженъ былъ признаться, что служилъ гдѣ-то фокусникомъ; одна француженка-гувернантка стала во время добраго мороза, среди зимы, къ ужасу всѣхъ домашнихъ, растворять окна, и ее сочли сумасшедшею; она же, съ своей стороны, приняла хозяина дома за Робеспьера; впослѣдствіи оказалось что она, дѣйствительно, помѣшалась: приходилось снова отправляться въ Москву за гувернеромъ или гувернанткой....

лекціи Грановскаго, Шевырева, Рулье привлекали въ университетъ все московское аристократическое общество; послѣ прочитанной лекціи часто завязывался споръ между западниками и славянофилами. Графъ С. Г. Строгановъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, самъ аристократъ и богачъ, отлично образованный, въ процвѣтаніи Московскаго Университета видѣлъ свою честь и славу [1]). Въ его управленіе Московскій университетъ жилъ полною жизнью въ тѣсной связи съ аристократическимъ и интеллигентнымъ обществомъ Москвы, будучи ея умственнымъ центромъ. Молодые люди, замѣченные по своимъ научнымъ занятіямъ, были рекомендуемы профессорами лично графу Строганову, который не упускалъ ихъ потомъ изъ виду и часто способствовалъ имъ въ научныхъ занятіяхъ. Въ числѣ рекомендованныхъ графу Строганову лицъ былъ и молодой Рахманиновъ.

По выдержаніи экзамена на степень магистра и послѣ публичной защиты диссертаціи подъ заглавіемъ: «*Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ*», 19 ноября 1852 года, Рахманиновъ утвержденъ былъ въ степени магистра математическихъ наукъ. Объ этомъ сочиненіи П. Л. Чебышевъ далъ самый лестный отчетъ Академіи Наукъ [2]). Каѳедры теоретической и практической механики въ Московскомъ университетѣ были заняты. Рахманиновъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ рекомендованъ графу Киселеву, тогдашнему министру государственныхъ имуществъ. Графъ Киселевъ предложилъ Рахманинову чрезъ бывшаго въ то время директоромъ департамента сельскаго хозяйства А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго мѣсто помощника инспектора классовъ въ Лѣсномъ институтѣ, для полученія жалованья, а заниматься Рахманиновъ долженъ былъ въ Ученомъ Комитетѣ Министерства. Предлагая мѣсто, Заблоцкій-Десятовскій сказалъ приблизительно слѣдующее: «мы не можемъ Васъ сдѣлать членомъ ученаго комитета, потому что въ немъ засѣдаютъ лица заслуженныя, съ генеральскимъ чиномъ, а вы очень еще молоды и вовсе еще не были на службѣ». Хотя опредѣленіе Рахманинова на службу еще не состо-

---

[1]) Говорили, что графъ Строгановъ требовалъ отъ своихъ сыновей, чтобы они непремѣнно окончили курсъ въ Московскомъ университетѣ, а потомъ только могли произвольно избрать себѣ родъ службы.

[2]) Присужденіе Демидовскихъ премій, 1853.

ялось, къ нему начали присылать разные проэкты на разсмотрѣніе. Въ это же самое время одинъ изъ университетскихъ товарищей Рахманинова указалъ ему публикацію въ газетахъ о вызовѣ желающихъ занять вакантную каѳедру прикладной математики въ Кіевскомъ университетѣ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ предложилъ Рахманинову прочесть пробную лекцію въ Петербургскомъ университетѣ. Тотчасъ послѣ лекціи ректоръ университета Плетневъ, профессоры Чебышевъ, Сомовъ, Савичъ и др. поздравили Рахманинова съ вполнѣ успѣшнымъ окончаніемъ испытанія, и ректоръ донесъ Министру, что лекція Рахманинова признана *вполнѣ* удовлетворительною. Имѣя, такимъ образомъ, два мѣста на выборъ и, не зная, на что рѣшиться, Рахманиновъ отправился за совѣтомъ къ А. П. Заблоцкому-Десятовскому, который относился къ нему очень доброжелательно. А. П. Заблоцкій-Десятовскій высказалъ Рахманинову приблизительно слѣдующее соображеніе: въ Министерствѣ государственныхъ имуществъ вы можете пойти очень далеко, можете и затеряться: все зависитъ отъ лицъ и отношеній; профессура не даетъ многаго, но за то даетъ вѣрное. Послѣ долгихъ колебаній, Рахманиновъ рѣшился отказаться отъ предложеннаго ему мѣста по Министерству государственныхъ имуществъ и принять мѣсто по Министерству Народнаго Просвѣщенія, что болѣе сообразовалось съ его наклонностями.

18 февраля 1853 года Высочайшимъ приказомъ Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ прикладной математики въ Университетъ Св. Владиміра, съ производствомъ по должности въ чинъ коллежскаго ассесора, и съ той поры вся его научная дѣятельность проходитъ въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ сначала экстраординарнымъ, а затѣмъ—ординарнымъ профессоромъ и несъ обязанности декана физико-математическаго факультета, проректора и, наконецъ, ректора.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, Иванъ Ивановичъ былъ вполнѣ радушно принятъ въ семействѣ родного дяди своей матери, доктора Христіана Григорьевича Бунге, человѣка чрезвычайно добраго и радушнаго, и сблизился съ обществомъ молодыхъ профессоровъ университета, состоявшемъ изъ Н. Х. Бунге, В. Я. Шульгина, П. В. Павлова и др.; къ этому обществу принадлежали также богатые и образованные мѣ-

стные помѣщики Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій. Собираясь очень часто другъ у друга, они о многомъ бесѣдовали, и бесѣды эти, по большей части, были полны интереса какъ научнаго, такъ и общественнаго.

Служебная дѣятельность Ивана Ивановича Рахманинова, судя по формулярному списку, проходила слѣдующимъ образомъ. 22 ноября 1856 года онъ былъ утвержденъ въ званіи доктора математическихъ наукъ и астрономіи, по надлежащемъ испытаніи въ физико-математическомъ факультетѣ университета св. Владиміра и послѣ публичной защиты диссертаціи «*Основанія теоріи относительнаго движенія и нѣкоторыя ея приложенія, какъ примѣры*»; 19 апрѣля 1857 года И. И. утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ прикладной математики въ университетѣ св. Владиміра; въ 1858 году, на основаніи манифеста 26 августа 1856 года, получилъ темно-бронзовую медаль для ношенія въ петлицѣ на андреевской лентѣ въ память войны 1853—1856 г; 1-го іюля 1858 года былъ командированъ съ ученою цѣлью въ Германію, Францію и Англію на полтора года съ пособіемъ въ 800 рублей; срокъ командировки Ивана Ивановича былъ затѣмъ продолженъ еще на 6 мѣсяцевъ [1]) для поѣздки въ Америку, для чего было назначено ему пособіе въ 400 рублей; 31 августа 1860 года онъ возвратился въ Россію; 7 декабря того же года утвержденъ въ должности ординарнаго профессора; 3 мая 1862 года его командировали на 4 мѣсяца для ученыхъ цѣлей и обозрѣнія лондонской всемірной выставки въ Англію и во Францію. Командировка продолжалась по 10 октября 1862 года, когда Иванъ Ивановичъ возвратился въ Россію; 18 февраля 1864 года произведенъ за выслугу лѣтъ въ статскіе совѣтники со старшинствомъ; 4 мая того же года былъ назначенъ присутствовать при испытаніи учениковъ 2 гимназіи по математикѣ и физикѣ, а въ слѣдующемъ, 1865 году 15 марта командированъ для осмотра Нѣжинской гимназіи; 19 ноября 1865 года пожалованъ за отлично-усердную службу и особые труды кавалеромъ ордена св. Анны 2 степени; 12 декабря 1867 года командированъ депутатомъ отъ физико-математическаго факультета уни-

[1]) Согласно ходатайству графа Киселева, бывшаго тогда посломъ въ Парижѣ.

верситета св. Владимира въ С.-Петербургъ на съѣздъ естествоиспытателей для обсужденія вопроса о возможно болѣе однообразномъ распредѣленіи преподаванія наукъ на физико-математическомъ факультетѣ во всѣхъ университетахъ: командировка эта продолжалась по 17 января 1868 года. 19 октября того же 1868 года Иванъ Ивановичъ былъ утвержденъ деканомъ физико-математическаго факультета, по избранію послѣдняго; избраніе это повторялось нѣсколько разъ подъ рядъ. Когда окончилось первое трехлѣтіе службы Ивана Ивановича, онъ былъ избранъ на второе въ 1871 году и, наконецъ, на третье въ 1874 году. За это время онъ былъ произведенъ 24 декабря 1874 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 1 іюня 1874 года командированъ на лѣтнее вакаціонное время въ г. Тамбовъ на конкурсъ жатвенныхъ машинъ въ качествѣ члена оцѣночной коммиссіи; 25 декабря 1874 года «за отлично-усердную службу» пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 3 степени. Въ 1875 году Иванъ Ивановичъ сложилъ свои деканскія обязанности, такъ какъ былъ избранъ на трехлѣтіе съ 2 мая 1875 года (день утвержденія въ должности) по 18 февраля 1878 года въ проректоры университета. Въ должности проректора, онъ состоялъ членомъ коммиссіи по пересмотру университетскаго устава 1863 года. Тогда же въ 1876 году былъ командированъ въ Москву и С.-Петербургъ для осмотра техническихъ училищъ и для ознакомленія съ ходомъ учебныхъ занятій въ нихъ. 1 января 1876 года пожалованъ «за отлично-усердную и ревностную службу» кавалеромъ ордена св. Станислава 1 степени. 30 декабря 1877 года Ивану Ивановичу въ числѣ другихъ было объявлено именное Высочайшее благоволеніе за труды по пересмотру общаго устава университетовъ 1863 года. 18 февраля 1878 года Иванъ Ивановичъ, по выслугѣ имъ 25 лѣтняго срока по учебному вѣдомству, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ съ утвержденіемъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора университета св. Владимира съ назначеніемъ «ему въ пожизненную пенсію полнаго оклада жалованья, производившагося ординарнымъ профессорамъ университета св. Владимира по штату 9 іюня 1842 года, 1200 рублей, сверхъ содержанія, со дня выслуги 25-лѣтняго срока». Въ 1878 году Иванъ Ивановичъ былъ снова избранъ проректоромъ, но оставался недолго, такъ какъ 27 декабря 1879 года уволенъ былъ по прошенію; 7 апрѣля

1880 г., по избранію, былъ снова утвержденъ деканомъ физико-математическаго факультета, а 9 сентября того же года и исправляющимъ должность ректора въ специальныхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ § 36 университетскаго устава 1863 года. 5 мая 1881 года былъ утвержденъ, по избранію Совѣта, ректоромъ университета св. Владимира и оставался въ этой должности по 1 марта 1883 г., до выслуги срока, на который былъ избранъ. 1 января 1882 года пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1 степени. 18 февраля 1883 года оставленъ на службѣ на второе пятилѣтіе сверхъ 25-лѣтняго срока, а 23 апрѣля былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью съ 15 мая по 15 августа 1883 года.

18 февраля 1883 года Ивану Ивановичу за выслугу 30-лѣтняго срока по учебному вѣдомству прибавлено къ прежней пенсіи (1200 руб.) еще 240 рублей. 1 января 1886 года онъ пожалованъ кавалеромъ ордена Владиміра 2 степени, а 18 января 1888 года, на основаніи 105 статьи университетскаго устава 1885 г., оставленъ по выслугѣ имъ 35 лѣтъ въ учебной службѣ, въ званіи профессора, съ порученіемъ ему чтенія въ этомъ году лекцій по каѳедрѣ теоретической и практической механики; 18 февраля того же года пенсія ему назначена въ 3000 руб. 1 января 1892 года Иванъ Ивановичъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника, а 22 августа 1894 года ему данъ знакъ отличія за сорокалѣтнюю безпорочную службу. Такова оффиціальная сторона службы Ивана Ивановича Рахманинова.

Приведемъ еще нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія, почерпнутыя нами отчасти изъ печатныхъ источниковъ, отчасти изъ архива университета св. Владимира.

Поступивши на каѳедру, въ 1853 г. И. И. Рахманиновъ [1]) ходатайствовалъ объ учрежденіи при университетѣ кабинета машинъ моделей, и ходатайство его было уважено Совѣтомъ университета.

Будучи профессоромъ, Иванъ Ивановичъ не разъ читалъ публичныя лекціи по практической механикѣ. Въ формулярномъ спискѣ записаны вознагражденія, которыя онъ получалъ за эти лекціи въ раз-

[1]) *В. С. Иконниковъ*, Историко-статистическія записки объ учебныхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ Императорскаго университета св. Владиміра. Юбилейное изданіе, 1884 года.

мѣрѣ 285 руб. $71^1/_2$ коп.; такія лекціи читались имъ въ $185^3/_4$, $185^5/_6$, $185^6/_7$, $186^0/_1$, $186^1/_2$, $186^2/_3$, $186^3/_4$, $186^4/_5$ учебныхъ годахъ.

Главное зданіе университета проэктировано было для трехъ факультетовъ (безъ медицинскаго); впослѣдствіи къ университету былъ присоединенъ и медицинскій факультетъ, котораго клиники были помѣщены въ главное зданіе; кабинеты и лабораторіи физико-математическаго факультета получили, поэтому, очень малыя помѣщенія, не соотвѣтствующія ни научнымъ цѣлямъ, ни постепенному росту числа студентовъ. По ходатайству физико-математическаго факультета, Совѣтъ университета опредѣлилъ 35 тысячъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ для постройки отдѣльнаго зданія химической лабораторіи, и, подъ предсѣдательствомъ И. И. Рахманинова, бывшаго тогда деканомъ физико-математическаго факультета, составлена была коммиссія изъ профессоровъ химіи для выбора одного изъ представленныхъ плановъ лабораторіи по конкурсу. 11 августа 1869 года произведена была закладка зданія, и наблюденіе за постройкою поручено было коммиссіи, состоявшей изъ профессоровъ химіи Н. Л. Тютчева и П. П. Алексѣева, и изъ профессора физики М. П. Авенаріуса, подъ предсѣдательствомъ И. И. Рахманинова. Въ 1873 году окончено было устройство лабораторіи, и профессорамъ химіи предложено было принять лабораторію въ свое завѣдываніе [1]).

Въ 1873 году ректоръ университета Н. Х. Бунге лично показалъ г. Министру Народнаго Просвѣщенія графу Д. А. Толстому университетскія клиники, объяснилъ неудобства ихъ помѣщеній, неудовлетворяющихъ ни гигіеническимъ, ни научнымъ требованіямъ. Съ доводами Н. Х. Бунге г. Министръ согласился, и Совѣтъ университета [2]) вошелъ съ представленіемъ къ Попечителю учебнаго округа о постройкѣ клиникъ въ связи съ городскою больницею, какъ о дѣлѣ неотложномъ и просилъ объ исходатайствованіи 150 тысячъ руб. для этой цѣли. Графъ Д. А. Толстой увѣдомилъ университетъ, что по всеподданнѣйшему его, министра, докладу Государь Императоръ 25 февраля 1874 года Высочайше соизволилъ на испрошеніе изъ государственнаго казначейства,

---

[1]) *П. П. Алексѣевъ.* Матеріалы для исторіи химической лабораторіи университета св. Владиміра.

[2]) Университетскій Архивъ. Дѣло о постройкѣ клиникъ внѣ зданія Университета.

въ установленномъ порядкѣ, сверхсмѣтнаго кредита въ 150 тысячъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Городъ сначала крайне сочувственно отнесся къ дѣлу о постройкѣ клиникъ въ связи съ городскою больницею. Городской голова П. П. Демидовъ увѣдомилъ ректора, что городская дума единогласно опредѣлила: предоставить одинъ городской павильонъ, уже начатый постройкою, для терапевтической клиники и одинъ павильонъ, еще не начатый, но для котораго назначена была особая сумма 20 тысячъ руб., пожертвованныхъ Демидовымъ, для дѣтской клиники. Университету предоставлена была часть земли, пріобрѣтенной для городской больницы; присланъ былъ университету и планъ земли, которая отводилась подъ клиники, съ предложеніемъ прислать листъ гербовой бумаги для написанія документа на право пользованія отведенною землею. Требуемый листъ гербовой бумаги былъ отосланъ правленіемъ университета 13 іюня 1874 г. Въ уставѣ кіевской городской больницы установлены были отношенія больницы къ университетскимъ клиникамъ: по §§ 9, 10, 11 директоры факультетскихъ клиникъ состоятъ врачами-консультантами больницы; директорамъ клиникъ предоставляется, подъ извѣстными условіями, во всякое время избирать для перевода въ клиники тѣхъ паціентовъ больницы, которые представляютъ особый интересъ для преподаванія, и передавать въ больницу, взамѣнъ переведеннаго паціента, другого больнаго, уже потерявшаго значеніе для преподаванія. По присоединеніи городскаго барака на 40 человѣкъ больныхъ образовывалась клиника на 150 больныхъ; предполагалось при этомъ впослѣдствіи постройкой новыхъ бараковъ довести клинику до 220 кроватей. Подъ руководствомъ профессоровъ-клиницистовъ составлены были проэкты плановъ постройки и отосланы въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Къ сожалѣнію планы не были одобрены Строительнымъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и были возвращены университету для исправленія въ началѣ 1875 г. Въ это же время кончилось ректорство Н. Х. Бунге, иниціатора всего дѣла, и дѣло о постройкѣ клиникъ затянулось въ безполезной перепискѣ съ военнымъ министерствомъ. Въ 1877 году Министерство Народнаго Просвѣщенія увѣдомило университетъ, что, за неполученіемъ плановъ и смѣтъ на постройку клиническихъ помѣщеній, не представляется возможнымъ продолжать срокъ кредиту, неразрѣшенному въ законодательномъ по-

рядкѣ. Н. Х. Бунге, избранный снова ректоромъ въ 1879 г., уже не поднималъ вопроса о клиникахъ.

Въ 1881 г. ректоръ университета Н. Н. Рахманиновъ, воспользовавшись пріѣздомъ Министра Народнаго Просвѣщенія барона Николаи въ Кіевъ, лично отъ себя подалъ ему докладную подробную записку о положеніи клиникъ въ университетѣ; вслѣдствіе этой записки дѣло о постройкѣ клиникъ возбуждено было уже самимъ министерствомъ. Въ предложеніи Совѣту отъ 20 октября 1881 г. Попечитель писалъ такъ: «въ бытность г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ г. Кіевѣ начальство университета св. Владиміра обратилось къ нему съ ходатайствомъ объ испрошеніи кредита въ 150 т. руб. на расширеніе университетскихъ клиникъ. Изъ дѣлъ Министерства и Управленія Округа видно, что вслѣдствіе ходатайства Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника графа Толстаго, Министерство финансовъ, еще въ 1874 году, изъявило согласіе на испрошеніе вышеозначеннаго кредита въ законодательномъ порядкѣ съ тѣмъ однако, чтобы въ представленіи объ этомъ Государственному Совѣту были приведены всѣ данныя, положительно опредѣляющія размѣръ суммы, испрашиваемой Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Доставленныя за симъ въ Министерство предмѣстникомъ моимъ смѣты и чертежи, были признаны техническо-строительнымъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ неудовлетворительными и возвращены въ Совѣтъ университета при предложеніи Генералъ-Лейтенанта Антоновича отъ 17 января 1875 года за № 428 и съ тѣхъ поръ не были уже представляемы въ Управленіе Округа и Министерство. Нынѣ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предполагая войти въ Государственный Совѣтъ съ ходатайствомъ объ отпускѣ суммъ, потребныхъ на на расширеніе клиникъ Университета Св. Владиміра, предложеніемъ отъ 10-го сего октября за № 11589, проситъ меня истребовать отъ Совѣта университета смѣты и чертежи, точно опредѣляющіе размѣръ вышеозначенныхъ суммъ и въ возможно непродолжительномъ времени доставить таковые въ Министерство. Сообщая объ этомъ въ Совѣтъ Университета св. Владиміра, имѣю честь покорнѣйше просить озаботиться безотлагательнымъ доставленіемъ мнѣ требуемыхъ Министерствомъ смѣтъ и чертежей по расширенію клиникъ».

По поводу этого предложенія тотчасъ составилась, подъ предсѣдательствомъ ректора, коммиссія изъ профессоровъ клиницистовъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ медицинскаго факультета; эта коммиссія единогласно рѣшила строить клиники на мѣстѣ близъ городской больницы въ связи съ этою послѣднею, какъ это было проектировано въ 1874 году. Къ сожалѣнію, осуществленіе проэкта встрѣтило теперь сильное и неожиданное противодѣйствіе со стороны города: городъ отказалъ въ уступкѣ мѣста вблизи больницы, на которое данъ былъ Университету планъ еще въ 1874 году, но на которое, по какому-то непонятному недоразумѣнію, не было своевременно получено данной [1]). Г. Городской голова, Г. И. Эйсманъ, относительно выдачи данной на землю вблизи городской больницы, отъ имени городской Думы въ декабрѣ 1881 года отвѣтилъ, г. Ректору «что проэктъ о такой постройкѣ клиникъ въ связи съ городской больницею не осуществлялся въ теченіи болѣе 7 лѣтъ; что въ этотъ періодъ времени городская больница, устроенная городомъ безъ предполагавшейся связи съ клиниками и при томъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ сравнительно съ проэктированными въ 1874 году, вслѣдствіе возрастающей потребности въ больничной помощи для населенія,—требуетъ дальнѣйшаго развитія, при которомъ для самой больницы понадобится земля, и что, въ виду этого, устройство нынѣ помѣщенія для клиникъ въ больничной усадьбѣ только ухудшило-бы гигіеническія условія какъ для больницы, такъ и для клиникъ, что Дума не нашла возможнымъ удовлетворить помянутую просьбу Совѣта Университета». Ректоръ Университета, поддерживаемый Совѣтомъ и большинствомъ медицинскаго факультета, Попечитель Учебнаго Округа, С. П. Голубцовъ, одобрявшій вполнѣ мнѣніе Ректора, и г. Генералъ-Губернаторъ А. Р. Дрентельнъ отстаивали первоначальное предположеніе о постройкѣ клиникъ вблизи городской больницы. Сочувствіе г. Генералъ-Губернатора къ дѣлу Университета выразилось въ слѣдующемъ отношеніи къ г. Попечителю учебнаго округа отъ 7 іюня 1882 года: «Разсмотрѣвъ сообщенную мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ записку по дѣлу объ устройствѣ университетскихъ клиникъ въ связи съ кіевскою городскою больницею,

[1]) Относительно данной г. Городской голова заявилъ, что дѣйствительно отношеніе Университета, посланное еще въ 1874 году, получено было Городскимъ Управленіемъ, но при этомъ отношеніи не оказалось требуемаго гербоваго листа.

долгомъ считаю увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я вполнѣ раздѣляю изложенныя въ ней соображенія, какъ относительно необходимости этой связи, такъ и относительно дальнѣйшаго направленія настоящаго дѣла. Но при этомъ я не могъ не замѣтить, что какъ составитель записки, такъ и Кіевская Городская Дума, разсматривавшая, въ засѣданіяхъ 10 ноября 1881 и 14 января сего года, вопросъ объ устройствѣ университетскихъ клиникъ въ связи съ городскою больницею, вовсе не имѣли въ виду Высочайшаго повелѣнія 6 октября 1873 г., обусловившаго отводъ земли, на которой устроена нынѣ Александровская больница, именно связью этой больницы съ Университетскими клиниками. Между тѣмъ, обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе при разрѣшеніи возникшаго нынѣ несогласія между Городскою Думою и Университетомъ св. Владиміра. Можно надѣяться, что въ виду означеннаго Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго г. кіевскому городскому головѣ въ отзывѣ бывшаго Генералъ-Губернатора князя Дондукова-Корсакова отъ 3 ноября 1873 г. № 3768, Городская Дума не будетъ настаивать на отказѣ Университету въ удовлетвореніи его ходатайства, не только имѣющаго важное общегосударственное значеніе, но по существу своему дважды получившаго уже Высочайшее одобреніе. Поэтому и принимая во вниманіе, что опредѣленія Кіевской Городской Думы отъ 19 ноября 1881 и 14 января сего года не исключаютъ возможности веденія дальнѣйшихъ переговоровъ между Городскою Думою и Университетомъ св. Владиміра по вопросу о связи университетскихъ клиникъ съ городскою больницею, я полагалъ бы за лучшее, предварительно какихъ либо дальнѣйшихъ распоряженій, если бы Совѣтъ Университета св. Владиміра обсудилъ настоящее дѣло и вошелъ по сему предмету еще разъ въ сношеніе съ кіевскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ и, затѣмъ уже, въ случаѣ вторичнаго отказа со стороны Думы, дѣлу можетъ быть дано то или другое, наиболѣе соотвѣтствующее мотивамъ отказа думы и существу самаго вопроса, направленіе. О томъ, какое будетъ принято Вашимъ Превосходительствомъ рѣшеніе по настоящему вопросу, не откажите меня увѣдомить».

Послѣ долгихъ проволочекъ городской голова, видя трудность борьбы, основанной на прежнихъ обѣщаніяхъ городской думы и на Высочайшихъ соизволеніяхъ, и желая всѣми силами отклонить постройку

клиникъ въ связи съ городскою больницею, предложилъ Попечителю Учебнаго Округа въ сентябрѣ 1882 г. отъ имени Думы—устроить на городской счетъ при университетскихъ клиникахъ каменный баракъ на 30 кроватей съ выдачею ежегодно въ распоряженіе Университета причитающуюся на содержаніе ихъ сумму въ томъ случаѣ, если университетъ Св. Владиміра признаетъ болѣе выгоднымъ произвести постройку клиникъ на университетской землѣ. Попечитель, защищавшій прежде горячо постройку клиникъ въ связи съ городскою больницею, измѣнилъ вдругъ свое мнѣніе и согласился на предложеніе г. Городскаго Головы; Медицинскій факультетъ тоже принялъ это предложеніе; Министръ въ ноябрѣ, послѣ переписки съ Попечителемъ, увѣдомилъ его о своемъ согласіи на предложеніе Думы. Ректоръ, волей-неволей, долженъ былъ положить оружіе, и постановлено было Совѣтомъ университета строить клиники на университетской землѣ. Въ началѣ 1883 г. окончился срокъ, на который былъ избранъ ректоромъ Н. Н. Рахманиновъ, и постройка клиникъ приведена была въ исполненіе преемникомъ Рахманинова по ректорству на сумму, Высочайше пожалованную въ 1884 г. университету ко дню его юбилея.

Въ 1881 г. ректоръ Рахманиновъ лично ходатайствовалъ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра. Уставъ этотъ составленъ и представленъ былъ Н. Х. Бунге еще въ 1879 г., но его утвержденіе замедлилось и не было еще получено въ университетѣ. По болѣзни Попечителя, Рахманиновъ открылъ общество и былъ его первымъ предсѣдателемъ, по усиленной просьбѣ членовъ собравшагося общества, вопреки своему желанію и убѣжденію, что администрація общества и администрація университета не должны быть соединяемы въ одномъ лицѣ. Хотя въ первый же годъ существованія общества выдано было пособій на 6625 руб.; но Н. Н. Рахманиновъ имѣлъ потомъ поводъ очень сожалѣть о томъ, что поступилъ противъ своего убѣжденія.

Будучи проректоромъ и ректоромъ, Н. Н. Рахманиновымъ нѣсколько разъ временно управлялъ Учебнымъ Округомъ. Занимая должность проректора и, временно исправляя должность ректора и попечителя, Н. Н. въ качествѣ попечителя, по просьбѣ проректора, разрѣшилъ ректору и проректору, т. е. самому же себѣ, устроить въ университетскомъ саду гулянье въ

пользу недостаточныхъ студентовъ, чего не допускалось прежде, и съ тѣхъ поръ начали устраивать въ саду гулянья съ благотворительною цѣлью въ пользу студентовъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ (1889—90) И. И. управлялъ Кіевскимъ городскимъ обществомъ взаимнаго кредита. Съ 1889 г. онъ состоитъ предсѣдателемъ Кіевскаго славянскаго благотворительнаго общества.

Ко дню 50-лѣтняго юбилея Университета св. Владиміра въ 1884 г. профессоръ Рахманиновъ представилъ въ университетъ 5 тысячъ рублей для учрежденія на проценты съ этого капитала преміи съ цѣлью споспѣшествовать дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности окончившихъ курсъ воспитанниковъ Университета св. Владиміра по предметамъ, преподаваемымъ на физико-математическомъ факультетѣ. Преміи эти выдаются чрезъ два года и состоятъ въ большой золотой медали и въ денежномъ пособіи [1]).

И. И. Рахманиновъ въ 1863 г. женился на Екатеринѣ Павловнѣ, дочери генералъ-маіора Павла Ивановича Чеснока и жены его Терезіи Ивановны, урожденной княжны Божуличъ-Найденъ. Отецъ Терезіи Ивановны, князь Божуличъ-Найденъ за свою приверженность къ Россіи принужденъ былъ удалиться изъ своей родины, Далмаціи, и ему Высочайше пожаловано было имѣніе въ Бессарабіи близъ Бендеръ, а дочь его Терезія была воспитана въ Петербургѣ въ Екатерининскомъ Институтѣ на казенный счетъ. Бессарабское имѣніе потомъ выкуплено было казною. Князь Божуличъ-Найденъ хотѣлъ передать свой титулъ зятю, Павлу Ивановичу Чесноку, но послѣдній благоразумно отказался, сказавъ: «Що въ тимъ титули, якъ нема въ шкатули». Въ 1873 г. И. И. Рахманиновъ овдовѣлъ; имѣетъ одного сына Ивана, рожденнаго въ 1873 г. и состоящаго нынѣ студентомъ медицинскаго факультета Университета св. Владиміра.

И. И. Рахманиновъ остался, по раздѣламъ, владѣльцемъ того родового имѣнія, Казинка, изъ котораго въ послѣднія два столѣтія разселились въ разныя мѣста Тамбовской губерніи потомки стольника Іевлія Кузьмича Рахманинова.

---

[1]) Юбилейный Актъ Императорскаго университета св. Владиміра, стр. 185.

Сочиненія Ив. Ив. Рахманинова: 1) Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ, Москва 1852, диссертація на степень магистра[1]), 2) Основанія теоріи относительнаго движенія и нѣкоторыя ея приложенія, какъ примѣры, 1856, докторская диссертація (не была напечатана), 3) Mémoire sur les roues hydrauliques à aubes planes (Journal de Math. pures et appliquées, 1859), 4) Общая теорія относительнаго движенія (Вѣстн. Матем. Наукъ 1861): 5) Краткій отчетъ о заграничномъ путешествіи (Универ. Изв. 1861, октябрь 1—16); 6) Отчетъ о Лондонской выставкѣ (Унив. Изв. 1862, іюнь 1—16, октябрь, 32—47); 7) Описаніе техническаго отдѣла Лондонской выставки (Жур. М-ва Нар. Просв. 1863 т. CXV и CXVI, три статьи). 8) Нѣсколько словъ о введеніи преподаванія прикладныхъ наукъ въ университетахъ (ibid. 1863 т. CXVIII); 9) О самостоятельности въ приложеніи наукъ практическихъ къ жизни, рѣчь (Унив. Изв. 1864, сентябрь 1—31): 10) О началѣ наименьшаго дѣйствія (ibid. 1866, декабрь 1—4); 11) О калорической машинѣ Эриксона (Морск. Сборн.): 12) статья относительно теоріи пріемниковъ движущихъ силъ машинъ (Морск. Сб.); 13) Основанія теоретической динамики (ibid. 1870, 1871, 1873 и 1874 и отдѣльно вышелъ 1 выпускъ 1873); 14) Основная формула динамической теоріи пріемниковъ машины (Матем. Сбор. 1873): 15) Выводъ уравненій движенія твердаго тѣла около недвижимой точки (Унив. Изв. 1877, октябрь 217—226); 16) Начало наименьшей потерянной работы, какъ общее начало механики (ibid. 1878); тоже на нѣмецкомъ языкѣ: Das Princip der Kleinsten Arbeit der verlorenen Kräfte als ein allgemeines Princip der Mechanik въ Zeitschrift für Mathematik und Physik 1879 и въ Beiblätter zu den Annalen der Physik und Chemie; 17) Замѣтка относительно геометрическаго значенія интеграловъ уравненій движенія матеріальной точки около неподвижнаго центра (Унив. Изв. 1883, мартъ, 62—68); 18) О движеніи матеріальной точки по поверхности (Унив. Изв. 1887 г. и отдѣльно); 19) Приведеніе уравненій относительнаго движенія къ каноническому виду (Унив. Изв. 1887).

---

[1]) Это сочиненіе удостоено рецензентомъ Академіи Наукъ поощрительной Демидовской преміи и присуждено Академіей къ почетному отзыву за раздачею всѣхъ денежныхъ премій.

Григорій Николаевичъ, младшій сынъ Николая Ѳеодоровича, въ 1813-мъ году выпущенъ былъ 16-ти лѣтъ изъ дворянскаго полка прапорщикомъ въ Днѣпровскій полкъ, потомъ перешелъ въ гренадерскій его королевскаго величества короля прусскаго полкъ и въ 1822-мъ году вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана. Онъ женатъ былъ на Варварѣ Николаевнѣ, дочери мѣстнаго помѣщика Николая Писарева и его жены, урожденной Новосильцевой. По раздѣлу, ему досталось имѣніе въ южной части Козловскаго уѣзда, тогда въ степной мѣстности, гдѣ не было даже усадьбы. Имѣніе это перешло покупкою въ родъ Рахманиновыхъ отъ генерала-лейтенанта Бороздина, которому было Высочайше пожаловано. Григорій Николаевичъ построилъ тамъ домъ и всѣ хозяйственныя заведенія, развелъ обширный и прекрасный садъ съ тѣнистыми аллеями, словомъ, образовалъ вполнѣ барскую усадьбу. Онъ былъ хорошій и расчетливый хозяинъ, въ противоположность своему брату Ивану Николаевичу, который хотя и былъ хорошимъ хозяиномъ, но далеко не былъ расчетливымъ. Григорій Николаевичъ не хотѣлъ принимать на себя хлопотливыхъ должностей по выборамъ дворянства и много лѣтъ состоялъ въ спокойной должности депутата въ Депутатскомъ Собраніи тамбовскаго дворянства, за что и получилъ Владимірскій крестъ, который носилъ постоянно.

Григорій Николаевичъ очень высоко цѣнилъ свой родъ и высказывалъ сожалѣніе, что Рахманиновы скоро выходятъ въ отставку, не дослуживаясь до высшихъ чиновъ. Между прочимъ, онъ сильно осуждалъ брата своего Ивана Николаевича за то, что тотъ помѣстилъ своихъ дѣтей въ гимназію, а не въ Царскосельскій лицей или въ корпусъ, гдѣ воспитывались только дворяне. Умеръ Григорій Николаевичъ въ 1858 году.

Григорій Николаевичъ имѣлъ только одного сына Николая и дочь Прасковью, названную этимъ именемъ въ честь ея богомольной прабабушки, Прасковьи Григорьевны Сатиной.

Николай Григорьевичъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ и, по окончаніи курса въ 1847 году, поступилъ въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Отецъ Николая Григорьевича очень заботился о служебной карьерѣ своего сына и не жалѣлъ денегъ для того, чтобы сынъ его могъ жить въ Петербургѣ вполнѣ прилично, соотвѣтственно своему общественному положенію. Николай Григорьевичъ находился

подъ ближайшимъ руководствомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта Гавріила Степановича Попова, съ которымъ вмѣстѣ жилъ. Изъ Департамента Министерства Юстиціи Николай Григорьевичъ перешелъ потомъ въ Сенатъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ дослужился до чина статскаго совѣтника, получилъ званіе камеръ-юнкера Высочайшаго двора и готовился перейти въ Государственный Совѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря; но скончался отецъ Николая Григорьевича, и онъ вышелъ въ отставку. Мать убѣждала его продолжать службу, но онъ сказалъ, что онъ не настолько бѣденъ, чтобы жить службою, и не настолько богатъ, чтобы пренебрегать имѣніемъ, занимаясь службою.

Желая ввести раціональное хозяйство въ своемъ имѣніи, Николай Григорьевичъ отправился за границу, слушалъ тамъ лекціи лучшихъ профессоровъ агрономіи и посѣщалъ лучшія сельско-хозяйственныя заведенія. Возвратившись домой, онъ принялся за преобразованіе своего хозяйства; къ большому, однако, его огорченію нововведенія прививались туго, нужно было преодолѣвать большія трудности при неумѣніи рабочихъ употреблять усовершенствованныя орудія и машины.

Николай Григорьевичъ былъ очень хорошо образованъ, вполнѣ искренно и дружелюбно относился къ своимъ сосѣдямъ и былъ очень ими любимъ. Какъ всѣ помѣщики и ихъ жены, онъ занимался лѣченіемъ больныхъ крестьянъ, за невозможностью имѣть всегда подъ рукою доктора. Однажды онъ поѣхалъ къ тифозному больному крестьянину, заразился и умеръ отъ тифа на 36-мъ году отъ рожденія. Женатъ онъ не былъ. Послѣ его смерти принадлежавшее ему имѣніе перешло къ сестрѣ его Прасковіи Григорьевнѣ. Она еще при жизни своего отца вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Василія Михайловича, сына Михайла Васильевича Завяскина, служившаго въ 1812-мъ году въ артиллеріи, и Маріи Петровны, родной сестры извѣстнаго Василія Петровича Воейкова. Послѣ смерти Василія Михайловича Завяскина, Прасковья Григорьевна осталась вдовою, не имѣя дѣтей.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Списокъ съ родословной росписи Стольника Пероилья Рахманинова, какова подана въ разрядъ.

Родъ Рахманиновыхъ.

1) Иванъ Стефановичъ, Волоскаго Владѣтельства Стефана Богдановича сынъ, храбраго Воеводы, кой же побилъ сто пятьдесятъ Турскихъ людей и Татаръ безчисленно множество и Короля Польскаго и Матьяша-Венгерскаго Короля изъ земли выгналъ.

2) А у него Стефана были два сына: Богданъ, да онъ Иванъ, и Богдану велѣлъ отецъ быть въ Волохахъ владѣтелемъ, а ему Ивану велѣлъ быть у брата своего въ подданствѣ, и для того его назвалъ Вечинъ.

3) А дочь его Стефанова была Великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи за сыномъ его за княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и о томъ про него Стефана и дѣтей его именно писано въ Польскихъ лѣтописцахъ и иныхъ Государствъ въ кроникахъ. А другая его была Стефанова дочь за Александромъ, Королемъ Польскимъ.

4) И какъ преставился Великій князь Иванъ Ивановичъ и сынъ его Стефановъ онъ, Иванъ Вечинъ, пріѣхалъ къ Москвѣ съ двумя сыны къ сестрѣ своей, не обославшись къ Великому Князю, и за то на него Великій Князь возложилъ опалу и послалъ его на Угличъ къ брату своему князю Андрею Васильевичу съ дѣтьми его Ивановыми съ Василіемъ, прозвища Рахманинъ, да съ Иваномъ, прозвища Волохомъ, и тамъ они жили и его, Ивана Вечина, назвалъ, по-Русски, сусѣдомъ.

И въ то время даны имъ многія вотчинныя и помѣстныя села и деревни въ Углицкомъ уѣздѣ, въ Свѣтицѣ село Дементьево съ деревнями и въ иныхъ городѣхъ; а на Углицкія деревни дана ему, Ивану,

грамота Великаго Князя Андрея Васильевича, и съ той грамоты всеп росписи списокъ, а въ немъ пишетъ: а которыя были даны села и деревни въ Звенигородъ, да въ Бежецкомъ Верху въ уѣздахъ, и на тѣ села и деревни жалованныя грамоты были у родственника нашего у Дея Иванова сына Рахманинова; и какъ онъ Дей умре, а послѣ него остались тѣ жалованныя грамоты и иныя всякія родовыя письма у жены, и послѣ его смерти жена его вышла замужъ за Якова Андреева сына Змеева, и какъ наше челобитье было на него Якова на Патріаршемъ дворѣ, и за тою не дружбою онъ Яковъ тѣхъ намъ писемъ не отдалъ. А Волоху, Иванову сыну, дана жалованная грамота при Великомъ Князѣ Дмитріе Ивановичѣ всея Россіи и съ той грамоты всеи росписи списокъ же, а въ немъ пишетъ: а которыи села и деревни были за нимъ Волохомъ въ Звѣнигородскомъ и Бежецкаго Верху уѣздахъ, и на тѣ села и деревни жалованныя грамоты пропали у него жъ Якова Змеева.

И Волохъ умре и былъ бездѣтной и жены у него не было.

5) А у Василія Рахманинова три сына: Иванъ, Василій, Андрей, и они Иванъ, Василій, Андрей Рахманиновы дѣти, и его Волоха племянники.

6) Да Василья Рахманинова сынъ его Иванъ служилъ по Ржевъ $\frac{7045}{1537}$ году; написаны они при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи въ боярской дворовой книгѣ по Ржевѣ, а въ лѣто $\frac{7059}{1551}$ году при немъ же Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи и они жъ Иванъ, да Василій, да Андрей Рахманиновы дѣти были выбраны въ лучшихъ слугахъ и написаны въ тысячной книгѣ съ честными людьми въ статьяхъ и вольномъ окладѣ въ той же Ржевѣ; а даны имъ помѣстныя и многія деревни въ Дмитровскомъ уѣздѣ и на тѣ деревни дана жалованная грамота при Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи за вислою красною печатью на аломъ шелку, а съ той грамоты всеи росписи списокъ же, а въ ней пишетъ: а которыя были села и деревни даны имъ были по Ржевскомъ и въ Зубцовскомъ и Великоламскомъ въ уѣздахъ, и на тѣ села и деревни жалованныя грамоты пропали у него же Якова Змеева.

7) А у Ивана, Рахманинова сына, были четыре сына: Алексѣй, да Иванъ Большой, да Василій, да Иванъ Меньшой.

8) Иванъ Большой, да Василій убиты на службѣ, а были бездѣтны и женаты не были.

9) А у Василья, Рахманинова сына, одинъ сынъ Иванъ.

10) И при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи они, Алексѣй, да Иванъ, Ивановы дѣти, да Иванъ, Васильевъ сынъ, Рахманиновы изъ Ржева сведены на Рязань и служили по Рязани, а была имъ большая статья и даны имъ на Рязани помѣстныя деревни и на тѣ деревни въ лѣто $\frac{7084}{1575}$ году написаны за ними письма и дозору Андрея Скрябина, да подьячего Зиновія Оетьцова, да съ тѣхъ писемъ дана имъ выпись за дьячьею приписью Якова Витовтова; да на тѣжъ Рязанскія деревни при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Өеодорѣ Ивановичѣ всея Россіи дана явочная грамота въ лѣто $\frac{7102}{1594}$ году и съ той грамоты всеи росписи списокъ же, а въ немъ пишетъ:

11) У Алексѣя, Иванова сына, одинъ сынъ Дмитрій; а Алексѣй убитъ на службѣ въ степи на Богатомъ Зажохѣ.

12) А у Ивана меньшаго, Иванова сына, дѣти пять сыновей: Андрей, Дей, Михаилъ, Алексѣй, Григорій.

13) А Иванъ, Ивановъ сынъ, и дѣти его, три сына: Андрей, Дей, Михаилъ при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ всея Россіи къ Москвѣ въ королевичахъ приходахъ въ осадѣ сидѣли, и за ту имъ службу даны изъ помѣстья ихъ вотчины, и на тѣ вотчины даны имъ жалованныя вотчинныя грамоты за красною вислою печатью на аломъ шелку; и тѣ ихъ вотчины въ Рязанскомъ уѣздѣ по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ написаны за ними въ воловыхъ писцовыхъ книгахъ, и тѣ книги нынѣ въ Помѣстномъ Приказѣ.

14) А Никита, Ивановъ сынъ, Рахманиновъ при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ всея Россіи на Москвѣ же въ осадѣ сидѣлъ, и за то дана ему изъ помѣстья вотчину, и на ту вотчину дана ему вотчинная жалованная грамота за красною вислою печатью на аломъ шелку; а по той жалованной грамотѣ вотчины его въ Медынскомъ и Алексинскомъ уѣздахъ написаны за нимъ въ воловыхъ писцовыхъ книгахъ, и тѣ книги нынѣ въ Помѣстномъ Приказѣ. А умеръ онъ, Никита, при Государѣ Царѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ всея Россіи въ Московскую службу.

15) А Андрей, Ивановъ сынъ, служилъ по Рязани и написанъ былъ въ спискѣ первымъ человѣкомъ. А онъ же Андрей, Ивановъ сынъ, при Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Россіи въ Королевичемъ приходѣ посланъ съ Москвы въ Вязьму письменнымъ головою, а съ нимъ посланы Рязанцы дворяне и дѣти Боярскія. И въ то число данъ ему наказъ изъ разряду за приписью дьяка Михаила Данилова въ $\frac{7126}{1618}$ году, и отъ того наказу всеи росписи списокъ, а въ немъ пишетъ; а Дей Ивановъ сынъ по Рязани былъ написанъ послѣ брата своего въ списку впервый человѣкъ, и въ лѣто $\frac{7149}{1641}$ году былъ онъ на Михайловѣ Воеводою.

16) А у Дмитрія, Алексѣева сына, одинъ сынъ Ѳеодоръ.

17) А Дмитрій убитъ при Царѣ Борисѣ, какъ посланъ былъ ставить Царство Борисова города, и тамъ убитъ отъ Татаръ. А Дмитріевъ сынъ Ѳеодоръ въ лѣто $\frac{7150}{1642}$ году былъ Воеводою на Епифани, да онъ же Ѳеодоръ $\frac{7157}{1649}$ году былъ Воеводою жъ въ Осташковѣ во Псковскую службу.

18) А у Андрея, Иванова сына, дѣти два сына: Леонтій, да Симіонъ.

19) А у Дея, Иванова сына, одинъ сынъ Михаила.

20) И Михаила, Деевъ сынъ, умре отъ ранъ въ Литовскихъ городѣхъ, какъ былъ бой съ Сапѣгою на Басѣ, и былъ бездѣтенъ и жены у него не было.

21) А у Михаила, Иванова сына, три сына: Кузьма, Ѳеодоръ, Дмитрій.

22) А у Алексѣя, Иванова сына, одинъ сынъ Моисей, прозвища Иванъ.

23) А у Егорья, прозвища Григорій, Иванова сына, дѣти три сына: Григорій, Иванъ, Андрей.

24) А у Ѳедора, Дмитріева сына, дѣти четыре сына: Иероилій въ стольникахъ, Исай, Михайла въ стряпчихъ, Захарій въ стряпчихъ же.

25) А у Леонтья, Андреева сына, одинъ сынъ Тимоѳей Горбатый

26) Симіонъ, Андреевъ сынъ, умре бездѣтенъ и женатъ не бывалъ.

27) А у Кузьмы, Михайлова сына, дѣти пять сыновъ: Өедоръ, Василій, Иванъ Горбатый, Іевль, Никита. Иванъ умре бездѣтенъ и женатъ не бывалъ.

28) А у Дмитрія, Михайлова сына, одинъ сынъ Григорій.

29) А Алексѣевъ сынъ Моисей, прозвища Иванъ, взятъ въ полонъ въ Черкаскихъ городѣхъ, какъ разобранъ полкъ Боярина и Воеводы Василья Борисовича Шереметьева въ Крымѣ, и изъ Крыму отвезенъ въ Турецкую Землю.

30) А Григорій, Григорьевъ сынъ, убитъ въ Черкаскихъ городѣхъ въ Полтавскую службу; былъ бездѣтенъ и жены у него небыло. А Иванъ, Григорьевъ сынъ, раненъ тяжелыми ранами, и взятъ въ полонъ съ Бояриномъ съ Василіемъ Борисовичемъ Шереметьевымъ и вести про него нѣтъ. А Андрей, Григорьевъ сынъ, былъ Воеводою на Ефремовѣ въ $\frac{7187}{1679}$ году; да онъ же, Андрей, былъ Воеводою въ Острогожскомъ въ $\frac{7189}{1681}$ году.

31) А стольника Иеронлья, Өедорова сына, сынъ Агафій, прозвища Александръ—въ стольникахъ же.

32) А Иеронлій былъ Воеводою въ Галичахъ и съ пригороды въ $\frac{7187}{1670}$ году. Исай, Өедоровъ сынъ, былъ Воеводою въ $\frac{7183}{1675}$ году въ Серпухове съ пригороды. А Михайло, Өедоровъ сынъ, былъ боленъ и отъ ранъ умре.

33) У него дѣти два сына: Симіонъ, прозвища Богданъ, да Назарій.

34) А у Өедора, Кузьмина сына, дѣти: Василій да Спиридонъ.

35) И роду нашего Рахманиновыхъ только, а которые иные роды пишутся такимъ же прозваніемъ Рахманиновыхъ и намъ до нихъ дѣла нѣтъ, и тѣ не нашего роду: а отъ какихъ родовъ они пришли и почему они пишутся Рахманиновы, про то мы не вѣдаемъ, а иныхъ родовъ отъ нашего роду здѣсь, въ Московскомъ Государствѣ, никого нѣтъ.

II. Копіи съ Высочайшихъ и милостивѣйшихъ писемъ Ея Императорскаго Величества, писанныхъ собственною Ея рукою къ Генералъ-Маіору, и орденовъ С. Великомученика и побѣдоносца Георгія. и С. Анны Кавалеру. Іосифу Емельяновичу Сатину.

(Напечатаны 1791 года).

1. Господинъ Сатинъ! хотѣлось тебѣ полкъ твой притравливать, теперече случай есть, Богъ да будетъ тебѣ помощникомъ. Племянника твоего приказала пожаловать Прапорщикомъ. Прощай, желаю увидѣться въ добромъ здравіи.

Екатерина!

Апрѣля 2 числа 1769 года.

Кн. Ал. Ал. Прозоровскому поклонись отъ меня.

Всеподданнѣйше получено въ тотъ самой день, какъ пришли изъ подъ Хотина при мѣстѣчкѣ Калюсѣ, на Днестрѣ лежащемъ: 26 Апрѣля 1769 году, почта № 1.

2. Господинъ Полковникъ Сатинъ, крестъ монастыря Волохскаго Радовозы, о которомъ объявили тамошнее духовенство, что оной весь изъ животворящаго креста, которой вы ко Мнѣ прислали чрезъ Генералъ-Маіора Потемкина, онъ въ цѣлости довесъ, зачто много вамъ благодарствую. Я сей крестъ для достодолжнаго почитанія поставила въ придворной церкви, и письмо ваше отдала въ ризницу для сохраненія, и чтобъ память осталась, откуда сія святыня прислана, Я весьма сожалѣла о приключившейся вамъ отъ раны болѣзни, дайте Мнѣ знать, владѣете ли вы рукою. Я не хочу лишиться тѣхъ рукъ, а еще меньше тѣхъ людей; кои наполнены ревностію и честностію, и изъ коихъ устъ никогда ложъ не выходила, зачто васъ премного люблю, и во всякомъ случаѣ весьма охотно желаю оказать, сколько Я къ вамъ доброжелательна!

Екатерина!

Дек: 1: ч: 1770 года.

Всеподданнѣйше получено 21 дня Февраля, получено въ 7-мъ часу, на квартирахъ въ Безорабіи, въ Татарской деревнѣ Еникіо, близь мѣстечка Татаръ Бунару № 2.

III. Письмо Епископа Воронежскаго и Задонскаго Тихона къ Iосифу Емельяновичу Сатину.

Получено Августа 23 дня 1789 году.

Ваше Превосходителство.

Слово обѣщанія Христосъ Господь слышалъ. Разумѣй. что пишу. Обѣщаннаго ожидаютъ не имущіи хлѣба, не имущіи одѣянія, не имущіи домовъ, истязуеміи за долги и заключаеміи в̕ темницахъ и прочіи тымъ подобніи. Время сокращается. и, какъ вода мимотекущая, уходитъ. Я уже очень изнемогъ, и ожидаю себѣ кончины. А когда будетъ, незнаю. Имѣніе наше дотоль наше есть, доколь мы живы: а по кончинѣ, уже не наше есть. Ибо не въ нашей власти состоитъ. И хотя оно отдается кому надлежитъ, не отъ насъ уже отдается. А часто и не отдается, но удерживается. И часто попадается въ руки, въ какія мы не хощемъ. Человѣкъ, умирая. прощается съ міромъ, прощается съ имѣніемъ своимъ. какое ни имѣлъ. Доволно разумному, что написано.

Тебе же и васъ милости Божіей поручая, остаюсь
вашъ доброжелатель
Тихонъ Епископъ.

6 Маія 1779 года.
Задонскій.

ХРОМО-ЛИТ. КОРЧАКЪ НОВИЦКАГО, КІЕВЪ

РОДОСЛОВНАЯ

ТАБЛИЦА

МОЛДАВСКАГО

ГОСПОДАРСКАГО РОДА

ДРАГОШЕЙ.

I. ДОМЪ ДРАГОШЕЙ въ МОЛДАВІИ (по Кантемиру).

1. Драгошъ
2. Сасъ
3. Ласко
4. Богданъ I Мушатъ.
5. Петръ I бездѣтенъ
6. Стефанъ I. избранъ
7. Романъ I.
8. Петръ II.
9. Стефанъ II.
10. Югъ.
11. Александръ I Добрый въ 1439 г.
12. Илія I.
13. Стефанъ III.
14. Романъ II.
15. Петръ III.
16. Стефанъ IV.
17. Александръ III.
18. Богданъ II.
19. Петръ V Ааронъ.
20. Стефанъ V Великій въ 1500 г.
21. Богданъ III Косой.
22. Стефанъ VI младшій, безпотоменъ.
23. Петръ V Рарешъ или Маце (незаконнорожденный).
24. Стефанъ VII, объявившій себя правнукомъ Александра II.
25. Илія II. бездѣтенъ.
Стефанъ VIII. бездѣтенъ.

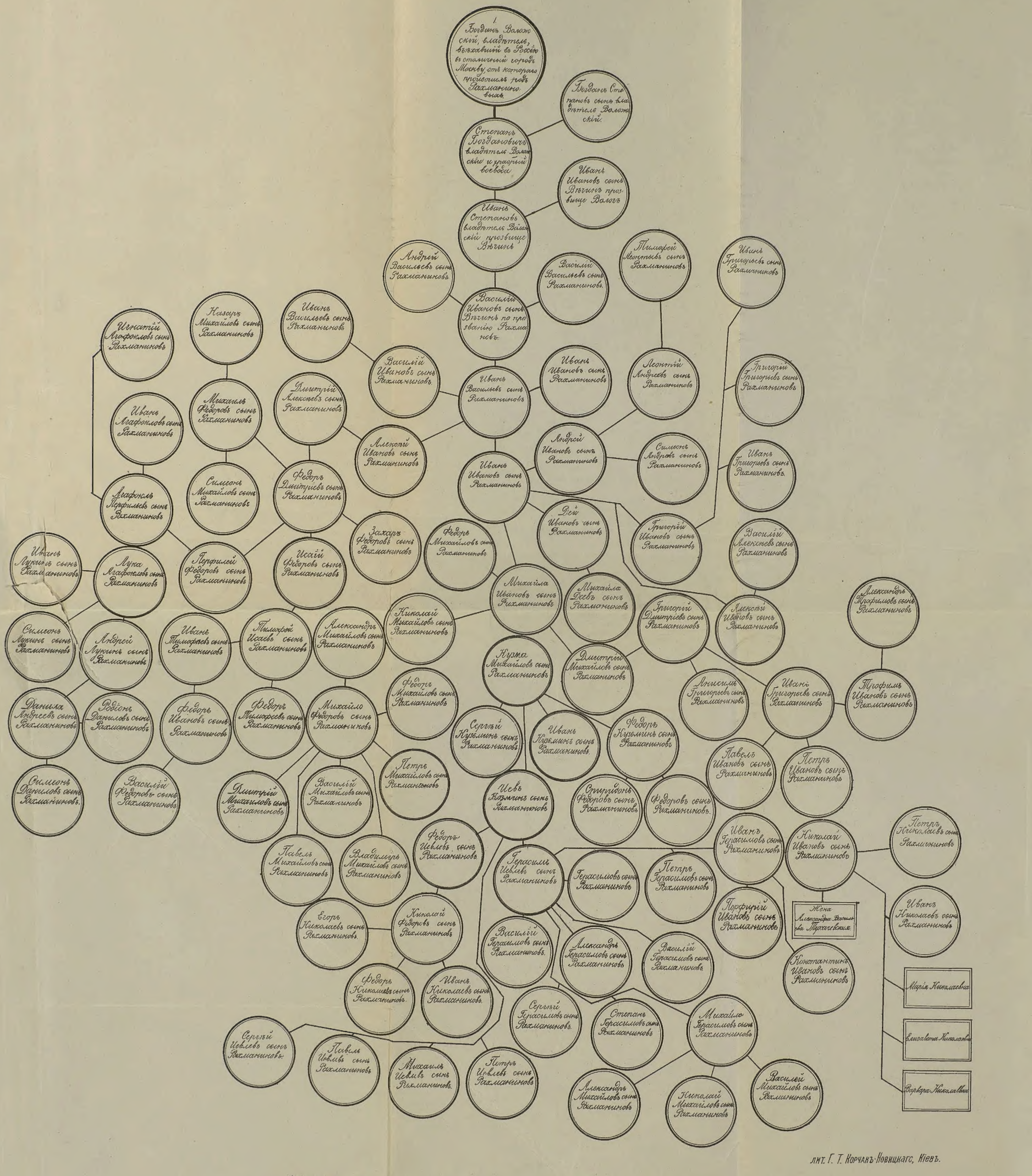
Конецъ линіи Драгошей.

II. ДОМЪ ДРАГОШЕЙ въ МОЛДАВІИ (по С. Н. Палаузову).

1. Драгошъ около 1350.
2. Богданъ Саксонскій I.
3. Лацко.
4. Богданъ II.
5. Петръ I.
6. Стефанъ I.
7. Романъ I.
8. Югъ.
9. Александръ Добрый.
10. Илья.
11. Стефанъ II.
12. Романъ II.
13. Петръ II.
14. Стефанъ III.
15. Чуберъ I.
16. Александръ II.
17. Богданъ IV.
18. Петръ-Ааронъ.
19. Стефанъ IV.
20. Богданъ V Кривой.
21. Стефанъ V.
22. Стефанъ VI.
23. Петръ Рарешъ.
24. Стефанъ VII.
25. Александръ Корніа (рогъ).
26. Илья II.
27. Стефанъ VIII до 1552.

Иванъ Вечинъ.
Василій Рахманинъ. Иванъ Волохъ.

Конецъ линіи Драгошей.

лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Кіевъ.

(Изъ дѣлъ Тамбовскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія).

1 Богданъ, Воложскій владѣтель, выѣхавшій въ Россію въ столичной городъ Москву, отъ котораго произошелъ родъ Рахманиновыхъ.
Богданъ, Степановъ сынъ, владѣтель Воложскій.
2 Степанъ Богдановъ сынъ владѣтель Волоскій и храбрый воевода.
Иванъ Степановъ, владѣтель Волоскій, прозвище Вѣчинъ.
Тимофей Дѣментьевъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Григорьевъ сынъ Рахманиновъ.
Андрей Васильевъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Васильевъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Ивановъ сынъ Вѣчинъ, по прозванию Рахманинъ.
Иванъ Васильевъ сынъ Рахманиновъ.
Назаръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Игнатей Агафоновъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Дементей Андреевъ сынъ Рахманиновъ.
Григорей Григорьевъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Димитрій Алексѣевъ сынъ Рахманиновъ.
Михайло Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Васильевъ сынъ Рахманиновъ.
Алексѣй Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Агафоновъ сынъ Рахманиновъ.
Андрей Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Симіонъ Андреевъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Григорьевъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Дмитріевъ сынъ Рахманиновъ.
Симіонъ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Агафонъ Перфильевъ сынъ Рахманиновъ.
Захаръ Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Дей Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Григорей Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Алексѣевъ сынъ Рахманиновъ.
Ной Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Перфилей Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Михайло Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Михайло Деевъ сынъ Рахманиновъ.
Алексѣй Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Лукинъ сынъ Рахманиновъ.
Лука Агафоновъ сынъ Рахманиновъ.
Александръ Трифоновъ сынъ Рахманиновъ.
Семіонъ Лукинъ сынъ Рахманиновъ.
Тимофей Ноевъ сынъ Рахманиновъ.
Александръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Тимофеевъ сынъ Рахманиновъ.
Николай Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Дмитрей Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Григорей Дмитріевъ сынъ Рахманиновъ.
Анисимъ Григорьевъ сынъ Рахманиновъ.
Трифонъ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Андрей Лукинъ сынъ Рахманиновъ.
Кузма Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Кузминъ сынъ Рахманиновъ.
Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Григорьевъ сынъ Рахманиновъ.
Михайло Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Тимофеевъ сынъ Рахманиновъ.
Сергей Кузминъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Кузминъ сынъ Рахманиновъ.
Спиридонъ Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Петръ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Даниіла Андреевъ сынъ Рахманиновъ.
Петръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Дмитрей Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Исай Кузминъ сынъ Рахманиновъ.
Павелъ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Петръ Николаевъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Владиміръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Николай Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Родіонъ Даниловъ сынъ Рахманиновъ.
Павелъ Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Петръ Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Парфиръ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Николаевъ сынъ Рахманиновъ.
Николай Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Герасимъ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Федоровъ сынъ Рахманиновъ.
Константинъ Ивановъ сынъ Рахманиновъ.
Жена Александра Васильевна Тухачевская.
Марья Николаевна
Семіонъ Даниловъ сынъ Рахманиновъ.
Егоръ Николаевъ сынъ Рахманиновъ.
Федоръ Николаевъ сынъ Рахманиновъ.
Иванъ Николаевъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Александръ Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Василей Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Степанъ Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Лизавета Николаевна
Варвара Николаевна
Михайла Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Николай Михайловъ сынъ Рахманиновъ.
Сергей Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Павелъ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Михаилъ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Петръ Исаевъ сынъ Рахманиновъ.
Сергей Герасимовъ сынъ Рахманиновъ.
Александръ Михайловъ сынъ Рахманиновъ умре въ 1788 году.
Михайловъ сынъ Рахманиновъ.